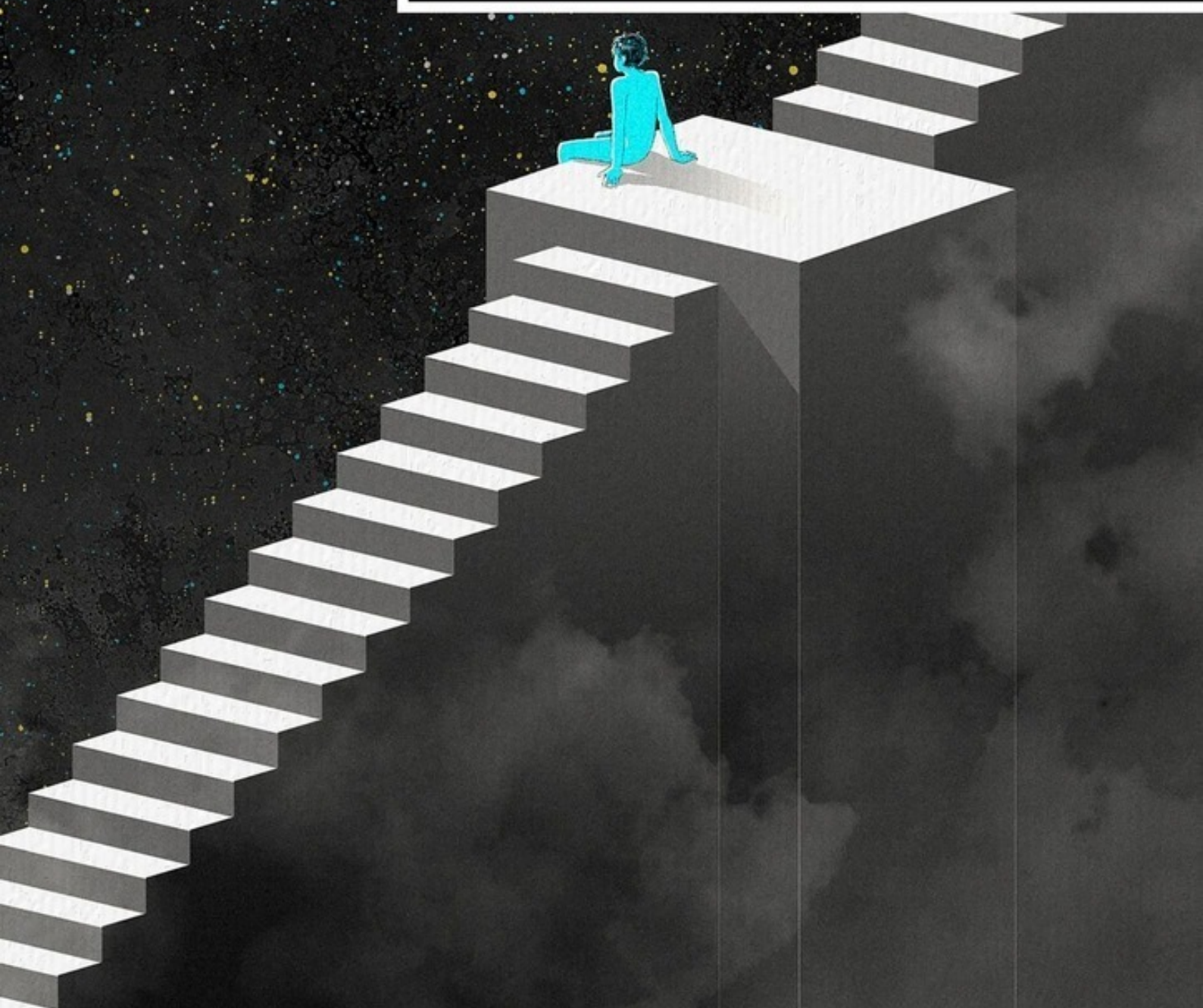

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА
КАШИНА

ПУТИ НЕИСПОВЕДИМЫЕ

Елена Кашина

Пути неисповедимые

«Издательские решения»

Кашина Е. А.

Пути неисповедимые / Е. А. Кашина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507333-4

Человечество расколосось на два несовместимых между собой мироустройства: на пришедший к логическому завершению своего развития капитализм и достигший расцвета социализм. Антиутопия «Свет во тьме» — это попытка заглянуть в будущее и понять, куда ведут происходящие в наше время мировые процессы. Утопия «Великий Восток» рассказывает о жизни людей в обществе равных возможностей, построенном на фундаменте традиционных религиозно-нравственных ценностей.

ISBN 978-5-00-507333-4

© Кашина Е. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Книга первая	7
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Часть вторая	31
Глава первая	31
Глава вторая	37
Глава третья	44
Глава четвертая	47
Глава пятая	58
Глава шестая	60
Часть третья	64
Глава первая	64
Глава вторая	70
Глава третья	73
Глава четвёртая	78
Глава пятая	81
Глава шестая	85
Часть четвертая	91
Глава первая	91
Глава вторая	98
Часть пятая	104
Глава первая	104
Глава вторая	110
Глава третья	117
Часть шестая	121
Глава первая	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Пути неисповедимые

Елена Александровна Кашина

*Посвящается памяти
Кашина Вячеслава Константиновича,
мужа и друга*

© Елена Александровна Кашина, 2019

ISBN 978-5-0050-7333-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Диалогия «Пути неисповедимые» была задумана во времена «перестройки», когда целенаправленно разрушали наш дом – государство СССР, хищнически разворовывая всё, что с невероятными трудностями было восстановлено и построено народом после гражданской и Великой Отечественной войн, и с лица земли стирали социалистический уклад жизни.

Первая книга диалогии, антиутопия «Свет во тьме», – это попытка заглянуть в будущее, понять, куда ведут происходящие мировые процессы, что замышлено построить на руинах разрушаемого жизнеустройства. И чем по времени дальше мы уходим от начала этих процессов, тем очевидней становится, что, как это ни прискорбно, наша жизнь движется именно в направлении мироустройства, описанного в этом произведении.

Во второй книге диалогии, утопии «Великий Восток», говорится о жизни людей в справедливом, высоконравственном обществе материального достатка для всех людей, построенном на фундаменте традиционных религиозно-нравственных ценностей.

Россия находится на перепутье, и, как говорит один из героев книги, «всё взаимосвязано во времени и будущие поколения – безвинные заложники действий живущих ныне. Что мы посеяли, то они и пожнут. Боже правый, наставь нас на путь истинный»

Книга первая

СВЕТ ВО ТЬМЕ

*И когда Он снял седьмую
печать, сделалось безмолвие
на небе, как бы на полчаса.
(Апокалипсис 8:1)*

Часть первая

Глава первая

Был поздний час. Давно стемнело. Доктор, директор школы «Луч Абсолюта» касты Э, собрался было уже покинуть рабочий кабинет, но прозвучал сигнал вызова, и на экране видеосвязи возникло растерянное лицо привратника. Тот сообщил, что не назвавший себя мужчина привез маленькую девочку, без объяснений, передал ее документы и сразу же уехал. Это было необычно: по заведенному порядку, поступающих в школу детей – нарядных, веселых, с сияющими любопытством глазами, взволнованные родители привозили утром, и с рук на руки передавали персоналу школы. Доктор распорядился увести девочку из привратничкой в корпус «Малышка», а её документы утром принести к нему.

Весь следующий день он был занят в большом школьном хозяйстве, а когда в конце дня освободился и пришел в рабочий кабинет, то увидел лежащую на рабочем столе папку и только тут вспомнил про привезенную накануне девочку. Устало опустился в кресло за рабочим столом, отдыхая, немного посидел расслабленно, потом придвинул к себе и открыл почти пустую папку с солидным золотым тиснением «ДОЦМА» – Департамент Образования Центрального Сектора Мира Абсолюта. Со снимка во всю страницу на него смотрело знакомое детское личико. Девочка стала старше, изменилась, но, без сомнений, это была Даша, дочь Профессора, в доме которого он гостил два года тому назад, когда участвовал в семинаре на Острове Высших. Рассматривая снимок, он тревожно задавался вопросом: как из касты Высших она попала в элитную касту?

Встал, в смятении быстрым шагом прошелся по кабинету, потом бланк личной карточки девочки вынул из папки и вставил его в стоящий на отдельном столике проверочный аппарат служебных бланков. Согласно «Закону о запрете неконтролируемого перемещения лиц», бланки документов в каждой касте Мира Абсолюта имели внешне незаметные отличия, что исключало возможность подделки. Бланк карточки не совпал с контрольным. Он, незамедлительно, обязан был сообщить об этом в соответствующую инстанцию.

Не в состоянии собраться с мыслями, какое-то время, растеряно вышагивал по кабинету, натываясь на мебель. Наконец, овладел собой, по связи попросил старшего воспитателя корпуса «Малышка» позаботиться о новенькой и предупредил дежурного администратора школы, что уезжает по неотложным делам.

Явился в городскую квартиру, запер входную дверь, отключил видеосвязь. Не в состоянии чем-то заняться, сидел неподвижно в кресле, а в мозгу неотвязно билось: что случилось с Профессором и Марией? как поступить? что будет с девочкой, если он сообщит о ней? что будет с ним, если не сообщит?

На другой день вернулся в школу и, осознавая, что все само собой не уладится и срочно нужно на что-то решиться, но оттягивая принятие решения, с головой окунулся в дела.

* * *

Старший воспитатель блока «Малышка» или, как все – и дети, и взрослые, называли ее «старшая мамочка», сокрушенно рассматривала сидящую перед ней на детском стульчике девочку, а та упорно не поднимала глаз. Угрюмая, нелюдимая девочка, даже на собственное имя не откликается. И непричесанная. Над ухом прядь волос сколота неуместной на детской головке взрослой заколкой. И заколка-то эта не яркая и блестящая, по нынешней моде, а из какого-то матового металла. Со времени поступления девочки в школу никто не смог ее уговорить снять заколку и причесать волосы. Вот и сейчас, старшая мамочка, недоумевая и огорчаясь, сидела, опустив на колени руку с расческой, а девочка глядела в пол, обеими руками прижимала заколку к голове и вот-вот готова была заплакать. Она и плакала-то не как другие дети – громко и требовательно, а тихо и горько глотая слезы. Сердце доброй старшей мамочки этого не выдерживало. «Странная девочка... Уж, не из массовой ли она касты?» – недоумевала она. Но это было возможно только в случае сверходаренности ребенка, а за несколько лет её службы в школе после окончания ВУЗа, такого не случилось.

Первые месяцы пребывания ребенка в школе были столь насыщены, а годами отработанные методы адаптации столь совершенны, что малыши легко и быстро привыкали к жизни в школе. Немалую роль здесь играло и то, что, за год до поступления ребенок вместе с родителями посещал школу во время праздников и специально организованных знакомств с будущими одноклассниками и учителями, и, когда приходила пора окончательно поселиться в ней, его встречали уже знакомые учителя, воспитатели и сверстники. Эту же девочку старшая мамочка припомнить не могла. Прошло уже несколько дней с появления ее здесь, но о ней словно забыли, хотя, более чем очевидно, что она нуждается в частичной блокировке памяти и подсознания. Конечно, нет, она не критикует Вышестоящих, несомненно, все делается правильно, и ее дело, как и всех в Мире Абсолюта, строго выполнять ГПЖ – Главное Правило Жизни: «Точно, беспрекословно, не допуская сомнений и критики, выполнять все указания Вышестоящих». Мелькнула пугливая мысль: какое заключение выдал бы Эл-Мо, если бы сейчас ее подвергли проверке на лояльность? В элитной касте такие проверки проводили очень редко и только в неординарных случаях, но, осуществляя самоконтроль за поведением, словами, мыслями, страх перед ними внедрился в подсознание людей,

Перепоручив девочку молоденькой дежурной воспитательнице, старшая мамочка, по заведенному порядку, поспешила с обходом помещений корпуса. Утренний обход всегда доставлял ей удовлетворение: выполненные с большим вкусом интерьеры, масса игрушек, с вечера убранных в застекленные шкафы, удобная мебель, чудесные ковры и портьеры – все красивое, дорогое и в идеальном порядке, а в растворенные окна с недалеких гор задувает чистый, прохладный воздух.

Из спален доносились голоса: воспитатели всё ещё будили малышей, поощряя разноцветными жетончиками тех, кто бодро вставал, быстро умывался, одевался и бежал в спортивный зал на зарядку. На завтрак обладатели жетонов получали сладкое, тем же, у кого жетона не было, сладкое не полагалось.

Обойдя все комнаты и закоулки, чтобы узнать, как прошла ночь, как спали дети, старшая мамочка отправилась на пульт ночного наблюдения. Пульт представлял собой вытянутый узкий зал, одна стена которого экранами обзора спален была, как бы разлинована в клетку. Если ребенок спал беспокойно, включался звонок, а возле соответствующего экрана загоралась лампочка, и об этом инспектор-наблюдатель сообщал дежурному воспитателю. Новенькая и в эту ночь металась, всхлипывала, и звонок звенел почти беспрестанно.

Старшая мамочка спускалась по лестнице, когда запыхавшаяся нянечка, в поисках ее обежавшая весь корпус, сообщила, что вместе с новенькой девочкой её в свой кабинет вызывает Доктор.

Всякая встреча с Доктором приводила старшую мамочку в волнение. Вот и теперь, слегка переполошившись, она поспешила в столовую. Почти все дети уже поели, а эта девочка, сложив руки на коленях и понуро уставясь в наполненную тарелку, сидела за столом одна. «Ничего не съела, – огорчилась старшая мамочка. – Так и не причёсана. Хорошо, хоть одета опрятно».

Небольшой двухэтажный домик Доктора, директора школы, находился в глубине парка. С улицы каменная лестница в несколько ступенек вела в холл-гардеробную со шкафами для верхней одежды. Из него через высокую двухстворчатую дверь – вход в обставленную дорогой мебелью гостиную: просторную, светлую, с высокими овальными окнами по двум стенам и выходом на увитую диким виноградом широкую веранду. Другая дверь из холла вела в рабочий кабинет Доктора, а ещё одна – в столовую, куда обеды из общей кухни доставлял робот-разносчик. На втором этаже находились две спальни и библиотека – светлая комната со стеллажами книг, большим письменным столом и библиотечной аппаратурой.

Держа девочку за руку, старшая мамочка вошла в холл, увидела приоткрытую дверь кабинета, и, оробев, остановилась. Поджидавший их Доктор с приветливой улыбкой сам широко распахнул перед ними дверь.

Усадил их на диван, расспросил мамочку все ли дети в корпусе «Малышка» веселы и здоровы, а потом сказал:

– Коллега, скоро пять лет как вы трудитесь в нашей школе. Пора подумать, какое поощрение хотелось бы вам получить за безупречную службу. Ваше пожелание обязательно будет учтено.

И заключил:

– А сейчас оставьте меня с маленькой озорницей. Я сообщу, когда нужно будет прийти за ней.

Возвращалась мамочка окрыленная: какое попросить поощрение ей думать не надо: навестить родную школу, родные места, близкую подругу – это такое счастье! После окончания института подруга получила направление в родную школу, где тоже служила в должности старшего воспитателя. За пять лет обе они поумнели, приобрели опыт и им есть о чем поговорить всласть, как бывало в юности. Обе они любили детей, но обеим не было дано разрешение на брак с правом на ребенка, поэтому они решили посвятить свою жизнь чужим детям. И теперь у них много детей. Персоналу школы дети приносят заботы, огорчения, но и огромные радости своей привязанностью, своими успехами. Доктор обязательно выхлопочет ей дополнительный отпуск и бесплатный проезд. Всем им в школе очень повезло, что у них такой директор: требовательный, строгий, но добрый и отзывчивый. Как он ее назвал? «Коллега!» Об этом она обязательно расскажет подруге. Так размышляла старшая мамочка, неторопливо возвращаясь в корпус по пустынному в это время утра школьному парку. Она не хотела себе признаться, что давно уже робко и безнадежно влюблена в Доктора.

Даша сидела на краешке дивана и, потупясь, теребила подол платья. Рассматривая её, Доктор ходил по кабинету: маленькая, сгорбленная, поникшая. Сел рядом.

– Здравствуй, Дашенька, – произнес ласково.

Вся затрепетала, подняла на него выражающие страдание, вопрос, жаркую надежду широко распахнутые глаза. Пересадил к себе на колени. Обхватив руками голову, она зашептала ему в ухо:

– Это секрет... Мама велела забыть... Ты забыл, а потом снова вспомнил? Да?

– Я опять забыл. Совсем, совсем забыл. Как тебя зовут?

– Кэ-ти... – прошептала, запинаясь, и тихо заплакала.

Доктор укачивал ее на руках; уткнувшись лицом ему в грудь, она тихонько всхлипывала. Погладил по головке, но, когда коснулся заколки, она быстро отвела его руку. Наконец успокоилась и уснула. Уложил ее на диван, рядом положил присланные фабрикой образцы игрушек, на которые следовало оформить заказ.

В тягостном раздумье походил по кабинету. Уселся за рабочий стол: ждали неотложные дела. Долго работал. Для оформления заявок на питание, одежду, книги, игрушки в папке бумаг на подпись лежал список вновь поступивших воспитанников. Вопрос о Даше следовало решить безотлагательно. Потирая руками лицо, посидел, вглядываясь в спящую девочку. Вид ее и во сне был несчастным, она вздрагивала, морщила лобик. Наконец решительно встал, вынул из проверочного аппарата контрольный бланк личной карточки и перенес в него данные из недействительного бланка. Посидел на диване возле тяжело спящей Даши.

Даша проснулась, открыла глаза, рядом с собой увидела много красивых игрушек. Подумала, что она снова дома у мамы и папы, и больше не надо тихо сидеть между набитыми мешками, где очень хочется чихать и бегают живые мыши и крысы – такие страшные и противные, не такие как игрушечные. Обвела глазами комнату. Нет, это был не ее дом. За столом сидел добрый дядя, который знает ее секрет – ее настоящее имя. Осторожно взяла лежащего рядом большого мишку, прижала к себе, и, притворяясь спящей, сквозь подрагивающие ресницы, пристально наблюдала за Доктором.

Приближалось время обеда. Заметив с напряжением зажмуренные глаза и прижатого к груди мишку, Доктор улыбнулся:

– Мишка, кто спит рядом с тобой? Как зовут эту девочку? Кэти?

– Да... – лукаво приоткрыла глаза.

Он умыл ее, уговорил причесаться и опять собрал волосы заколкой.

Робот доставил обед, через специальное окошко в стене установил блюда на плиту подогрева. Вместе накрыли на стол, сели напротив друг друга. Ей так хотелось понравиться... Подражая ему, она съела все, что было на тарелках.

– Я сама, я сама! – воскликнула, отнимая пустую тарелку, когда стал убирать со стола.

Доктору нужно было отлучиться по делам.

– Ты не побоишься остаться одна, если я ненадолго уйду?

– А здесь есть мыши? – смотрела доверчиво.

– Здесь только ты, я и игрушки, а больше никого нет.

«Наверное, мыши только там, где мешки» – сообразила, но, на всякий случай, на диван забралась с ногами.

Перед ужином пришла старшая мамочка, чтобы увести её в корпус. Но, увидев ее, Даша так побледнела, с таким отчаянием глядела на них, что было решено, временно, оставить ее у Доктора, а старшая мамочка должна будет утром уводить ее и постепенно приучать к жизни среди детей.

Доктор мог распорядиться о применении искусственной адаптации, и девочка уже не тосковала бы, не страдала, она совсем забыла бы Марию, Профессора и Инженера, и они не являлись бы к ней во сне, но он не хотел этого. К искусственной адаптации он относился очень недоверчиво, и, если воспитатели обращались к нему с просьбой применить ее к трудному воспитаннику, всегда отказывал, требуя к душе ребенка находить подход.

Доктор лег поздно, но спал недолго. Проснулся оттого, что затекла рука: прижавшись, и обхватив обеими руками его руку, рядом спала перебравшаяся к нему ночью Даша; хотел высвободить, в ответ она, инстинктивно, еще крепче прижалась к нему. Не сомкнув больше глаз, остаток ночи обдумывал создавшееся положение, и искал выход.

Для старшей мамочки наступили счастливые дни: она каждый день общалась с Доктором. Сразу после того, как Доктор и Даша отзавтракают, она уводила ее с собой и вновь приводила к обеду. Доктор предложил и ей обедать вместе с ними, но от смущения она отказалась. После дневного сна она опять забирала Дашу, а вечером приводила, играла с ней. Как-то они на веранде играли на кибере в «преодолей препятствие». Услышав азартные споры, к ним вышел Доктор:

– А меня в игру примете?

Все трое играли со старанием, но победила старшая мамочка: у нее был большой опыт по части детских игр. Потом они вместе ели яблоки, и ей, как победителю, Доктор вручил самое большое и красивое. Было так просто, так чудесно!

* * *

Всё разрешилось неожиданным образом. На видеосвязь с Доктором вышел старый полузабытый друг, с которым они росли в одной школе, потом вместе учились в университете на одном курсе, но на разных факультетах, немного дружили, и вот уже лет пять не виделись. Поговаривали, что тот занимает какой-то важный пост в организации, общения с которой все стараются избежать. Друг сказал, что только сегодня вернулся из поездки в Южный сектор, наконец-то привез обещанную ему книгу, и пусть он встречает его, – он сейчас вылетает. Доктор недоумевал: не мог вспомнить, когда он просил достать какую-то книгу.

Через полчаса они встретились на школьной аэролётной площадке. Друг сразу сказал, что прилетел ненадолго, только передать книгу и взглянуть, как он тут устроился, ведь до этого навестить его в школе он так и не удосужился.

– Стареем, стареем. Друзей забываем, а это негоже, – бодро говорил Друг и пытливо всматривался в лицо Доктора.

Солнце скрылось за тучу, накрапывал дождь. По горбатому мостику перешли речку. На её берегу, не обращая внимания на начинающийся дождь, мальчишки удили рыбу. По березовой аллее вышли к школьным корпусам, прошли просторную площадь и свернули на узкую мощеную дорожку к домику Доктора. Друг внимательно поглядывал по сторонам.

– У тебя тут неплохо... В следующий раз покажешь свое хозяйство. А сейчас некогда. Сегодня же опять улетаю.

«Будет ли следующий раз?»... – подумал Доктору.

Одобрительно осматривая, гость прошелся по комнатам домика.

В гостиной на низкий столик Доктор выставил бутылку старого вина и вазу с фруктами. Устроились в креслах. Выпили за дружбу, за будущие встречи. Доктор был удручен и разговор не клеился.

– Да! Вот тебе книга! – произнес, наконец, гость, доставая из кейса книгу. – Ну, мне пора, – заторопился.

– Побыл бы..., дождь усиливается. – Доктор, наконец, решился довериться старинному другу и рассказать в какое трудное положение он попал. Но тот уже встал, взял в руки кейс и зонт.

Расставались под проливным дождем. Доктор опять нерешительно попросил:

– Дождь надолго. Что за нужда тебя гонит? Остался бы...

– А!..., – беспечно махнул тот рукой, – и не в такую погоду приходилось летать – И, поднимаясь в аэролет, значительно напомнил: – книгу посмотри сегодня же. Со мной на связь не выходи, – предупредил.

Вернувшись в дом, Доктор взял в руки книгу, прочитал название, раскрыл. За титульным листом лежал незаполненный бланк личной карточки ребенка, поступающего в школу. Всё, что в эти дни копились в душе, что он подавлял, скрывал от окружающих, навалилось на него разом. Не выпуская из рук такой необходимый спасительный бланк, в волнении он вышагивал

по кабинету. Наконец, бережно положил бланк в папку, где хранились контрольные бланки, и, чтобы успокоиться, решил принять холодный душ.

Спустя несколько дней к Доктору явились два тихих, неприметных субъекта. Они потребовали ключи от кабинетов, сейфов, шкафов и попросили им не мешать. Через два дня они, извинившись, ушли.

Глава вторая

Официально именовавшаяся «Луч Абсолюта», школа представляла собой городок, просторно раскинувшийся у края широкой долины предгорья между пологими, поросшими лесом холмами. Особую живописность местности придавали возвышающиеся вдаль снежно-белые вершины гор и быстрая горная речка, пересекающая территорию школы.

В школе «Луч Абсолюта» обучались дети жителей города НГЭ-2 элитной касты. НГЭ-2 являлся городом-спутником старинного города, превращённого в мёртвый город-музей. В нем жили работающие в городе-музее искусствоведы, научные сотрудники и художники. В НГЭ-2 находилась Школа Искусств с факультетами углубленного изучения культур, искусств и ремёсел эпохи Заблуждений и эпохи Абсолюта, а также очень престижная консерватория.

Из города НГЭ-2 к школе, находящейся в нескольких километрах от него, вела дорога, по которой курсировал обслуживающий её транспорт. За высокими коваными воротами с боковой калиткой, находилась усаженная кустами роз просторная площадь, в центре которой возвышалась скульптура – мальчик и девочка в высоко поднятых руках держат шестиконечную Звезду Абсолюта. На противоположном воротам краю площади – большое светлое двухэтажное здание с высокими стрельчатыми окнами и колоннами на входе – здание Дворца Муз. На его первом этаже, в левом крыле – Зал Почёта, где были вывешены портреты выпускников, прославивших школу, а среди них – учёные, художники, композиторы, общественные деятели и под стеклом лежала большая красная книга с золотым тиснением – книга Почёта с внесенными в нее именами лучших учеников каждого выпуска. Зал Почёта не был пустующим, редко посещаемым. В этом зале выставляли образцы или макеты последних достижений в области науки и техники, и на отдельном стенде стояли признанные лучшими, получившие премию Абсолюта литературные произведения, восхваляющие мудрость Высших, прославляющие достижения Мира Абсолюта. Их изучали, по ним школьники писали сочинения.

Над Залом Почёта, на втором этаже, находилась картинная галерея из двух небольших залов: зала классики, где, постоянно меняя произведения, выставляли прекрасно выполненные копии самых известных картин и скульптур, как эпохи Абсолюта, так и эпохи Заблуждений, и зала произведений, отражающих художественные новации современности.

Правое крыло второго этажа занимал театр, уступающий только размерами, но не роскошью убранства, театрам городов элитной касты: нежно-голубая ворсистая обивка кресел; ворсистое сине-золотое покрытие полов; сотканный по рисунку известного художника золотой парчи занавес в виде палубы корабля, заполненной пассажирами – смешными и веселыми театральными персонажами – сражающимися на шпагах, пляшущими, хохочущими, лукаво подмигивающими, и украшающая театр с множеством хрустальных подвесок позолоченная люстра в виде шестиконечной звезды.

Широкая беломраморная лестница соединяла просторные холлы первого и второго этажей. В холлах высокие овальные окна и массивные инкрустированные позолоченным металлом двери, ведущие в Зал Почёта – на первом этаже, в картинную галерею и театр – на втором. В правом крыле первого этажа – всевозможные студии.

Возвышающиеся на просторной площади два многоэтажных учебных корпуса соединяли школьный комплекс воедино. В учебных корпусах светлые просторные классы и оснащенные

самыми современными оборудованием и приборами аудитории; отделанные просто и строго актовый зал, лестницы, эскалаторы, лифты. Между двумя этажами любимое место ребят, особенно зимой, – соединяющие учебные корпуса оранжереи высотой в два этажа с тропическими растениями, с ящерицами и черепахами и летающими свободно птицами. На последнем этаже одного из корпусов отражали солнце панорамные окна изостудии.

К площади сходились аллеи: платановая от Дворца Муз, липовая от женских спальных корпусов, каштановая от мужских спальных корпусов, берёзовая от спортивного комплекса. В пору цветения воздух в парке был напоён ароматами: нежным лип, дурманяще-сладким сирени и акации, благоуханием роз и жасмина.

Учебные корпуса и спальные соединяли не только аллеи, но и подземное виртуальное пространство движущихся дорожек. Это было царство фантазии: движущаяся дорожка со стоящими на ней ребятами въезжала то в залитый причудливым светом грот, то в пасть зверю, то в пространство звездолёта или среди извивающихся водорослей скользила по дну моря – всё это придумывали и воплощали сами дети под руководством взрослых.

На берегу реки, зажатой в каменные берега на территории школы, размещался спортивный комплекс: плавательный бассейн, стадион, теннисный корт, дорожки – спортивные, для велосипедистов, для верховой езды.

В стороне от Дворца муз, в глубине школьного парка, поодаль друг от друга, находились три небольших здания: небольшое одноэтажное административное, двухэтажное – поликлиники, прекрасно оснащённой медицинским оборудованием, и домик Доктора. В другой стороне парка, на его окраине, на берегу реки в большом доме с высокими ступенями, ведущими к входу, и с просторными светлыми холлами и балконами в небольших уютных квартирах проживали школьные учителя и воспитатели.

Через реку был перекинут горбатый мостик, а за ним, на другом берегу – взлётно-посадочная площадка с ангаром для аэролётов и гараж с электромобилями. Дальше раскинулись сады и огороды. Школа полностью обеспечивала себя ягодами, фруктами, овощами. В стороне от садов и огородов находились коровник, конюшня, птичник и сарай с кроликами в клетках. Большое, полностью механизированное хозяйство, обслуживали высококвалифицированные работники и во всём им помогали школьники.

* * *

Доктор любил свою школу, своё детище, как он считал, по праву. Рано утром, когда все ещё только просыпаются, он любил пройтись по парку, в этот час тихому, прохладному, напоённому запахами зелени, сверкающему каплями росы, а после этого, вникая во всё, не упуская из внимания даже мелочей, неспешно обойти школьное хозяйство, Персонал ждал его утреннего обхода и волновался. Замечания он делал спокойным, вежливым, но холодным тоном, однако, это заставляло подчиняться беспрекословно.

Ему доставляло радость видеть, как малыши с криками носятся по парку, играя в войну между «нашими» – абсами и «врагами» – китайцами и русскими или с муравьиным старанием строят домики из кубиков и брусочков и разыскивают клады – спрятанные воспитателем сладости; нравилось слышать доносящиеся со стадиона крики и звуки ударов по мячу. Он любил пройтись по школьным коридорам, в то время, когда в огромных зданиях тишина нарушается только еле слышными звуками голосов из-за закрытых классных дверей.

Находясь среди детей, он внимательно всматривался в их лица и не уставал повторять персоналу, что школа для каждого должна остаться светлым воспоминанием, дающим утешение в жизненных невзгодах и среди детей не должно быть обижаемых неприкаянных сирот – ведь дети, подчас, бывают жестоки. Он убеждал, что именно слабым детям нужно уделять внимание в первую очередь.

Он любил свои бесконечные хлопоты о том, чтобы дети питались исключительно натуральными продуктами, чтобы все были обуты, одеты, никто не обойдён заботой. Он старался, чтобы в школе всем было тепло и уютно. Не забывал, не обходил вниманием и персонал – сложившийся дружный, преданный школе коллектив.

* * *

Прошло несколько месяцев и маленькая Даша, позабыв невзгоды, прижилась в школе и привыкла к имени Катя – так стала звать её старшая мамочка, уроженка Восточного сектора. Скучать было некогда. Первому подготовительному году обучения Доктор придавал особое значение: за этот год нужно было приучить ребёнка к самостоятельности, чистоплотности, аккуратности, научить бесконфликтному общению и доброму отношению к другим, приучить к дисциплине, выработать умение сосредоточиться.

Корпуса для девочек и мальчиков находились в противоположных сторонах парка, и каждый имел собственное название: «Малышка», «Веселый», «Айсберг» и т. д. Все они имели секционную планировку: три небольшие спальни на две-три кровати соединялись большой комнатой для игр и занятий; из комнаты игр – выход в небольшой коридор, откуда через одну дверь вход в санитарный отсек с туалетами, умывальниками и душевыми кабинками, а через другую – выход в общий коридор. В каждой секции свой воспитатель-педагог, за двумя секциями закреплена нянечка и роботы-уборщики, всегда исправные – за этим следили мастера-ремонтники, в бригаду которых входили и старшекласники.

Детей селили вместе по компьютерной рекомендации, но и, учитывая их желание, а чтобы шире был круг общения, вместе селили ребят из разных классов. Убранство комнат было простым, строгим, но не допускалось ничего поломанного, изношенного. Дети были одеты опрятно и красиво. Кроме школьной формы, каждый ученик имел обширный гардероб одежды домашней, спальной, для прогулок в разную погоду, для занятий различными видами спорта – всё яркое, разнообразное и выбранное самим ребёнком по своему вкусу.

С первых дней пребывания в школе детей приучали застилать кровать, не разбрасывать личные вещи, игрушки, книги – всему было отведено своё место. Вернувшись с прогулки, нужно было протереть и поставить обувь в гардеробе в свой шкафчик и туда же на плечиках повесить верхнюю одежду.

Самым трудным для Кати было перед сном раздеться и платье повесить в шкафчик, чулки или носки аккуратно положить на стульчик возле кровати, на его спинку повесить расправленные трусики и майку, надеть и застегнуть на все пуговицы пижаму, рядышком поставить возле кровати тапочки и только тогда лечь в постель. Она же, зевая, быстро сбрасывала платье, небрежно вешала его на плечики, с которых оно тут же спало, совала в шкаф комочки носков, кучкой бросала на стул трусы с майкой, кое-как натягивала пижаму, на ходу сбрасывала тапочки, прыгала в кровать и тут же засыпала. А через полчаса, проверяющая как уснули дети, нянечка будила её. С полузакрытыми глазами, качаясь со сна, она приводила свои вещи в порядок; и так продолжалось до тех пор, пока не приучилась раздеваться аккуратно.

В обширном парке мальчики и девочки под присмотром педагогов и воспитателей вместе бегали, кувыркались, ползали по траве – играли и одновременно обучались природознанию. К концу первого года обучения они уже знали названия произрастающих в парке деревьев, кустов, трав, цветов и населяющих его жучков, паучков, бабочек, кузнечиков, а также лягушек и рыб в школьном пруду – всего, что росло, ползало, прыгало, летало и плавало вокруг них. Уже могли составить их словесные портреты, рассказать какую они приносят пользу. С первого класса детей начинали приучать к работам в школьном хозяйстве: раздавать корм животным, собирать фрукты и овощи.

Дети имели и свободное время. Часа за два до сна они занимались тем, чем хотелось: одни играли в дочки-матери, другие сосредоточенно рисовали, читали книжки или рассматри-

вали картинку, а иные просто бездельничали. Перед сном им рассказывали сказки или показывали фильм с добрым концом.хлопот с малышами было много, но уже к концу первого года обучения все они были опрятны, подтянуты, вежливы, веселы, смышлены.

Первые полгода вновь поступивших детей домой не отпускали. Через месяц пребывания в школе и Кате запретили навещать Доктора. А ей так хотелось увидеть его: вдруг он уехал куда-нибудь насовсем и у неё нет ни папы, ни мамы, ни Доктора... Это очень её тревожило. Однажды Доктор в окно кабинета увидел её, бегущую во всю прыть. Она обежала дом, на ступеньках входа в веранду разулась и в одних чулках на цыпочках пошла вдоль стены, заглядывая в окна. Увидела его, присев крадучись спустилась с веранды, обулась и припустила обратно. «Убежала без спроса, – догадался. – Нужно наказать старшей мамочке, чтобы больше уделяла ей внимания».

Иногда к Кате во сне приходили мама или папа. Проснувшись, она ничего не помнила, но была угрюма. Чуткая старшая мамочка в такие дни относилась к ней особенно ласково и прощала все её капризы.

* * *

В школах Мира Абсолюта обучение начиналось с пяти лет. Мальчики и девочки обучались в разных классах. Играли же, занимались спортом и работали – все вместе.

Обучение было факультативным, по двум резко отличающимся программам: детей со способностями к точным наукам обучали в технических классах, остальных – в классах гуманитарных. По одному и тому же предмету для разных учебных программ были разные учебники. Знания по профильным предметам давались фундаментальные, глубокие, обширные, а по предметам непрофильным – обзорные, поверхностные. Считалось, что такое образование является наиболее продуктивным, дающим максимальную интеллектуальную отдачу. Кроме того, всем детям давали начальные знания по медицине. А к тринадцати годам все ребята должны были уметь летать на аэролётах и водить электромобили. На учебной площадке стояли аэролёты и электромобили с экранами компьютерного обучения.

В школах элитной касты воспитывали сильных, уважающих себя личностей, назначение которых – создавать интеллектуальные ценности и управлять отраслями производств. В них прививался дух дисциплины, уверенности в своих силах, устремлённости к достижению личного успеха, а, главное, первоочередное – низкопоклонной преданности Высшим и чувство избранности своей касты.

Персонал школ элитной касты был только из числа жителей этого слоя. Контакты детей элитной касты с людьми массовой касты были полностью исключены.

* * *

Наступила первая школьная осень, вначале яркая и нарядная, а потом пошли затяжные дожди, всё стало серым – и природа, и небо. Облетевшие деревья в парке стояли мокрые, над окрестными холмами висела дождевая завеса, а вода в реке стала свинцовой. На мокрую землю падал, но быстро таял снег. Наконец, с гор подул холодный ветер, ударил мороз, небо заволокли тучи. К утру мороз узорами разрисовал окна; на землю, деревья, крыши, перила и карнизы белым пухом лег снег. Пришла зима.

Потом настало время первых зимних каникулы и встречи Нового года. Малыши разъехались по домам. Почти все дети постарше каникулы проводили в школе, а иные, погостив несколько дней дома, возвращались – в школе было интересней.

Первый день каникул начинался с праздника встречи ёлки из леса. Мальчики-старшеклассники тянули жребий, кому ехать за ёлками.

Устанавливали три ёлки: главную, самую большую – на площади перед входом в школьные корпуса, вторую – посередине катка, и третью – в холле Дворца Муз. К вечеру главная

ёлка уже стояла наряженная. На нижние ветки игрушки не навешивали – здесь было место, куда малыши вешали игрушки, сделанные своими руками.

За час до наступления Нового года дети и персонал школы собрались вокруг ёлки на площади. Пели, плясали, читали стихи; Катя с подружкой, в шапочках с длинными заячьими ушами, станцевали танец «зайчики». Малышам вручили призы за игрушки, висящие внизу ёлки. Было весело, всем бурно хлопали. Ровно в полночь ёлка вспыхнула, засверкала множеством огней, на вершине засиял большой золотистый шар, а выше его, как бы в воздухе, загорелась лучистая шестиконечная звезда.

Грянул школьный оркестр, все запели гимн Абсолюту. Потом кричали «Виват!», с прославляющими Мир Абсолюта песнями хороводами ходили вокруг елки, прыгали, смеялись, обнимались, шумели, веселились. Наконец, от усталости валящихся с ног малышкой увели спать, а старшеклассники отправились во Дворец Муз на настоящий костюмированный новогодний бал.

На следующее утро в тумбочке возле каждой кровати лежали коньки – подарок от Абсолюта.

К окончанию зимних каникул был приурочен особо торжественный государственный праздник – День Законопослушного Свободного Гражданина Мира Абсолюта, День ЗСГА. В этот день каждому, кому в истекшем году исполнилось одиннадцать лет, присваивали звание ЗСГА и данные о нём вносили в Общемировой электронный мозг – Эл-Мо, а на тыльную сторону кисти правой руки наносили невидимый в обычном свете, но видимый в красном, персональный номер, присвоенный Эл-Мо. Нарядных, торжественных и взволнованных виновников торжества поздравляли родители и персонал школы, им дарили подарки, в их честь во Дворце Муз устраивали концерт, а на ужин подавали пирожное.

Завершил каникулы праздник «День сладкоежки». Старшеклассники под руководством поваров ещё накануне начинали стряпать и печь, и утром на сладкое всем подали по большому куску торта. Главное же пиршество наступило в обед. Младшие дети – нарядные, в ярких фартучках, вежливые и взволнованные доверием, разносили сладости по столам. Хотя все просили добавки, осталось и на ужин. После ужина повара и помогавшие им старшеклассники выходили, спрашивали: «вкусно ли, понравилось ли?» И ребята дружно кричали: «Вкусно, очень вкусно!»

В каникулы Катя часто навещала Доктора. Когда вечером он замечал, что пора ей уже и спать отправляться, она так неохотно и медленно начинала одеваться, что он говорил:

– Сбегай, отпросись у старшей мамочки и, если она позволит, возвращайся.

Она торопливо одевалась и стремглав пускалась бежать. Возвращалась запыхавшаяся, радостная. Раздевалась, пристраивалась рядом с ним, играла с игрушками, или ходила следом, как котёнок. Перед сном он читал ей сказку. Дети, как и животные, обладают даром чувствовать суть людей и всегда с готовностью признают, привязываются, подчиняются сильному хорошему человеку.

Старшую мамочку Катя любила, но могла капризничать, спорить с ней, обижаться на неё, сердиться, потом мириться, а та огорчалась, наказывала и прощала – любила и радовалась ей. К Доктору же у Кати было совсем иное отношение: ему хотелось подражать, походить на него. У него были такие красивые руки – в толстых жилках, по которым интересно водить пальцем, а если надавить, то они расплющиваются. На руках Кати, к её огорчению, жилок не было, и тогда она нарисовала их фломастером, но воспитательница велела пойти и хорошо отмыть руки. А ещё у него была чудесная лысина – гладкая и немного блестящая. Катя взяла ножницы и выстригла себе на макушке волосы. Правда, хорошая лысина не получилась, и волосы на макушке, отрастая, потом долго стояли торчком. Доктор же, когда ему пожаловалась стар-

шая мамочка, узнав, почему она испортила себе косички, долго, но не обидно, смеялся так, что и Катя, и старшая мамочка тоже стали смеяться и хохотать до упаду.

По окончании подготовительного класса, перед тем как пойти в первый класс, дети проходили тестирование на выявление способностей и определение коэффициента интеллекта. Доктор был убеждён, что нет детей неодарённых, что каждый ребёнок должен почувствовать свою ценность хоть в чём-то малом, и главная задача воспитателей – выявить, подчеркнуть это ценное качество. Вчитываясь в Катину карточку с результатами тестирования, из которых следовало, что никакими ярко выраженными талантами она не наделена, если не считать хорошего музыкального слуха и гибкости тела, Доктор, обращаясь к рядом сидящей за столом старшей мамочке, сказал:

– А доброе, отзывчивое сердце – это разве не талант? Ну, что же, будет она у нас танцевать и петь.

Каждый учебный год заканчивался написанием сочинения на тему, прославляющую Мир Абсолюта. Когда наступил последний день учёбы в первом классе, после звонка в класс вошла учительница, подошла к учительскому столу и, стоя, не разрешив сесть и детям, с весёлой улыбкой сказала:

– Дорогие девочки, сегодня у вас торжественный день: вы в первый раз будете писать сочинение или, кто хочет, делать рисунки о нашей счастливой жизни в самом лучшем на свете Мире Абсолюта. В течение учебного года мы с вами много беседовали об этом, а теперь нужно, чтобы каждая из вас описала словами или нарисовала, как и за что она любит Абсолют и его мудрых помощников – Высших. Кто за сочинение получит высокую оценку, тому будет подарок, а лучшую работу вывешят в Зале Почёта.

Через час первоклассники ушли на репетицию хора: в школе все готовились к празднику в честь окончания учебного года. А ещё через час их вернули в классы, и учителя объявили им, что все они получили отличные оценки, и всем торжественно вручили по коробке конфет. Во второй половине дня они побежали в Зал Почёта читать лучшее сочинение первоклассника, – сочинённое мальчиком из параллельного класса стишок, прославляющий Высших.

В конце зимы Катя простудилась и заболела. С высокой температурой её положили в школьную больницу. Когда явился Доктор, ей уже сделали анализы, провели необходимые процедуры. Маленькая и беззащитная, она лежала одна во всей больнице. Дежурной медсестре он сказал, что, в случае надобности, вызовет её, и, завернув в одеяло, унёс к себе. Тревожась, ночью прислушивался к тяжёлому дыханию. К утру жар спал, но до конца болезни она находилась в его домике. После этого случая персонал школы уверился, что она его дочь, и строил догадки, придумывал романтические истории.

Как-то после дня встречи с родителями, когда все уже разъехались, Катя под села к отдыхающей после суматошного дня старшей мамочке, и между ними состоялся такой разговор:

– Ко всем приезжают папы и мамы... Доктор мой папа? Правда? Я тоже буду звать его папой...

– Звать его папой нельзя.

– Почему?

– Потому, что он директор школы.

«Действительно, директора звать папой нельзя», – согласилась про себя.

* * *

Проходили дни и годы, заполненные учёбой, танцами, пением, играми, спортом и маленькими, но казавшимися такими серьёзными, переживаниями. Небо было бездонным и чистым, окружающий мир добр и загадочен. Катя росла, взрослела: вместо неугомности появилась

сдержанная порывистость, вместо глупого упрямства – милая строптивость, вместо непоседливости, когда всё время нужно куда-то бежать, она теперь часами сидела за книгой. Читала жадно, запоем, веря всему, что там написано: плакала и радовалась вместе с героями. Доктора немного беспокоило такое неумеренное чтение: будет ли от него польза?

Увлечение книгами в классе было всеобщим. Всем классом девочки играли в ими самими придуманную игру: цитировали отрывки из прочитанной книги, и нужно было быстро ответить по написанному в ней, а если не вспомнишь, – придумать ответ.

Ночью Катя проснулась от ноющей боли в животе. Утром не хотелось вставать. Недавно она прочитала книгу, в которой с героиней происходило всё в точности так, что случилось и с ней. Она не пошла на завтрак и долго валялась в кровати. Придумала жалостливую историю, как она будет несчастна, обесчещена, всеми покинута, но безвинна и горда. Стало очень жалко себя и ребёночка. Она всплакнула.

Подруги гостили у родителей. По привычке решать с ней все жизненные проблемы, поплелась в корпус «Малышка» к старшей мамочке. Но та куда-то отлучилась. Немного подождала и отправилась к Доктору. Он был занят, но велел не уходить, подождать: скоро освободится, и они вместе пообедают.

Почти не ела, рассеянно водила ложкой по тарелке.

– Почему ты плохо ешь?

Глядя на него, произнесла отдельно и значительно:

– «Сэр, вы были плохим отцом. Не оставьте без попечения внука...»

«Из какой же это книги?» – подумал Доктор.

Но нужно было отвечать:

– «Что с вами, леди», – его самого забавляла эта игра.

– «Я скоро умру родами...» – продолжила трагически.

Посмотрел удивлённо – это не было игрой: лицо осунулось, под глазами тени, в глазах слёзы. Начал догадываться.

– Кажется, ты взрослеешь... Давай-ка позовём старшую мамочку, – и шутливо добавил: – Родится внук – что без нее мы с ним будем делать?

Катя смущенно хихикнула.

Старшая мамочка увела её к себе, а Доктор задумался: может быть, он не прав был, когда настоял, чтобы в его школе, в порядке эксперимента, отменили курс полового просвещения? «Нет, всё правильно», – заключил, вспомнив, как изменился нравственный климат в школе после того, как детям перестали внедрять вредные в их возрасте знания, и о том, как приходилось бороться с тем, на что сами же и подстрекали. А выводимый департаментом образования коэффициент продуктивности обучения – КПО, учитывающий число открытий, изобретений, и трудовые показатели выпускников, стал самым высоким из всех школ сектора. Нельзя подогревать интерес, подталкивать ребёнка к тайному и стыдному. А то, что нужно знать в тринадцать лет, объяснит ей и старшая мамочка, да и психолог есть в школе. «Похоже, она решила, что так рождаются дети», – улыбнулся.

С департаментом образования у Доктора были непростые взаимоотношения. Ему предъявляли претензии, что он воспитывает в детях завышенные надежды на будущее, воспитывает мечтателей. Он же возражал: учить детей хорошему – не бывает чрезмерно.

Глава третья

Катя стала почти взрослой. Она вытянулась, стала высокой, стройной; пышные русые волосы, широкая лёгкая, слегка танцующая походка и особенно большие серо-голубые светлые прозрачные глаза и их взгляд – приветливый, внимательный, несколько строгий, делали её очень привлекательной. Заканчивала уже десятый класс. Училась хорошо – ровно и доб-

росовестно. Выступала в танцевальном ансамбле школы, пела в хоре – у неё был небольшой, но приятного тембра хорошо поставленный меццо-сопрано.

Близкие горы манили, притягивали. Школьники младших классов ходили в недалёкие походы под руководством воспитателей, а дети старше под руководством инструкторов отправлялись во все более усложненные маршруты. Катя полюбила, с рюкзаком за плечами шагая среди вековых дубов, буков, сосен, валунов и камней, подниматься всё выше к заснеженным куполам и пикам гор. Нравились привалы на берегу бьющейся о камни речки или на берегу небольшого озера и веселое купание в кристально-чистой воде и то ощущение блаженной усталости, когда, возвратясь из похода, вечером укладывалась спать.

С годами увлечение туризмом только усиливалось. За множество походов у них сложился небольшой, но сплочённый отряд. Маршруты становились всё более сложными.

Однажды, находясь на маршруте, они попали в спускающийся с гор туман. Туман плыл, клубился, всё более густел, в его молочной пелене вязли и тонули звуки и свет. Похолодало. Быстро отсырела одежда, стали скользкими трава и камни. Инструктор собрал отряд, сказал, что, пока ещё что-то видно, поведёт их в хижину альпинистов, расположенную неподалёку, и там они переждут туман. Приказал держаться всем вместе, не отставать.

Небольшой бревенчатый сруб с расчищенной перед ним площадкой с навесом спрятался под отвесной скалой. В хижине за столом сидели трое юношей, ещё один растапливал камин. На широкой полке у стены свалено альпинистское снаряжение. Это был отряд альпинистов, идущий на восхождение; туман и их загнал в хижину. Когда отряд туристов ввалился в дом, сразу стало тесно и шумно, в тёплом помещении от сырой одежды пошло испарение. Катя стояла у двери, держа перед собой руки грязными ладонями вверх: поднимаясь по мокрым каменным ступеням, она упала. У растапливающего камин спросила:

– Где можно помыть руки?

– Иди за мной, покажу.

Зашли за угол дома. Там на стойке висел обыкновенный умывальник с носиком. Пока отмывалась, парень стоял рядом.

– Слушай, а я тебя знаю – ты из десятого?

Катя тоже знала его. Его знали все в школе; он закончил одиннадцатый класс, перешёл в выпускной; постоянный отличник, постоянный победитель всяких соревнований, уже ходит в связке с опытными взрослыми альпинистами. Многие девочки тайно вздыхали по нему.

– Пойдём, дам полотенце, – увидел, что она вытирает руки мокрым носовым платком.

Устроилась возле камина и никак не могла согреться, Немного знобило, от огня лицо покраснелось, она чихала. Георг, так звали парня, укоризненно, как ей показалось, произнес:

– Чего расчихалась? – и принялся подкладывать дрова в камин.

Пили чай, пели песни. Георг пел, и то и дело поглядывал на неё. «Смотрит, потому что у меня нос красный!» – думала Катя и смущалась.

Часа через три туман стал редеть, рассеиваться и вскоре только в ветвях и среди камней оставался студенистой бесформенной мглой. Туристы ушли на маршрут. Альпинисты остались в хижине ждать от метеорологов разрешение на восхождение.

С того дня Катя стала часто сталкиваться с Георгом то во Дворце Муз после репетиции, то на стадионе, то в библиотеке. Она краснела, робела, делала вид, что не замечает его. А после каждой встречи с ним вспоминала, как он посмотрел, что сказал – всё казалось значительным, полным потаённого смысла. Сердце замирало. А спустя какое-то время она уже думала, что он на неё и не смотрел вовсе, а шёл себе по своим делам. «Ну и пусть», – думала она, и ей делалось просто и спокойно, как раньше.

Потом Георг исчез. Она звала подружек пройтись по территории школы, но его нигде не было, а расспрашивать она стеснялась. В летние каникулы два раза в месяц старшеклас-

ники устраивали вечера с концертами, викторинами, танцами. Отправляясь на вечер, она волновалась, прихорашивалась, но Георга и там каждый раз не оказывалось. Становилось скучно и неинтересно. Отказывая приглашающим мальчикам и потанцевав немного с подружкой, не дожидаясь окончания вечера и отправлялась спать.

Всё лето она жила в сосредоточенном погруженном в себя мире, в мечтах о чём-то необыкновенном, в радостном ожидании чего-то неизведанного, яркого. А порой на неё нападала такая неуверенность в себе, такой она ощущала себя глупой, неуклюжей, что становилась робкой, скованной. Тогда только книги способны были отвлечь, успокоить.

С подругой, занимающейся в художественной студии, они вечерами забирались на студийный подоконник и подолгу с высоты смотрели на дальние огни города. Огни завораживали, томили душу, сладостно звали куда-то, пробуждали тревожное нетерпение.

Закончились каникулы. Наступил первый учебный день. На площади выстроились ученики. Школьный оркестр заиграл гимн, все запели – пением гимна Абсолюту начинался каждый школьный день. Потом Доктор поздравил ребят с новым учебным годом, похвалил за летние успехи в спорте и работе в школьном хозяйстве, а в заключение сказал:

– Наш ученик в соревнованиях по горному воздухоплаванию на аэролётах завоевал вторую золотую медаль. Он прославил нашу школу, давайте его поздравим. Георг, подойди ко мне.

Из строя своего класса вышел Георг, на его груди, на ленте висела медаль. Как равному, Доктор крепко пожал ему руку. Оркестр опять заиграл гимн. Георг стоял рядом с Доктором – коренастый, мускулистый, загорелый – совсем уже взрослый. Оркестр кончил играть, все захлопали. А Катя восхищенно думала: «Так вот где он находился всё лето – тренировался в горном лагере!»

Группа малышей, идущих в первый класс, звеня колокольчиками, цепочкой пробежала вдоль колонны учеников и устремилась в дверь школьного корпуса, а следом за ними зашагали все.

Начались школьные будни. Катя стала хуже учиться, на уроках сидела рассеянная, невнимательная. На переменах в коридоре, в спортзале – везде, где бы не находилась, глазами искала Георга. Он же при встрече терялся, краснел; а ей казалось, что он её совсем не замечает.

* * *

Когда Георг увидел Катю в хижине альпинистов, она, продрогшая и чихающая, показалась ему такой беззащитной, что захотелось немедленно взять её под свою опеку, и он развел такой огонь в камине, что всем стало жарко. Открыли дверь, а она принялась чихать ещё больше. С той встречи он, не отдавая себе отчёта, находил повод находиться там, где могла находиться она. Потом он уехал в горный лагерь, и, усиленно тренируясь, жил совсем другими интересами, забыл обо всём, не относящемся к спорту. Но когда вспоминал школу, сразу же вспоминал её. В день возвращения, с друзьями проходя по школьной площади на стадион, он увидел её, сидящую с двумя подружками на скамейке. Подружки весело болтали, а она задумчиво смотрела на струящийся фонтан и казалась такой загадочной, что оробевший Георг, не посмеяв даже поздороваться, прошёл мимо.

Раньше Георг редко ходил на вечера старшеклассников, он считал это пустой тратой времени. Другое дело спорт, учёба, книги и множество других полезных занятий. Когда друзья отправлялись учиться танцам, Георг брал книгу и усаживался читать: из-за вечной занятости он не успевал прочитать то, что полагалось по школьной программе. И вот теперь, готовясь к предстоящему вечеру, он наступал на ноги товарищам, пытавшимся обучить его танцам.

Георг и друг сидели в первом ряду театрального балкона, откуда хорошо было видно всех находящихся в партере: большинство сидели девчонки с девчонками, мальчишки с мальчишками; сидели и посматривали друг на друга. Кати нигде не было. “ Будет выступать», – дога-

дался. Медленно погасла красавица-люстра; затих гул в зале, пополз вверх занавес-корабль со всеми его персонажами.

Шёл концерт. Ученик девятого класса прочитал стихи, выражающие любовь к Высшим – друзья хлопали ему; дуэтом спели девятиклассницы, понравилось – хлопали посильней; на сцену вышел записной шутник-острослов и рассмешил всех – хлопали громко, что есть мочи. Наконец ведущая-десятиклассница, первая красавица школы, объявила:

– Выступает ансамбль пляски. Танец «Ручеёк».

Девочки в белых платьях с венками на головках под музыку плавно по одной выплывали из-за кулисы. В середине, мелко переступая ногами в белых туфельках, плыла Катя. Девочки кружились и их юбки раздувались колоколом, сходились, расходились, плавно поднимали руки с платочками. Георг, никого больше не замечая, не отрываясь, смотрел на Катю. Танец закончился, он бешено зааплодировал. Друг удивленно посмотрел на него и тоже захлопал.

Друзья стояли на первом этаже холла. Играла танцевальная музыка. По соединяющей два холла широкой мраморной лестнице спускались и поднимались нарядные старшеклассники, среди них Георг увидел Катю с подружками. Она передела платье, но высокая причёска осталась той, какая была в танце. Девочки пересекли огромный холл и остановились возле закрытой двери в Зал Почёта. Отражаясь в зеркалах, закружились первые пары.

– Пойдём, пригласим, – предложил друг.

– Иди, танцуй, – ответил Георг, остро сожалея, что не умеет танцевать.

С независимым видом, сцепив руки за спиной, он наблюдал за парами. Красиво откинув назад голову с замысловатой причёской, Катя танцевала и казалась недосягаемой, почти неземной. Танец закончился, партнёр вежливо отвёл её к подружкам и остановился неподалеку. Снова заиграла музыка, юноша во второй раз подошел к Кате. Скользя взглядом по залу и, поколебавшись, она приняла приглашение. Георг глядел, не отрываясь. Партнер что-то говорил, а она, улыбаясь, отвечала.

«Если ещё раз пригласит – намою шею», подумал Георг.

Георг, вдруг повернулся и ушёл. Сразу стало всё неинтересно, скучно. Юноша попросил разрешения проводить её до спального корпуса. Она надменно бросила:

– Нет.

Внезапное сильное чувство мешало учёбе. Решительный, уверенный в себе Георг робел и мучился. Он с малых лет был мальчиком независимым, смелым, добрым – таким уж родился. Учась ещё в пятом классе, он прочитал книгу об освоении Антарктиды и с тех пор мечтал о подвигах, о героическом. С возрастом мечты не угасли, он стал готовить себя к жизни полной риска, к жизни суровой и благородной. Выбрал себе соответствующую профессию – космическая энергетика. Такой институт был в Северном секторе. По просьбе Георга Доктор списался с институтом, подал заявку на абитуриента и ему прислали вызов с оплаченным проездом и брошюрку «Требования к абитуриенту». Из нее стало ясно, что по физическим данным он вполне соответствует. Теперь главное – учёба. «С глупостями надо кончать», – решил он и углубился в учёбу. Запретив себе думать о Кате, стал избегать встреч с ней.

Пришла зима. На стадионе залили большой каток. Катя медленно скользила по льду. Мимо неё, заложив левую руку за спину и мерно отмахивая правой, пронёсся Георг. Она помчалась вслед, обогнала, раскрошив коньком лёд, выбила длинную ямку и унеслась вперед. Георг споткнулся и бросился догонять. Перегнал, встал на пути, она на скорости врезалась в него и, чтобы не упасть, вцепилась в его свитер.

– Держись за меня! – крикнул.

Она ухватила его сзади за талию, тут же к ней прицепился еще кто-то, цепочка всё удлиняясь, неслась по стадиону – ветер свистел в ушах.

Старшеклассники залили льдом отходящую от стадиона аллею, осветили её и катались там, уединившись от малышни, шумно снующей на стадионе. Георг увлёк Катю в аллею, и они медленно катились, взявшись за руки. К ледяной дорожке близко подступали стоящие среди сугробов голые деревья, дорожку тускло освещали разноцветные лампочки. Раздумываясь на морозе, Катя была необычайно хороша; к лицу ей были связанные старшей мамочкой красивые свитер и шапочка.

Остановилась, наклонилась, чтобы завязать шнурок на ботинке.

– Дай, я, – Георг опустил на одно колено.

Она смотрела растерянно. Он выпрямился, посмотрел с нежностью и ласково прикоснулся губами к её губам. Это был их первый поцелуй, робкий и трогательный.

Ночью не спалось. Она лежала с открытыми глазами, улыбалась, вспоминала вечер, их поцелуй. На соседних койках крепко спали две её подруги.

На следующий день, выходя из школы после уроков, в окно вестибюля она увидела стоящего перед входом Георга. Остановилась, поспешно открыла сумочку и, чтобы пропустить подруг, стала копаться в ней. Вышла последней. Подошёл Георг; пошли в направлении стадиона.

– Что будешь делать?

– Пойду на репетицию, потом буду убирать в комнате – моя очередь. А ты?

– Буду учить. В девять часов приходи к мосту. Хорошо?

Согласно кивнула.

* * *

Снег в горах лежал круглый год, поэтому наибольшей популярностью среди жителей сектора пользовались зимние виды спорта. Это было традиционное увлечение жителей города. Ещё в эпоху Заблуждений в этом секторе было положено начало горнолыжному спорту. Сотни километров лыжных трасс обслуживали множество подъемников. Альпинизм, туризм, катание на беговых лыжах, катание под парусом на льду; полёты над горами на планере и воздушном шаре, облёт узких ущелий на аэролёте – всем этим грезил дети школы «Луч Абсолюта». В соревнованиях между школами касты Э по слалому, фристайлу и лыжным гонкам, старшеклассники этой школы неизменно завоёвывали призы.

В том году зима наступила рано, и была для этих мест на редкость суровой – морозы, обильные снегопады. Георг и Катя с нетерпением ждали наступления каникул, чтобы отправиться в горы. Георгу не терпелось познакомить её со своими друзьями – альпинистами, показать всё то, что любила и чьей жила его душа. Наконец пришла эта пора и Катя впервые одна – без учителей и воспитателей – покидала стены школы. Доктор тревожился:

– Смотри, Георг, отпускаю под твою ответственность. Чтобы сразу после встречи Нового года вернулись.

Они радостно улыбались, выслушивая наставления Доктора.

Экипировка у них была собрана заранее: шерстяное бельё, тёплые носки, варежки, спортивные костюмы, защитные очки, толстокожая обувь. А лыжи, палки, лыжные ботинки, кошки и ледорубы можно было взять напрокат в альпинистском приюте.

Загрузились в двухместный аэролёт, и через час были в горнолыжном комплексе. Аэролет загнали в ангар, а сами, взяв напрокат лыжи, на кресельном подъёмнике поднялись выше в горы, а потом на лыжах направились к ярко освещённой солнцем горной вершине. Шли быстро и легко. Мороз пощипывал щёки; брови и ресницы закружились инеем. Уже другим подъёмником поднялись на открытое, ровное плато, где разместился еще один горнолыжный комплекс. Не задерживаясь здесь, опять встали на лыжи, и вскоре, вдалеке, возле выступающих из снежного покрова голых скал, увидели домики лагеря альпинистов.

Навстречу им трусил большой сенбернар. Пёс с разбегу бросился на грудь Георга, норовя лизнуть в лицо, а тот, со смехом, отбивался. Подбежал к Кате, обнюхал, побежал следом за ними.

– Он всех встречает...

В лагере собрались люди пожилые, молодые, совсем юные, как Георг с Катей, и дети, которых родители с малых лет посвящали в братство альпинистов. Обстановка, какая возможна только среди увлечённых общим делом: простая, дружественная, приветливая, весёлая. С первых минут Кате здесь стало просто и хорошо. Они ещё не успели устроиться – рюкзак унёс в мужской домик Георг, а Катя лишь успела найти комнату, где ей отвели койку – как гонг позвал на обед. Гурьбой повалили в столовый корпус; Георга окликали, здороваясь, хлопали по плечу и присматривались к держащей его за руку Кате.

Сразу после обеда, вместе с другими, на лыжах отправились к горному озеру. Катя никогда раньше не каталась на лодке по льду. Было странно, как это по тверди поедет лодка, но упругий ветер надул парус и, управляемая умелой рукой Георга лодка, быстро заскользила по блестящему льду. Лодки разбегались, сталкивались, обгоняли друг друга. В день встречи Нового года устроили соревнования. Во время соревнований шум стоял невообразимый. Как и все, Катя болела неистово: кричала, прыгала, хлопала в ладоши. А Георг был азартен, смел, неудержим, а главной ему наградой за победы был сияющий счастливый взгляд, когда он при всех передавал Кате завоёванный приз. Никогда ещё Кате не было так весело. Никогда еще она не была так счастлива.

– Хорошую невесту выбрал, – одобрил тренер.

Его слова много значили для Георга.

На выровненной площадке стояла огромная ёлка, украшенная лишь предметами альпинистского снаряжения: верёвками, топориками, носками, варежками, шапочками, шарфами, защитными очками и частоколом ледорубов вокруг неё. А чуть поодаль поставили столы и скамейки. Столы накрывали все сообща: открывали, резали, жарили, откупоривали, сервировали. Шутки и смех не умолкали. Каждая минута была полна впечатлений.

В момент наступления Нового года всё небо над снежным пространством расцветилось тысячами разноцветных огней, это на соседних горнолыжных комплексах Высших устроили фейерверки. А после того как напелись, натанцевались, они ночью под ярко сияющими в прозрачной выси звёздами, оглашая окрестности гиканьем, криками, смехом, в душе с холодком от страха, неслись на сани в пологое ущелье, а потом на подъёмнике вернулись в лагерь.

Попрошались со всеми и к вечеру следующего дня вернулись в школу. Собрались у Доктора, пригласили и старшую мамочку. Радостная и раскрасневшаяся Катя суежилась, накрывая на стол, а Доктор, старшая мамочка и Георг, тем временем, азартно играли в карты. Потом долго сидели за столом и Катя, то и дело, обращаясь к Георгу, чтобы тот подтвердил или дополнил, подробно рассказывала, как они провели время в горах, и показывала завоёванные им призы. В тот вечер им было так хорошо, они так любили друг друга... Когда, спустя несколько лет, она спросила старшую мамочку, какой в её жизни был самый счастливый день, та назвала этот день.

Катя окончательно перешла жить к Доктору. Вечерами они с Георгом уходили в их любимую аллею, уже покрытую снегом поверх льда, или забирались в занесённую снегом беседку и целовались, забывая обо всём. Время летело незаметно и, обнаружив, что уже поздно, она бегом мчалась домой. Доктор долго гулять запрещал.

Впереди их ждало большое счастье, интересная жизнь. Они мечтали о том, как будут всегда, всю жизнь, неразлучны: сначала Георг поступит в институт, а через год, окончив школу, в тот же город придет Катя и, если повезёт, поступит в консерваторию, не повезёт – в какой-нибудь гуманитарный институт.

Георг любил Катю сдержанно, трепетно, всем сердцем, стремясь оберегать, защищать её, ради неё ему хотелось совершить что-то героическое. А Катина любовь распространялась на всё вокруг, её хватало и на дорогую старшую мамочку со всеми её маленькими шалунами и проказниками, виснувшими на ней, когда она приходила в корпус «Малышка», и на подруг, и на всю школу и, конечно же, на Доктора. О чем бы теперь они ни говорили с Доктором, она разговор сводила к Георгу, к их планам на будущее. И Доктор часто с грустью думал, что недалеко время, когда она уедет, и далеко уедет.... Он видел, что их чувство серьёзно и радовался за них. Иногда думал: «Когда-нибудь и внука увижу...»

Днем уже пригревало солнце и капало с крыш, снег в парке уплотнился, напитался влагой. На месте катка стояли лужи. Теперь они не гуляли так долго, как бывало зимой. Георгу предстояло пройти большой конкурс при поступлении в институт, и он занимался серьёзно. Упорно он старался объяснить Кате принцип и способ преобразования космической энергии в электричество, устройство накопителя энергии на Луне и приёмного – на земле, понятие о рассеянном и сфокусированном энергетическом луче. Поставив перед собой цель, он давно уже читал техническую литературу по космической энергетике. Ему было интересно рассуждать об этих предметах, а Кате было интересно всё, о чем бы ни говорил он. Однако её познания в науках были поверхностны, ведь она училась в гуманитарном классе.

Глава четвертая

Среди ночи раздался вызов на видеосвязь. Не до конца проснувшийся, недоумевающий, – кто бы это мог быть? – Доктор нажал кнопку. На экране появилось встревоженное лицо Главного Администратора города. Он сообщил, что, при восхождении, в ущелье сорвалась группа альпинистов. Ущелье узкое, опасное, требуются опытные аэролётчики, и он просит направить Георга в отряд спасателей.

Доктор сам отправился будить Георга, и через полчаса тот уже выводил аэролет из ангара. Когда прилетел в горный лагерь альпинистов, там, в полном составе, уже собрались его товарищи по аэролётному спорту. Одни по картам и видеофильмам разбирали маршруты полётов, другие готовили к полёту небольшие юркие спортивные аэролёты.

Положение осложнялось тем, что в ущелье проходили сходы снежных лавин, и отряд альпинистов мог оказаться погребённым под снегом. Нужно было зафиксировать сигналы датчиков-определителей местонахождения и закреплённых на теле каждого альпиниста датчиков, дающих знать, жив ли человек – «живчиков», как называли их сами альпинисты.

Решено было лететь в связке по двое. Ведущими назначили бывалых опытных аэролётчиков. У Георга ведущим стал его тренер, старый асс горного воздухоплавания. Дожидались рассвета. Ущелье, в которое назначили им лететь, было узким и извилистым. Нужно было на минимальной высоте, с минимальной скоростью, включив устройства приёма сигналов, облететь ущелье и определить, нет ли каких-либо признаков нахождения там альпинистов.

Георг летел, на небольшом расстоянии следуя за ведущим. В узком ущелье не было возможности развернуться и полететь назад, поэтому, облетев, они разворачивались и снова заходили в ущелье, с каждым разом опускаясь всё ниже. Ничего не обнаружили. Доложили об этом в штаб поисков, оттуда последовал приказ лететь на базу. Аэролёты возвращались один за другим. Поиски результатов не дали.

Просмотрели видеозапись своего полёта. Ведущий ушёл в штаб, а Георг остался ждать дальнейших распоряжений. Он вышел из домика и, расстегнув куртку, с непокрытой головой стоял, озирая бесконечное снежное пространство. По небу плыли тёмно-лиловые облака, усиливался ветер, погода портилась.

Приоткрылась дверь, его позвали:

– Иди, поговори. Только недолго занимай связь.

С экрана видеосвязи напряжённо смотрела Катя:

– Нашли? – спросила с тревогой.

– Нет ещё. Будем искать.

– Возвращайся скорее, я тебя жду!

Из комнаты, где заседал штаб, вышли ведущие. Его ведущий, подзывая, махнул рукой:

– Летим в Чёртово ущелье, давай посмотрим маршрут по карте и видеофильму.

Чёртово ущелье оказалось еще уже и опаснее того, которое они осмотрели: множество выступов, карнизов и поворотов делали пролёт через него невероятно сложным. Несколько раз просмотрели фильм, фиксируя внимание на самых трудных участках.

Аэролет снизился и влетел в Чёртово ущелье, в его полумрак между отвесными стенами и близко подступающими скальными выступами.

– Впереди карниз, – предупредил ведущий, – опускаемся.

Один за другим аэролеты поднырнули под наклонный карниз. Стало темно, включились приборы ночного видения.

– Нависающий выступ! Обходи справа.

– Узкий поворот вправо. Держи дистанцию!

За поворотом ущелье расширилось. Приборы по-прежнему не фиксировали никаких сигналов.

За следующим поворотом открылся залитый светом широкий выход из ущелья.

– Есть сигнал! – раздался в наушниках крик ведущего.

Это было последнее, что слышал Георг. Мощным порывом встречного потока воздуха маленький аэролет подхватило и, завертев, ударило о скалу.

– Снижайся! – кричал ведущий, с трудом удерживая управление.

Развернувшись, он увидел, что произошло... Борясь с ветром, начал кружить над обломками аэролёта. Поступали сигналы от датчика-определителя местонахождения. От «живчика» сигналов не было. «Он умер мгновенно», – понял.

Порывом шквального ветра со скалы сорвало лавину снега, и она погребла обломки...

* * *

Известие о гибели Георга потрясло Доктора. Он стоял посреди кабинета бледный, оглушённый. А в дверь уже вбежала Катя, услышавшая сигналы вызова видеосвязи. Увидев лицо Доктора, закричала, подняла руки, как бы защищаясь:

– Георг?!

Доктор схватил её за плечи, она вырывалась и продолжала кричать.

Свет померк... Часами сидела неподвижно, ссутулясь, опустив на колени руки, как не живая. Осталось одно чувство – боль в груди. Иногда возникала уверенность: «Это неправда», и, как бы очнувшись, она удивлённо озиралась. Доктор садился рядом, гладил её ледяные руки. Красивая женщина в чёрном платье плакала, обнимала её. Поняла, что это мать Георга. Ей сказали, что нужно одеваться – они полетят к Георгу. Глянула с безумной надеждой, но, увидев плачущую мать, снова поникла.

В ясном небе над заснеженными горами летела цепочка аэролётов с близкими Георга и погибших альпинистов. Первым летел аэролёт с матерью Георга, за ним аэролёт с Катей и Доктором. Большой венок из живых цветов занимал половину пространства маленького аэролёта; и она, не отрываясь, испуганно смотрела на него. Первый аэролёт развернулся и уже набирал высоту, когда послышались сигналы от ещё работающего указателя местонахождения.

– Бросай, – махнул рукой Доктор.

Державшая наготове венок, она бросила, и, как безумная, зашлась в рыдании.

Аэролёт сделал круг, покачал корпусом... Яркими пятнами венки долго лежали на снегу, пока их не замело....

Доктор и старшая мамочка не спускали с Кати глаз, не оставляли её одну. Если Доктору нужно было отлучиться, на ночь с ней оставалась старшая мамочка. Ночами Доктор просыпался, подходил к двери её комнаты, тревожно прислушивался: спит ли. Однажды проснулся, увидел, что дверь комнаты распахнута. Вошёл. Её там не было. В тревоге обошёл весь дом. Несмотря на холод, она в ночной сорочке сидела на ступеньках веранды, раскачивалась и тихо стонала. Сердце дрогнуло от жалости, сел рядом, взял её руку. Она уткнулась ему в плечо. Почувствовал, что намокает рукав рубашки.

– Надо жить... – гладил голову.

Зачем учиться, ходить на репетиции, зачем жить – зачем это, если его больше нет?... Катя пропускала занятия, целыми днями, как неприкаянная, бродила по домику. Доктор старался отвлечь её, говорил с ней спокойно, ласково, как с больной. Она отвечала невпопад. Не помог и психолог. «Что-то надо делать, – думал он, – каким-то образом нужно отвлечь. Здесь в школе всё напоминает ей о Георге».

* * *

В Мире Абсолюта места отдыха находились поблизости от мест проживания. Существовали и общемировые курорты для касты Э, но редко кто даже из высокопоставленных лиц мог похвалиться, что отдыхал там. Путёвки на эти курорты использовались как поощрение.

Доктор, никогда ничего не просивший для себя, отправился в департамент образования просить семейную путёвку.

– И с кем вы собираетесь ехать? – кокетливо спросила дама, заведовавшая распределением путёвок. Она давно симпатизировала Доктору.

– С дочерью.

– С дочерью? – недоуменно подняла бровь; – ах, да, я что-то слышала... – И, глядя многозначительно, улыбнулась: – Есть поощрительная путевка, есть и достойные претенденты на нее, но я отдаю её вам.

– Без Георга? – спросила, когда Доктор сообщил, что они едут на курорт, на море.

Он испугался, что она заупрямится, откажется ехать, но она покорно принялась укладывать чемоданы.

Большой серебристый лайнер летел над морем. На необозримом пространстве катились зеленовато-синие с белыми гребнями волны. Катя смотрела, не отрываясь. Она много читала о море, но разве можно было вообразить такое! Болью в сердце отдавалась мысль, что Георг этого уже не увидит...

Снижаясь, аэролёт сделал круг и почти бесшумно опустился на площадь, защищённую со всех сторон скалами. Пассажиры цепочкой спустились по трапу и, окружив толпой встре-

тившего их администратора, направились к зданию курортной гостиницы. Солнце светило по-южному жарко, и прилетевшие расстегивали плащи.

Огромный вестибюль гостиницы ошеломил помпезной роскошью: мрамор, золото, дорогой паркет, скульптуры, красивые вазы. Проводили в предназначенный им номер из двух, соединённых просторным балконом комнат с дорогой бело-золотистой шёлковой обивкой мебели, с зеркалами в обрамлении золотых пластин с цветочным узором, с большой ванной зеркальными стенами, с увитым виноградом балконом. Всё, осматривая и трогая руками, Катя прошла по роскошным ворсистым коврам. Доктор начал было разбирать доставленные чемоданы, но она отняла и, аккуратно расправляя на плечиках, повесила одежду в шкаф. Потом вышла на балкон. Почти рядом плескалось море. Присела в плетёное кресло. Доктор с удовольствием наблюдал за ней.

Когда возвращались с позднего лёгкого обеда, накрытого для новоприбывших, жаркое солнце уже склонялось к морю, стало прохладней. Катя разулась и босиком шла по кромке воды; её ноги по колёно окатывали волны.

– Отдыхать, конечно, не будем. Берём купальники – и в море?
Слабо улыбнувшись, кивнула.

Наступили блаженные дни купаний, катаний на лодке, прогулок по побережью среди пальм и цветов. Всё поражало красотой и роскошью. Но главное, конечно же, было море: набегающее волнами, ласкающими белый песок, мерно хлюпающее о гранит набережной, раскачивающее лодки, пенящееся у волнолома. Море тёплое и ласковое.

Доктор лежал на спине, глядя в голубое бездонное небо, слыша, но, не воспринимая сознанием, крики, смех, плеск вёсел, – эти звуки жили как бы сами по себе. Прибежала и упала на горячий песок Катя, почти не вылезаящая из моря, купающаяся до мурашек по коже. Всмотриваясь в её спокойное с закрытыми глазами лицо, подумал о справедливости слов, что «раны душевные только природе дано врачевать».

Накрыла чья-то тень.

– Ба, знакомые всё лица! – услышал весёлый голос.

Сел, потом вскочил. Они обнялись. Это был его Друг, тот, что когда-то помог ему, даже, можно сказать, спас, когда решался вопрос о маленькой Даше, нынешней Кате.

– Здесь есть пляжи и лучше, – через несколько минут говорил Друг, – вы собирайтесь. А я схожу за лодкой и сейчас поплывём.

Вскоре, они в небольшой легкой лодке плыли на один из островов.

– Ты что, здесь – не в первый раз? – спросил Доктор.

– И не в первый, и не во второй.

Доктор посмотрел недоверчиво, но ничего не сказал.

Обогнув два острова, быстро добрались до места – до небольшого не видного с берега островка, спрятавшегося за большими островами. Один берег островка была крутой – там чахлая растительность цеплялась корнями за камни, а на другом – несколько невысоких пальм и великолепный пустынный пляж, длинной белой косой, тянущийся в море. Солнце, песок, и никого кроме стрекоз и ящериц.

– Пойду, проверю, нет ли здесь акул, – слабо улыбнувшись, пошутила Катя.

– Это она? – спросил Друг, глядя, как Катя бежит на край косы. Доктор кивнул.

– Красивая девушка. Но невесёлая какая-то... Ты что, её в ежовых рукавицах удержишь? Доктор в двух словах рассказал о постигшем их горе.

– Постой, постой, так это и есть тот молодой аэролётчик? Слышал о нём... У нас на него имелись виды.

– У кого это – у вас?

– У нашей организации.

– Слушай, а ты ведь знал, что я здесь, – догадался Доктор.
– Знал. Даром что ли нашу организацию зовут всеведущей? Но здесь я, конечно, не из-за тебя. Я по службе.

– И много вас здесь таких – по службе? – спросил с ехидцей.

– Не задирайся. Много. Этот курорт, да и все другие, – место службы нашей организации. А такие как вы – лишь прикрытие.

Доктор смотрел, не понимая.

– Ты замечал аэролёты, летящие в ту сторону? – махнул Друг рукой, – так вот: там курорт Высших, а мы – их слуги, охранники, служба наблюдения, сторожевые псы.

– Неплохо живут слуги, – с сарказмом заметил Доктор.

– Тогда представь себе, как живут господа! Уверен – представить не сможешь. Не хватит воображения.

– А ты бывал там?

– Был пару раз, когда там никого из Высших не было... Они не любят, когда им напоминают, что есть и другие люди, не такие «высшие», – усмехнулся.

Доктору захотелось прояснить вопросы, когда-то так мучившие его.

– Ты не можешь сказать, что там произошло? – указал рукой на плавающую в море Катю.

– Откуда мне знать... Мои возможности невелики.

– Но они, родители её, как думаешь, – живы?

– Думаю, что их давно нет в живых.

– А почему ко мне привезли её?

– Ну, это тебе лучше знать. Её передавали по цепочке именно к тебе. Кто-то кому-то дал слово. Ты, наверное, тогда пережил тяжёлые дни? Прости, не моя вина. Как только я узнал – сразу вылетел. Её искали, но формально. У тебя слишком много влиятельных выпускников и верных друзей, – улыбнулся.

– Славная девушка выросла – залюбовался Катей, уже вышедшей из моря и по пляжу гоняющейся за ящерицей.

– Вылитая мать...

Друг посмотрел внимательно, хотел о чём-то спросить, но не спросил.

Помолчали.

– Ты здесь будь осторожней – кругом глаза и уши. А вообще-то, я так рад тебя видеть, дружище! Вечером вас приглашаю в ресторан. Уверен, ты никогда ещё не был в таком. Да что говорить – сам увидишь.

– Печёт. Пошли купаться.

Катя с улыбкой наблюдала, как двое солидных лысых мужчин, футбола камешек и толкаясь, бегут по сыпучему раскалённому песку.

В последующие дни, вооружившись масками и лапами, они на лодке отправлялись к островам обследовать берега и искать вымытые водой пещеры и ниши. Пещер не обнаружили, но ниш оказалось много всяких – и больших, и маленьких, но глубоких под нависающими карнизами. Кате было очень интересно, а Доктор рассказывал, какие огромные пещеры на островах в океане возле Острова Высших.

Они загорели до черноты. У Доктора исчез намечающийся животик. А загорелая Катя, вся в капельках воды выходящая из моря, стала похожа на ожившую терракотовую статуэтку. Среди отдыхающих у них появилось много знакомых, поклонников и поклонниц. Обедающие с ними за одним столом дамы, несмотря на его вежливые отказы, упорно продолжали приглашать Доктора то потанцевать, то поиграть в рулетку. А Катя в душе удивлялась: ведь они такие старые – эти дамы, и её отец. Она стала открыто называть Доктора отцом, и он уже привыкал к этому.

Вечером сидели на набережной, на скамейке. Шурша галькой, откатывали и набегали волны, с моря дул напоённый запахом морских водорослей живительный ветерок, с танцевальной веранды доносилась музыка.

– Ты бы пошла потанцевала.

– Я не предательница... – проговорила с обидой, со слезой в голосе

Подумал печально: «Не скоро зарубцуется её рана».

– Пойдём-ка, смотреть лунную дорожку.

– Нас зовут, – сказала, когда проходили мимо лодочного причала.

Группа людей, собравшихся на лодочном причале, размахивая руками, кричала:

– Едем с нами!

Усаживаясь, лодку сильно раскачали. Со смехом, повизгиванием, наконец, все разместились. Большую шестивёсельную лодку договорились грести по очереди. Первыми за вёсла сели мужчины. Решили плыть, держа курс на мерцающую на воде, уходящую к горизонту лунную дорожку.

Вдали остались огни набережной. Все угомонились, притихли, только слышались всплески вёсел, погружаемых в кажущуюся маслянистой и густой темную воду. Сидящий на корме мужчина запел, вначале негромко, а затем в полный голос. Приятный баритон пел о море, о любви, о невозможности счастья. Лунная дорожка светилась, качалась, бежала впереди, а певец, кончив петь одну песню, затягивал другую. Лунный свет, качающее лодку море – вечное грозное жутковатое, и голос певца завораживали, томили душу; хотелось, чтобы это длилось вечно....

Когда вернулись, никто не хотел расходиться. Решили гулять, не спать до утра.

– Я пойду, а вы оставайтесь, – предложила Катя.

Он посмотрел испытующе.

– Всё хорошо, – улыбнулась, заметив его взгляд.

– Позвольте проводить вас, – молодой человек, весь вечер глядел на неё влюблёнными глазами.

– Дойду одна, – даже не взглянула.

Вернувшись в гостиничный номер, она, долго стояла на балконе, глядя на море. Накануне штормило; море бурлило, дыбилося, гигантские волны, пенясь и шипя, перехлестывали через парапет набережной; теперь же оно умиротворенно и ласково похлопывало о берег. Потом легла в постель, но уснуть долго не могла. Впервые она размышляла о том, что жизнь сложна, жестока, несправедлива... Душевная боль стала не такой острой, но всё её существо переполняла бесконечная печаль....

Поздней ночью друзья простились.

– Ну, до встречи.

– Рад был повидаться.

Крепко пожали руки, глянули друг другу в глаза и, повинувшись душевному порыву, обнялись.

Доктор проследил как, подняв небольшое пыльное завихрение, маленький одноместный аэролёт, вертикально поднялся в небо; и мимо, тёмными силуэтами стоящих в полумраке освещенного только по периметру взлетного поля больших аэролетов, направился в спальный корпус. Спать не хотелось и, когда проходил по парку, заметив под деревом плетеную скамейку, присел на нее.

Дневная жара сменилась ночной прохладой. Откинувшись на спинку скамейки, он глядел в усеянное яркими звездами чёрное небо и думал о том как хорошо иметь надёжного прове-

ренного друга и, что самая крепкая, самая верная дружба зарождается в юности. Потом вспомнил разговор с Катей, прошедшим днём. Она спросила: любил ли он очень сильно.

– Любил. Очень любил...

Продолжала смотреть вопросительно.

– Она любила не сильно и замуж за меня не пошла.

– Это моя мать?

Внутренне вздрогнув, посмотрел внимательно.

– Нет.

Подумал и твёрдо добавил:

– Когда станешь совсем взрослой, я расскажу тебе всё.

Мысль, что, из уважения к их памяти, он когда-нибудь расскажет ей о родителях, приходила ему не раз. Но он опасался: не сломит ли её это знание.

Доктор погрузился в воспоминания. Перед его мысленным взором, как живые, возникали лица Профессора, Марии, Инженера.

Часть вторая

Глава первая

Вопросы к департаменту образования Доктор старался решать по видеосвязи: жаль было тратить время на поездки. Но в этот раз, несколько озадачено глядя с экрана, сам начальник департамента, приказал прибыть срочно. Пояснил:

– Вас, как директора школы, имеющей в секторе самый высокий коэффициент продуктивности обучения, приглашают на семинар, который состоится на Острове Высших.

– На Острове Высших? – не поверил Доктор.

– На Острове Высших! – подтвердил начальник. – Признаться, такое впервые за мою службу. Но там, – указал пальцем вверх, – лучше знать. Приезжайте, все обговорим и подготовимся.

Местом проживания Высших был избран большой, словно континент, остров, вытянувшийся на восемь географических градусов и отделенный от материка проливом и морем. Разнообразие ландшафтов: от гористого со скалистыми гребнями и ледниковыми озерами на севере, а в центре и на юге холмистого и равнинного; множество заливов, чрезвычайная изрезанность береговой линии и, омывающее теплое течение – всё это делало остров привлекательным для создания жизни комфортной, с разнообразным отдыхом. На Острове не было ни пашен, ни огородов, ни пастбищ. Круглый год изумрудно-зеленые сочные луга служили местами для пикников и игры в гольф, а населенные дикими зверями густые леса на пологих холмах, являлись обширными охотничьими угодьями.

С севера и востока Остров окружало множество больших и малых островов. Самый большой из них занимал «Эл-Мо» – сложнейший Электронный Мозг, управляющий всеми сферами жизнедеятельности Мира Абсолюта и хранящий досье на каждого гражданина Мира Абсолюта.

Из элитных городов разных секторов Мира Абсолюта на семинар съехались пятнадцать директоров школ – все мужчины старше тридцати пяти лет. Им выпал счастливый жребий своими глазами увидеть жизнь, о которой Мир Абсолюта почти ничего не знал.

Организовал семинар и руководил им Профессор, молодой человек лет тридцати. Как только он быстрым энергичным шагом взшел на кафедру, не пропустив никого, обвел всех смешливыми карими глазами, представился и сказал:

– А мне представляться не нужно, – я вас всех знаю, – и, улыбаясь каждому, стал называть их поименно. Робеющим оттого, что находятся не где-нибудь, а на Острове Высших, им сразу сделалось легко и просто, как будто они находятся в родной среде, а за кафедрой их выпускник, гордость школы.

Профессору задавали много вопросов об организации и цели семинара. Обстановка создалась дружеская, раскованная, и они расшумелись, как нерадивые студенты. Но когда один из них задал вопрос: разрешат ли осмотреть Остров Высших? – все замерли. Они не скрывали радости, когда Профессор ответил:

– Я понимаю ваше желание посмотреть на то, что для вас за семью печатями. Понимаю и ваше нетерпение, и потому на сегодня деловую часть заканчиваю. Экскурсовод и аэролет к вашим услугам. – Профессор весело улыбался, радуясь вместе с ними.

Программой предусматривались ежедневные экскурсии во второй половине дня. Экскурсовод – элегантная очаровательная женщина лет пятидесяти, облик, интонации, жесты кото-

рой свидетельствовали о благородстве, воспитанности, чувстве вкуса, а знания и эрудиция об уровне образованности – была научным специалистом с ученой степенью, а не обычным экскурсоводом.

– Стать на время вашим гидом меня уговорил ваш руководитель, а мой бывший любимый студент, – улыбнулась тепло.

Тогда они принялись расспрашивать о Профессоре, так сразу полюбившемся им. Она ответила, что, несмотря на молодые годы, это крупный специалист, имеющий высокую ученую степень и даже Ученый Консультант Совета Высших.

– У этого милого молодого человека – большое будущее.

* * *

Первая экскурсия была к символу Мира Абсолюта, в точку на земле, вокруг которой строилась вся его жизнь – к Храму с горящей над ним Звездой. Попасть туда ни один житель каст Э и М не смел и мечтать, а на них вдруг свалилось такое счастье!

Воочию Звезду Абсолюта Доктор увидел, когда подлетал к проливу, отделяющему Остров от материка. Летел он рано утром. В небе сияло два светила: на востоке поднималось природное, а на западе, прямо по курсу, вначале появилась яркая точка, которая быстро увеличивалась, и наконец, когда перелетели пролив, превратилась в светящийся шар с лучами, расходящимися в виде шестиконечной звезды.

Аэролёт приземлился на площадку, укрытую среди парковой зелени. Прошли через триумфальную арку. Открылся вид на Храм Абсолюта, как бы парящий над окружающим его белым кружевом из водных струй и облачков мелких капель, в свете Звезды сверкающих, подобно бриллиантам. От арки до Храма нужно было пройти тысячу ступеней, символизирующих тысячелетия Мира Абсолюта. Сто из них составляла мраморная лестница, окружающая Храм и повторяющая его шестиконечную форму, а девятьсот, едва заметных, символических, приходились на парк из цветников, фонтанов и скульптур.

Струи фонтанов – каскадных, террасных, скульптурных – вытекали, били вверх, переплетаясь, создавали замысловатые рисунки и символические фигуры; фонтаны-шутки обрызгивали зазевавшегося зрителя; поющие фонтаны издавали меняющиеся музыкальные звуки. Коврами со сложнейшими рисунками расстилались цветники. Подниматься под небольшим углом среди благоухания цветов и освежающей прохлады фонтанов было легко и приятно. По мере приближения перед ними мощно, монументально, поражая размерами, вырастал Храм Абсолюта.

Дошли до мраморной лестницы в сто ступеней. Как стражи, в характерных для них позах, по ее сторонам стояли скульптуры африканских животных: львы, тигры, газели, носороги, бегемоты, жирафы, гепарды.

Рядом с их группой остановилась экскурсия школьников. Доктор прислушался, о чем говорит детям экскурсовод:

– Чтобы добиться такого обзора, было снесено несколько холмов, а холм, избранный для возведения Храма Абсолюта, был наращен дополнительно...

Доктору не хотелось знать, как все сделано, хотелось любоваться и предаваться иллюзии, что эта красота существовала всегда, и будет существовать вечно. Он перестал слушать, но через некоторое время что-то в словах экскурсовода опять привлекло его внимание:

– Долгое время после постройки Храма, Звезда над ним не горела. Люди уже отчаялись ждать подтверждения свыше, что их земные дела угодны Абсолюту. Но вот летней ночью, в предрассветный час, свет ослепительно яркий, исходящий из звездных глубин, осветил все пределы земли, а затем сконцентрировался в луч, направленный на Храм Абсолюта и зажег Звезду. С того утра и началось летоисчисление эпохи Абсолюта. Прошло много лет, но Звезда

не меркнет, и не отклонилась ни на одну сотую градуса от шпиля купола Храма. Постоянным остаётся и расстояние от конца шпиля Храма до центра Звезды. Ни штормовые ветры, ни бури не способны разъединить Храм Абсолюта с его Звездой.

Усмехнувшись, Доктор подумал, что интересно было бы узнать механизм свечения Звезды, и каким образом она удерживается над Храмом. Миф о сверхъестественном свечении Звезды он слышал с детства и с годами перестал верить в него, но не ожидал, что его повторяют и в касте Высших. Мало того, оказалось, что здесь многие верят, что лучи Звезды приносят удачу и счастье.

На другой день продолжили осмотр. В этот раз через Австралийскую триумфальную арку вошли в полого поднимающийся к Храму парк фонтанов, цветов и скульптур и, не задерживаясь возле каждого фонтана, не спеша, любуясь, прошли партер и поднялись по мраморной лестнице со скульптурами австралийских животных. Обойдя вокруг его, осмотрели Храм снаружи: стены белого мрамора, стрельчатые окна с витражами, обернутые листовым золотом с резным рисунком сдвоенные ионические колонны, над шестью углами золотые аллегорические скульптуры акротерии.

В Храме было шесть Главных залов, символизирующих земные континенты вошедших в Мир Абсолюта, и названных соответственно: «Европа», «Африка», «Австралия», «Северная Америка», «Южная Америка», «Антарктида». В каждом зале – на стенах флаги тех государств, которые до создания Мира Абсолюта находились на соответствующем континенте, а на полу наборного паркета – изображения гербов этих государств. Над апсидами, входами в залы, из смальты выложены знаки «дельта луминозо» – в треугольнике глаз с лучами; на их мраморном полу – кресты, полумесяцы со звездами и другие символы религий, в эпоху Заблуждений распространенных на данном континенте.

Все шесть залов объединял расположенный под барабаном Храма купольный Зал Славы – большой округлый зал во всю высоту здания. Под барабаном был подвешен хрустальный граненый шар большого диаметра. Пересекающими зал лучами, свет от Звезды он направлял на стоящие на низких постаментах колоссальных размеров золотые скульптуры руководителей Мира Абсолюта со времени его основания.

В залах второго этажа хранились драгоценные экспонаты – собранные со всего мира изделия из драгоценных камней. Искусно освещенные сложной системой освещения от Звезды, они сияли, сверкали, мерцали, блестели, переливались всеми цветами. Каждым из них можно было любоваться часами. Не в силах оторваться, обходя вокруг него, они долго восхищались тонкой работы деревцем с сердоликовыми ветками, и колеблющимися от движения воздуха малахитовыми листьями и цветами из рубинов и гранатов.

Отдельный зал занимали собранные со всего мира старинные царские короны, диадемы, кольца, колье, ожерелья и другие украшения из драгоценных камней. Даже в росписи потолочных плафонов этого зала сверкали драгоценные камни.

Под Храмом в глубине холма, на котором он стоял, находилась сокрытая от постороннего глаза тайная его часть – Церковь Асмодея. В ней было несколько залов. Главный из них – зал Тиранов. В полумраке длинного подземного зала на постаментах, освещаемые через отверстия между ступеней лестницы окружающей Храм, там стояли скульптурные фигуры тиранов и изуверов всех времён и народов. Почётное центральное место среди них занимала фигура Каина. У подножья каждой фигуры находился небольшой алтарь-капище, на котором в день почитания данного тирана, согласно тайному календарю, приносилась кровавая жертва в виде заклания чёрного петуха, а возле других капищ возжигались факелы. В центре зала стояло капище общего жертвоприношения в День Принятия Концепции Нового Мирового Порядка.

В этот день на главном жертвеннике, при свете четырёх факелов по его углам, молодого быка чёрного окраса закалывали по жестокому ритуалу продолжительной и мучительной смерти.

В другом зале, в центре изображенного на полу большого магического круга, стояла скульптурная фигура официально признанного Главного Мага и Прорицателя Нострадамуса, держащего в одной руке большой стеклянный магический шар, в другой – перевернутую золотую пентаграмму. На столах были расставлены чаши мистического озарения грааля, лежали мечи и проломленные черепа людей и животных. Здесь жрецы Церкви Асмодея предавались колдовской магии, служили чёрные мессы и совершали таинственные обряды.

Здесь же хранились предметы тайных знаний. На стеллажах, полках и в витринах, были аккуратно разложены ритуальные магические кинжалы, древние алхимические сосуды, карты тарот, амулеты, шаманские бубны, гностические символы и множество других колдовских магических приспособлений. По стенам развешаны отвратительные кроулианские иконы, вышитые сефироты, оккультные знаки, алхимические фигуры, свастики, индоарийские эмблемы, египетские изображения священного ибиса и старинные гобелены с изображениями каббалистической символики и астрологических аллегорий Солнца, Луны и планет, а также аллегорий масонских добродетелей – Силы, Мудрости, Красоты. А в шкафах бережно хранились чёрные книги гремуары: «Ключ Соломона», книги заклинаний, книги вавилонских заговоров, книги катаров, магические книги папы Гонория, арабские книги по алхимии, скипетры халдейской числовой мистики.

Ещё в одном зале были собраны старинные орудия пыток с наглядной демонстрацией применения этих орудий в виде пытаемых человеческих муляжей.

Уже наступил вечер, когда, следуя за гидом, вышли из Храма, подошли к спуску лестницы и застыли в немом восторге. То, что при дневном свете казалось нежным и романтическим, превратилось в волшебство, фантастику, феерию. Подсвеченные разноцветным светом снизу и освещенные Звездой сверху, струи воды свивались, переплетались, прихотливо закручивались жгутами и узлами, били высоко в небо. В воздухе возникали, исчезали и появлялись другие призрачные, кроваво-красные и черные просвечивающие фигуры животных, антропоморфных существ и фантастических монстров. А над всем этим на высоте сияли шестиконечные звёзды из водных струй.

Участники семинара смешались с многочисленной публикой.

* * *

Поселили их в основанном еще в Средневековье старинном университетском городке, и они были счастливы вновь окунуться в уже полузабытую будоражащую, как игристое вино, веселую обстановку студенчества. Однако, у них постепенно начало складываться мнение, что молодежь здесь не придает никакого значения учебе, а озабочена лишь тем, как веселей и разнообразней провести время. И, похоже, здесь все, включая преподавателей, считают это нормальным. Студенты много времени уделяли спорту, прогулкам, пикникам, самодеятельности, а аудитории во время лекций пустовали. Студенты посещали лекции по настроению, и большинство из посещающих были старше студенческого возраста. Этот вопрос очень занимал семинаристов, и как-то об этом они спросили у Профессора. В ответ услышали:

– Знания ценятся высоко во всех кастах Мира Абсолюта, но цели приобретения знаний в них различны. В касте Масс знания служат целям материальным и сводятся к овладению трудовыми навыками. В элитной касте знания – путь к творчеству, к удовлетворению внутренней потребности в нем, к успеху, к карьере. Совсем иные стимулы к приобретению знаний в Высшей касте. Здесь жизненный идеал – наслаждение, безмятежное и радостное состояние духа без тревог и лишних усилий, а знания, в первую очередь, ценятся как то, что делает наслаждение жизнью более утонченным, более многогранным. Но это человек начинает понимать

и ценить с возрастом, поэтому большинство слушателей уже вышли из студенческого возраста. Впрочем, у нас студенческий возраст не ограничен, можно быть студентом и сорока и пятидесяти лет. Это, в большинстве, добросовестные студенты. Правда, многие из них посещают лекции из тщеславия или честолюбивых карьерных побуждений. Ну, и от безделья... У нас важно не быть, а слыть образованным. Молодежь же торопится наслаждаться жизнью и упускает лучшее для обучения время. В нашей касте студенчество – это образ жизни, а не время накопления знаний.

Участников семинара пригласили осмотреть местную школу. Здесь было не обычное преподавание, когда учитель объясняет урок, дает задание и проверяет его выполнение; детей здесь собирали в классы только для проверки знаний, а каждого ребенка дома обучал персональный высококвалифицированный робот-учитель-психолог. Обучение в виде игр началось с трех-пяти лет и строилось на основе природной детской любознательности и врожденных способностей. Во время каждого занятия учитывался душевный настрой ребенка на данный момент, не допускалось никакого принуждения, и в результате обучение воспринималось как развлечение, а не как труд.

Большое впечатление произвело посещение урока у восьмилеток. На вопросы, опережающие программу обучения этой же возрастной группы в касте Э, показывая глубокие знания, дети отвечали грамотно, толково; дружно тянули вверх руки, желая дополнить ответ товарищей, вызванных к доске. Но двенадцатилетние разочаровали: ответы их были слабыми. Достижные подросткового возраста, с его новыми жизненными интересами, тягой к развлечениям и общению между собой, не приученные делать над собой усилие, они учебу воспринимали уже как тяжелую обузу и только наиболее способные и честолюбивые продолжали учиться хорошо. Подростков в школе обучали, в основном, только танцам, пению, рисованию, умению одеваться и этикету; они много занимались спортом, постоянно ходили на экскурсии по музеям и в дальние походы, и лишь один день в пятидневку их собирали в классах для ответов на заданные на дом темы.

* * *

За триумфальными арками начинался Город Музеев. Он тянулся на несколько километров и занимал большую площадь. Со всех континентов сюда были перенесены грандиозные сооружения, шедевры мирового зодчества. Дворцы и соборы, свезенные сюда со всего мира, стояли на открытых площадях и среди парковой зелени. Если сооружение перенести не представлялось возможным, его воссоздавали в копии, сняв с оригинала лепнину, росписи, скульптуры, витражи, стены же оригинала оставляли постепенно разрушаться. Или превращали в мёртвые города-музеи, обслуживаемые людьми элитной касты. Люди же массовой касты о существовании чего-то подобного даже не подозревали.

Улицами, один за другим, там тянулись прекрасные здания музеев собраний шедевров мирового искусства: белые, желтовато-коричневые, зеленовато-серые, розово-палевые – неяркая тонкая цветовая гамма мраморной облицовки. Чтобы осмотреть в них все экспонаты, не хватило бы и жизни, но посетителей в них почти не было – один-два, а то и ни одного.

* * *

Темой семинара было: «Воспитание творческой личности». Немного волнуясь перед столь серьезной аудиторией, в своем докладе Доктор говорил о взаимосвязи между творчеством и нравственностью:

... – Ум ребенка в постоянном поиске ответов на множество вопросов среди душевного хаоса, стихийности эмоций. Ребенок стремится все постичь и упорядочить – с малых лет он живет как творческая личность. Творчество для него естественно, как дыхание. Задача учи-

телей и воспитателей развить природные творческие задатки, ни в коем случае не убить их неумелыми действиями.

К половому воспитанию следует подходить с осторожностью и тактом. Преждевременная сексуальность способна выкачать из ребенка все силы, убить творческие задатки, затормозить личностное и физическое развитие. Такие дети вялы, апатичны, не любопытны, зачастую малокровны. Каждый из нас знает такие примеры. Не половое воспитание, а воспитание целомудрия, сдерживающего сексуальность, делающего её возвышенной, и воспитание интереса к многогранности жизни – вот что способствует развитию у детей творческих интересов.

... Истинно творческая личность не расчетлива, ведь творчество для неё – естественное побуждение и важнее карьеры и тщеславия.

Во время выступления Доктор постоянно глазами встречался с серьезным, внимательным взглядом Профессора, сидящего в первом ряду.

* * *

От переизбытка информации внимание притупилось, но профессиональные добросовестность и любознательность не позволяли расслабиться, и они с неугасающим интересом всматривались в окружающее, ничего не пропуская.

Ежедневно они усаживались в экскурсионный аэролет с полностью прозрачными стенами, и под ними проплывали улицы, где, сидя в надувных креслах, на движущихся дорожках ехали люди. По обе стороны дорожек – красивые клумбы и куртины, в которых среди натуральных цветов и кустов вмонтированы искусственные из материалов, аккумулирующих дневной свет. Если днем свет лился с неба, то ночью улицы красочно освещались аккумулярованным светом снизу. Запоминающееся зрелище: внизу светящиеся цветы, а в небе, затмевающая звезды, рукотворная шестиконечная Звезда. Примыкая друг к другу, стоят двух-трех этажные дворцы, с фасадами украшенными колоннами, пилястрами, кариатидами, балконами, арками, легкими аркадами, ажурными решетками; за парковыми фасадами дворцов – сады с фонтанами и скульптурами.

Ошеломленные красотой и роскошью, они вскоре стали ощущать что-то искусственное, чрезмерное. Удивляло обилие золота: золотые кариатиды, подоконники, золотые хитросплетения балконных решеток и ограждений цветочных клумб. Говорили, что в мягкие туманные дни, обычные для этих мест, золото мерцает матово и тускло, но дни стояли солнечные, и в блеске золота было что-то назойливое, как будто даже зловещее.

Озадачивала малолюдность улиц: до полудня по улицам снуют только неумомимые роботы-разносчики в виде запряженных в фургончики лошадок, и скользят при ходьбе человекоподобные роботы, а важные роботы-хозяйки в сопровождении роботов-кошек и роботов-собак выходят из дворцов, чтобы принять товары, заказанные людьми.

* * *

Работа семинара была свернута неожиданно и без каких-либо объяснений. В один день заслушали все непрочитанные доклады, а несколько дней, оставшихся до запланированного окончания семинара, его участникам предложили провести в семьях Высших. Это организовал Профессор, договорившись с преподавателями, чтобы они приняли в свои семьи по одному участнику семинара. Доктора пригласил погостить сам Профессор.

В честь участников семинара в ресторане состоялся скромный банкет. Пришли немногие преподаватели, но те, кто пришел, говорили о пользе семинара и о необходимости продолжать такие встречи.

При прощании Профессор и Доктор договорились утром следующего дня встретиться в морском порту.

Глава вторая

Быстроходная яхта отошла от причала и, не удаляясь далеко от берега, взяла курс на юг. Нарядные пассажиры непринужденно прогуливались по палубам, в буфете пили коктейли, танцевали под негромкую музыку.

Спокойный океан катил невысокие волны, слепящими зайчиками отражал солнце. Устроившиеся на корме в шезлонгах Доктор и Мария, глядели на пенящийся след яхты, на летящих за яхтой крикливых чаек и покрытый лесами берег и негромко разговаривали. Их только что познакомили и, оставшись вдвоем, Доктор чувствовал себя не вполне уверенно.

Подходили знакомые, Мария представляла их Доктору, те приглашали развлекаться, но они отказывались, объясняя, что поджидают куда-то запропастившегося Профессора. Наконец, он появился. Волоча за собой столик-тележку, уставленный высокими стаканами с коктейлями и тарелочками с бутербродами и фруктами, веселый и общительный, он пробирался на корму, то и дело кем-либо останавливаемый. Подкатил столик, сияя глазами, спросил:

– Не изволят ли, господа, закусить?

Торопясь в порт, позавтракать они не успели.

Обогнув южный мыс острова, большая белая яхта вышла в открытый океан, через час повернула на восток и вошла в залив, в длинную узкую его часть, – место впадения реки. Берега залива постепенно сходились и вскоре оба стали видны в бинокль. Водную гладь справа обрубал крутой, почти вертикальный срез горы, а слева берег был не так крут и вдоль него на воде покачивались расчаленные яхты. Дальше их яхта плыла в окружении множества малых яхточек с разноцветными парусами. Предстояла парусная регата.

Прямо по курсу показались три одинаковые по размеру каменные глыбы.

– Вот уже и слоны, – произнесла Мария и передала Доктору бинокль. Далеко от берегов, посреди воды, на массивных ногах, свернув в кольца хоботы и упираясь бивнями в невысокие постаменты, стояли огромные каменные слоны. Волны бились о постаменты, пенились у ступней слоновьих ног.

Яхта причалила к берегу. До начала регаты времени оставалось немного. Чтобы занять места на смотровых площадках, пассажиры двумя нарядными цепочками устремились к каменным мостикам, ведущим к двум высоким башням с огибающими их легкими ажурными балконами – отсюда хорошо было наблюдать соревнование. Башни возвышались над дельфинарием и со смотровых балконов хорошо были видны резвящиеся дельфины. Профессор же, Доктор, Мария и некоторые пассажиры по гранитной лестнице поднялись к нависающему над заливом массивному замку. Фасад замка и аркаду со стороны моря, украшали каменной резьбы элементы в виде слоновьих голов, хоботов, ушей.

Прошли в ресторанный зал, заняли столик возле открытой арки. Ресторан славился изобильным разнообразием вин и фруктов. Следили за регатой, из тончайших бокалов пили старинное вино и ели фрукты, только что сорванные и на скоростном аэролете доставленные из южного уголка Мира Абсолюта.

По окончании регаты её участники шумной толпой ввалились в ресторан. Профессор был знаком почти со всеми яхтсменами – он сам был заядлым гонщиком, и принялся обсуждать с ними особенности прошедшей гонки. Оживленно споря, они хлопали друг друга по спинам, а, наблюдавшие за кипением Профессора Доктор и Мария, переглядывались и заговорщически улыбались друг другу.

Посреди реки, в месте впадения её в залив, торцом к заливу возвышалось, напоминающее корабль, массивное, высотой в два этажа, с окнами в виде иллюминаторов, здание из такого же,

как и замок, красного камня – это был пивной бар. Замок и пивной бар соединяла высокая галерея. Под галереей, по выложенному гранитными плитами дну, текла река, было видно как ее желтоватая вода смешивается с голубой водой залива.

Разулись и вместе с другими по гранитным плитам по щиколотку в воде, босые прошли под галерею, и по опущенной в воду широкой гранитной лестнице поднялись в вестибюль пивного бара. Поставили обувь в специальную нишу, шлепая мокрыми ногами по ступеням лестницы с перилами, стилизованными под пивные бочки, поднялись на второй этаж.

В середине огромного – во все здание – зала по кругу стояли пивные бочки, бочонки, бочата и бочоночки с золотыми краниками в виде слоновьих хоботков. Кружки – высокие узкие, низкие пузатые, с носиком для потягивания, с зауженным верхом и все с ручкой в виде хобота, тут же стояли перевернутыми над фонтанчиками. По залу передвигался робот: на поднос собирал освободившиеся кружки и расставлял их над фонтанчиками. Кроме пары роботов, из обслуживающего персонала больше никого не было.

Вдоль стен зала стояли мраморные столики с сиденьями-бочонками, а по всему залу – стойки, стилизованные под бочки. На стенах – пилястры в виде ячменных снопов, между пилястрами – круглые окна. Потолок – открытый овальный фонарь, через который поступал свежий воздух залива и днем светило солнце. Ночью бар освещали светильники в виде нанесенных на стены замысловатых разноцветных орнаментов, листьев, цветов, плодов, пучков тычинок из материала, аккумулирующего дневной свет, и отдающего его тем интенсивнее, чем слабее становилось солнечное освещение. В ненастье фонарь затягивался сверхпрочной прозрачной пленкой.

Их встретили приветственными возгласами. Приглашали к столикам, советовали какое пиво сегодня особенно вкусно, не сильно охлаждено – переохлаждённое скрывает отсутствие аромата, которым отличается правильно сваренное пиво. Становилось многолюдно, шумные босые люди все прибывали, рассаживались за столиками, занимали места у стоек, прогуливались с кружками по залу, собирались группами, покачивая удовлетворенно головой и причмокивая, обсуждали достоинства пива. Обстановка царила самая непринужденная. Главной темой разговоров и споров была прошедшая регата.

Мария, вскоре, заскучала в преимущественно мужской компании и покинула их. Через галерею ушла в нижний зал замка, где на подиуме публике демонстрировали новые модели одежды. В мужской же компании организовалась команда желающих состязаться на скорость плавания. Выход в реку был тут же – со стороны, противоположной галерее, по лестнице, ведущей на глубину. Выросший среди быстрых горных рек Доктор хорошо плавал и тоже вызвался участвовать в соревновании. Нужно было от ступеней, ведущих в воду, доплыть до слонов и вернуться обратно. Выбрали судей, часть их на лодке отправились к слонам, другие остались на старте.

Плыть к слонам было легко – туда несло само течение реки, но обратно пришлось побороться с ним. Первым, с небольшим опережением, приплыл Профессор. Крики поздравлений и бросание победителя в реку закончились вручением ему бочонка пива. Доктор же, рассматривая слонов, замешкался и приплыл в числе последних.

На подиуме показ моделей давно закончился. Доносилась музыка.

– Сегодня бал не намечался, но разве дамы могут удержаться! – усмехнулся Профессор.

Вошли в большой зал, остановились у входа и, среди танцующих, пытались разглядеть Марию.

В бальном зале с зеркалами во всю его высоту и золочеными диванчиками и стульями вдоль стен, дамы, переодевшиеся во вновь приобретенные наряды, кружились с по-спортивному одетыми кавалерами, участниками и болельщиками парусной регаты. Мария заметила

их, призывно помахала высоко поднятой рукой, но поняла, что они её не видят, оставила партнера, пробравшись между танцующими, подошла и, взглянув на Профессора, невольно, расхохоталась: так комичен он был с пузатым бочонком подмышкой.

– Что это?!

– Почётный приз, завоёванный в честном состязании!

Возвращаться решили на аэролёте. Неподалёку, в лесопарке, на взлётной площадке наготове стояли аэролёты.

Поднявшись в воздух, взяли курс на север, туда, где, затмевая звёзды, у горизонта ярко горела Звезда Абсолюта. Насколько мог охватить взгляд, под ними, перемежаемые тёмными пятнами парков, тянулись полосы улиц, светящихся красочным аккумулярованным светом. Вдали опалово мерцал океан, а со всех сторон – красные точки огней аэролётов: летели по аэролетной трассе.

* * *

Доктор проснулся поздно. С улицы слышался детский смех. Утопая босыми ногами в пушистом ковре, прошёл к окну и через золотые прорези жалюзи, залюбовался забавным зрелищем. По залитой солнцем изумрудно-зелёной садовой лужайке вокруг фонтана, причудливо декорированного большими камнями, звонко смеясь, бегала маленькая девочка. Она пыталась вскарабкаться на мокрые камни фонтана, а робот-няня, чётко выговаривая:

– Этого делать нельзя, – старалась поймать ее.

Девочка со смехом убежала от робота, носилась по лугу, вновь возвращалась к фонтану и карабкалась на камни.

– Этого делать нельзя, – опять слышался бесстрастный голос.

– Даша, – послышался голос Марии, неторопливо идущей по гравийной дорожке.

– Мама! – радостно закричала девочка и, раскинув руки, бросилась навстречу.

Мария подхватила её на руки, прижала к себе, а роботу-няне сказала:

– Няня свободна.

– Благодарю, – прозвучало чётко и приятно.

Мария с девочкой на руках направилась в дом. Робот-няня, слегка переваливаясь, шла следом. Доктор с интересом наблюдал за ней. В касте Э не было человекоподобных роботов, там роботы были подобны машинам: если робот-разносчик, то в виде тележки, если робот-уборщик, то оснащенная щетками машина с множеством манипуляторов.

Мария провела Доктора по обитым дорогими тканями гостиним с прекрасными картинами на стенах и множеством изящных тонкой работы безделушек и фигурок из фарфора и позолоченного дерева, с изысканной мебелью, расставленной так, чтобы располагало к отдыху и конфиденциальной беседе; показала бальный зал с просторной лоджией, а потом они прогулялись по внутреннему саду с декоративно подстриженными кустами самшита и множеством распустившихся гладиолусов разных цветов. В роскошном дворце всё свидетельствовало о тонком вкусе Марии.

За поздним завтраком решили отправиться гулять в Центральный парк, все вместе и взять с собой Дашу. Парки были важным элементом жизни касты Высших. В них гуляли, бегали, катались на велосипедах, на верховых лошадях и в лёгких, запряженных лошадьми и пони колясках; обозревая, над ними летали на воздушных шарах и дельтапланах; по рекам и озерам плавали на лодках, на байдарках и на водных велосипедах. Парков было великое множество, они занимали огромные площади, их населяли полуручные белки, зайцы, олени, косули, в темноте на дорожки выбегали ежи, в водоемах жили бобры, выхухоли, белые и чёр-

ные лебеди и утки, по лужайкам разгуливали красавцы-павлины; на деревьях гнездились множество птиц.

Необыкновенно красив был партер парка: уходящая вдаль широчайшая аллея с причудливого рисунка коврами из цветов и фонтанами. А по обилию произрастающих видов растений это был скорее ботанический сад.

Набродившись, осмотрев лишь небольшую часть парка, они проголодались. Пообедали в маленьком уютном кафе, после чего отдохнули в тени деревьев. Даша немного поспала на коленях у отца. Затем решили на велосипедах отправиться в парк верховой езды.

На развилках аллей стояли велосипеды, в том числе с сидениями для маленьких детей. Их можно было брать, проехать, сколько хочешь, и оставить на такой же развилке. Приятно было ехать по гладкой широкой дорожке в пятнистой тени деревьев. Даша, сидевшая впереди отца, что-то лепетала, вертела по сторонам головой.

Не останавливаясь, пересекли парк скульптур. Среди аллей, клумб, аркад, колонн и на мостиках там стояли мраморные, гранитные, базальтовые, керамические, бронзовые, чугунные и из живой зелени изваяния животных, антропоморфных существ и фантастических монстров. Проезжая мимо чугунного чудища, Доктор заметил:

– В лунную ночь увидеть такое, наверное, страшновато...

– И не только в лунную, – откликнулся Профессор. – В той части парка, – махнул рукой, – сад монстров. Скульптуры там подсвечены таким образом, что оторопь берет. Та часть парка так и зовётся – «Обитель ужасов».

* * *

Доехали до длинного, белокаменного украшенного лепниной, здания конюшен. Конюх вывел двух скакунов – крепких, сильных, гарцующих от нетерпения. Мария хотела остаться с Дашей, покатав её на пони, но Доктор заявил, что плохо сидит в седле и с удовольствием останется с девочкой.

Переодевшись в костюмы для верховой езды, Профессор и Мария вскочили на лошадей, и сразу пустились рысью. Конюх запряг пони в легкую маленькую коляску, подвёл к ожидающим Доктору и Даше и сказал, что, когда надоест кататься, можно пони просто оставить – он вернется в конюшню сам.

Доктор заметил маленькую шестиконечную синюю звездочку на левой щеке конюха и обратил внимание на несколько писклявый голос при его крепкой комплекции. Это заставило внимательней присмотреться: молодой, светловолосый, держится замкнуто. Доктор уже знал, что таким знаком помечены люди, обслуживающие Высших.

Люди с синей звездочкой на левой щеке были выходцами из касты Масс. Из малолетних детей этой касты, преимущественно из мальчиков, подбирали крепких, здоровых, красивых, смысленных и отправляли на окружающие Остров Высших малые острова. В профессиональных школах там их обучали различным специальностям и прививали дух беззаветного служения Высшим. Там они жили в комфортных условиях, хорошо питались, а, став взрослыми, объединялись в трудовые гильдии и интересно проводили досуг. Их жизнь была несравненно счастливее жизни жителей мегаполисов массовой касты, но они не могли иметь потомство. Все они были кастраты. В январе, в день, когда детям элитной и массовой каст ставили на руки печати и присваивали звание Законопослушного Свободного Гражданина мира Абсолюта (ЗСГА), у этих людей был их главный праздник – День Посвящения в служители Абсолюта, а за месяц до него достигших одиннадцатилетнего возраста стерилизовали.

Контакты между «синезвездочниками» и хозяевами Острова были сведены к минимуму. Они не имели права самим вступать в разговор с Высшими – обязаны были только отвечать на заданный вопрос, и не имели права отлучаться с рабочего места. Человека с синей звёздоч-

кой на левой щеке, праздно гуляющего по улице, наказывали без промедления. Правила поведения на Острове Высших они впитывали с детства.

Ночью, как только затихала жизнь, с малых островов к Острову Высших устремлялись быстроходные катера с людьми, на которых лежал весь труд по обеспечению функционирования сфер жизни касты Высших. Существовала служба, куда Высшие надиктовывали свои желания, часто смутные, и люди-невидимки с синими звездочками – художники, дизайнеры, модельеры, музыканты тотчас бросались претворять их, стремясь воплотить с максимальным соответствием капризу. Для них это было несложно: слуги были умнее и талантливее господ. И красивее. Выбранные из лучших детей касты М, они в чистом воздухе малых островов, в хороших жизненных условиях и в непрерывных физических и умственных трудах вырастали стройными, мускулистыми, подтянутыми, лица их светились живым умом. Высших же, по наблюдению Доктора, уже коснулась печать вырождения: стёсанные или вытянутые затылки и плоскостопие, заметное по специальной обуви. Сами же Высшие это считали признаком породистости, аристократизма. В среде Высших прослеживалось два типа. У одних – склонность к полноте, глаза преимущественно карие, чуть на выкате, волосы темные волнистые, шея и ноги короткие; они шумны, суетливы, говорливы и в то же время скрытны и хитры, заносчивы и обидчивы, с напускным глубокомыслием на лицах. Другие – высоки, светлоглазы, рыжеваты, флегматичны.

Люди касты Высших отгородились от жизни людей всей планеты и делали все, чтобы не иметь свидетелей своего вечного праздника, порождающего зависть, вслед за которой приходит злоба. Они окружили себя роботами. В их дворцах было множество человекоподобных роботов: горничные, кухарки, слуги, садовники, няни, портные, художники, музыканты, дегустаторы вин и пива, массажисты, парикмахеры и проч. Они уже не могли обходиться без них и уделяли им много внимания, в разговорах рассуждали об их достоинствах и недостатках. Постоянно пополнялась серия анекдотов о роботах, заканчивающихся фразой: «ничто человеческое мне не чуждо».

* * *

Доктор и Даша устроились в тени деревьев, а пони, волоча коляску и на ходу пощипывая травку, направился в конюшню. Невдалеке, со стороны дороги иногда слышался лошадиный топот, и опять становилось тихо. Доктор уселся на траву, прислонясь к дереву, а Даша срывала травку, цветочки, поймала жучка, и, то и дело, подбегала, спрашивала:

– Что это? А это?

В голове Доктора расслабленно бродили мысли о том, что вот он сейчас находится в среде Высших, но не чувствует ничего потрясающего, и здесь ему хорошо и спокойно.

Возвращались по лесу, по тропинке вдоль дороги. Послышался конский топот. Привстав на стременах, и пригнувшись к шеям лошадей, за деревьями галопом пронеслись Профессор и Мария. Даша узнала их, захлопала в ладоши, запрыгала от восторга. Доктор поднял её на руки. Она пристально и чуть настороженно поглядывала на него, как смотрят маленькие дети на малознакомых людей, и что-то щебетала, трогала пуговицы его рубашки, от чего в его груди приятно щекотало; от её головки пахло трогательно и нежно.

Их уже поджидали. Доктор передал девочку на руки отцу и невольно залюбовался Марией: светлые глаза сияли, щёки горели – настоящая амазонка.

Техника голографического видения достигла такого уровня, что не было необходимости ехать куда-то, чтобы собраться близким людям за одним столом. Достаточно было одновременно включить аппаратуру, настроить её на определенное пространство, и иллюзия совместного пребывания в одном помещении – полная. Можно беседовать, вместе петь, танцевать, нельзя только переместиться в другое пространство и потрогать то, что там находится.

В условленное время они расположились в гостиной за накрытым столом у белой стены и через миг оказались в пространстве, где за пределами роскошно сервированного общего стола были интерьеры двух разных гостиных. Профессор представил Доктора своим друзьям – таким же молодым, красивым, оживленным. Женщины блистали изысканными нарядами. На Марии было элегантно бледно-сиреневое платье с глубоким вырезом на спине, делающее её необыкновенно стройной, утончённой, это подчёркивали и украшения из камней, прошедших обработку в космосе, обладающие свойством ярко вспыхивать в ответ на попадание на них света. Было весело и интересно: пели, танцевали, острили, смеялись. Доктора познакомили с коллегой, преподавателем детской школы. Сдвинув кресла, они углубились в беседу на тему, интересующую обоих.

* * *

Ночью Доктор проснулся от света, направленного на него через зашторенное окно. Сонно потёр глаза, встал, подошел к окну, отодвинул штору. В лицо ударил сноп света; он отпрянул, отпустил штору. Свет погас. Снова улёгся в постель.

Утром робот-дворецкий с виноватым видом – о чем свидетельствовал красный огонек на его лбу, явился к Марии и покаянно доложил:

– Миссис, я виноват и достоин аннигиляции: я не предупредил Службу репликантов о том, что в доме находится гость и им пришлось напротив комнаты, в которой он спал, выставить пост. Страшно подумать, что бы произошло, если бы гость ночью захотел выйти из дома.

– Но ведь всё обошлось..., не огорчайтесь... Вы так давно служите, что я просто не могу на вас сердиться, – ласково успокоила Мария.

Дворецкий благодарно прикрыл глаза; красный огонёк на его лбу погас.

* * *

Новый Колизей представлял собой точную копию древнего римского Колизея. Те же размеры, такие же подпирающие здание колонны, и три ряда стоящих друг на друге аркад со скульптурами внутри арок; такая же выстланная толстыми, посыпанными песком досками овальная арена размером с футбольное поле, и, как и в древнем Колизее, множество фонтанов, делающих воздух в амфитеатре свежим и прохладным.

Возле монументального здания Колизея людской поток разделялся на ручейки, текущие в его восемьдесят арок-проходов. Профессор с Доктором нашли свободные места в среднем ярусе. Публика доотказа заполнила амфитеатр, монотонный людской гул перекрывало звучание боевых маршей.

Зрелище началось со схватки человека и зверя. На арену, с хлыстом в одной руке и коротким мечом – в другой, вышел опытный, известный своими победами полуобнажённый боец. Поднятой рукой приветствуя аплодирующую публику, он под гром музыки сделал круг по арене и остановился в середине арены возле клетки с тигром. Открыл дверцу. Из клетки, лениво и не спеша, вышел большой, мускулистый с блестящей шерстью тигр. Человек напрягся. Зверь же широко зевнул и не торопился нападать. Но получив удар хлыстом, грозно зарычал. Началась игра со смертью: человек мечом наносил удары, животное с дикой грацией бросалось на него. Кровь текла из ран человека и зверя. Запах крови возбуждал зверя всё больше. Рёв публики на трибунах перекрывал грохот музыки.

Наконец зверь, в мощном прыжке сбив с ног не успевшего увернуться бойца, вгрызся в горло, окровавленной пастью стал рвать тело. Музыка смолкла, публика с удвоенной силой взорвалась неистовыми криками и свистом.

Раздался выстрел. Тигр по кличке Непобедимый, загрызший уже не одного бойца, затих, засыпая. Его подлечат и вновь выпустят на арену. Победившему его, обещана свобода.

Гладиаторы, бойцы со зверями, – это преступники, которым вместо казни или пожизненных работ на рудниках, назначили смертельные бои, оставив слабую надежду на обретение свободы.

После перерыва, во время которого с арены убрали следы крови, а возбуждённая публика бурно обсуждала подробности боя и вела расчёты по заключенным пари, началось цирковое представление. Доктор же сидел оторопевший, и не смотрел на арену. Заметив это, Профессор предложил покинуть Колизей.

– Домой? – спросил мягко, когда выбрались из Колизея.

– Может быть, ещё погуляем? – неуверенно возразил Доктор.

После недолгого раздумья Профессор предложил:

– Не хотите ли осмотреть субтропики? Это недалеко отсюда.

Под покрытым плёнкой высочайшим сводом, через особые шлицы, пропускающие ультрафиолетовые лучи и свежий воздух и не требующие никакого ухода, – вода и грязь стекали сами собой, находилась огромнейшая, площадью в несколько квадратных километров, теплица. Под плёнкой росли сvezённые со всего света растения: пальмы, тиковые и красные деревья, прямо над головой висели гроздья бананов и плоды страстоцвета. И царство тропических птиц: болтливые большие зеленые попугаи, чёрные попугаи, длиннохвостые нерсери, большие райские птицы, разноцветные колибри, как гигантские цветы, ае ибисы.

По огибающей крутой холм гравийной дороге они поднялись на площадку обозрения, откуда открылся вид на заросли рукотворных джунглей и четко виделась конструкция плёночного свода в виде тончайшей паутины из шестиугольников.

В эту ночь Доктору не спалось. Чувство смятения от жестокого зрелища, разыгранного в Колизее, несколько притупилось, но в памяти всплывали перекошенные жаждой острых ощущений и порочных страстей лица мужчин и женщин. Потом перед глазами возникло увиденное в субтропическом лесу: над розовым цветком орхидеи, с удивительной быстротой трепеща крылышками, завис маленький золотистый сине-зелёный с раздвоенным хвостиком колибри.

Профессор отлучился по делам, а Мария предложила Доктору, в этот раз самостоятельно, осмотреть дворец. Предоставленный самому себе, он расхаживал по анфиладе комнат, рассматривал картины и гобелены.

Дверь в детскую была широко распахнута. На ковре, застилающем пол большой комнаты, механические медвежата, слоники, собачки, котята, обезьянки, мышки и змейки, забавно имитируя повадки настоящих, ходили и кувыркались, прыгали и ползали, мяукали и лаяли, рычали и пищала. А вместе с ними прыгала, ползала, мяукала и пищала Даша. А в стороне, приглядывая за ней, стояла няня-робот. Увидев его, Даша вскочила, подбежала, взяла за руку, потянула в середину копошащихся игрушек. Доктор опустился на ковёр и с удовольствием стал играть вместе с ней. Но их приятное времяпрепровождение вскоре прервала няня-робот.

– Даше пора гулять, – произнесла раздельно и строго.

Девочка неохотно поднялась, стянула с себя платье.

– Надо умыться, – напомнила няня, уже держа наготове свежее платье.

В большой комнате библиотеки от пола до потолка трёх стен тянулись шкафы с книгами, изданными необычайно дорого – в сафьяновых переплётках с золотым теснением; а массивный письменный стол с вмонтированной библиоаппаратурой занимал место у четвертой стены. Доктор прошёлся вдоль полок, снял несколько заинтересовавших книг и устроился в удобном кресле рядом с низким столиком. Там и нашёл его вернувшийся Профессор.

Отдохнув после обеда, вышли в парк, начинающийся сразу за дворцами. К ним присоединились молодые соседи, и все они увлечённо до наступления сумерек на лужайке играли

в гольф, битой прогоняя мяч по размеченным дорожкам, и загоняя его в лунки. Соседи ушли, робот-няня увела Дашу, всё это время бегавшую по парку, а Профессор, Доктор и Мария, устроившись в уютной зелёной беседке, сидели в полумраке и беседовали о том, о сём.

Явился робот-дворецкий, доложил, что на видеосвязь вышел Инженер. Мария заторопилась в дом и вскоре вернулась:

– Отец спрашивает: не слишком ли мы утомили гостя экскурсиями, и приглашает к себе на остров.

Завтракали в припортовом ресторанчике. От возвышающейся над поверхностью воды цилиндрической части, как гигантские лепестки, отходили и погружались в воду три прозрачные полусферы – потолки и часть стен трёх ресторанных залов: Янтарного, Кораллового и Жемчужного, обильно изукрашенных в соответствии с названием, янтарём, кораллами, жемчугом.

Спустились по лестнице и по, желанию Доктора, заняли столик в Коралловом зале. Там на одной упирающейся в подставку в виде морской звезды массивной ноге стояли столы, сиденья были в виде раковин, нежные, хрупкие ветки кораллов – красных, розовых, белых, разноцветных, – как диковинные растения, поднимались от пола до потолка и стояли на столах в перламутровых вазах. На прозрачных стенах, снаружи закрытых водорослями, висели медалионы – камеи из белых и розовых кораллов. Высокие вытянутые напольные перламутровые вазы, инкрустированные кораллами, украшали помещение днём и служили светильниками в ночное время.

Они завтракали, а голова большой рыбы, раздвинув водоросли, пучила на них глаза и шевелила жабрами.

При разговоре, Доктор обратил внимание, что во всех местах развлечений свободно, мало посетителей. Вот и здесь, все залы полупусты. Ему ответили, что, во-первых, мест отдыха много и их разнообразие велико – всё рассчитано на то, чтобы в любое время в каждом из них были свободные места, и у людей не было проблем с исполнением спонтанно возникающих прихотей; во-вторых, сейчас курортный сезон на Средиземноморье, многие разъехались по курортам и они сами намерены, вскоре, уехать в такое место, где в один и тот же день можно покататься на горных лыжах и поплавать в море. Кроме того, в это время года многие уезжают в свои личные владения, в свои замки, разбросанные по всему Миру Абсолюта.

Доктор не знал о существовании подобных замков, и даже не подозревал, что все самые красивые, экзотические, комфортные места на земле доступны только Высших.

Глава третья

Небольшой дом Инженера стоял на высоком берегу островка, густо поросшего чешуйчатым темно-зелёным вереском. От дома к берегу океана вел спуск по крутой лестнице.

На островке Инженер проживал с собакой, рыжей колли, и в окружении роботов. Он любил своих роботов и постоянно их усовершенствовал. Иногда он думал, что если бы энергетика не отнимала всё его время, то, непременно, занялся бы робототехникой. Его роботы имели имена, и, торопясь на его зов, работали старательно и усердно. Мария же, хотя в быту не могла обойтись без роботов, их недолюбливала, считала, что человек не должен полностью зависеть от них.

– Отец, твои роботы однажды сговорятся между собой и устроят тебе какую-нибудь каверзу! – иногда ворчала она.

Копаясь отвёрткой во внутренностях машины, Инженер в ответ только улыбался.

Профессор же шутил:

– Древний обычай рукопожатия приобрёл новый смысл: мы оба живые и настоящие.

Как только прилетели, сразу отправились купаться. Доктору купание в тёплом солёном океане доставило блаженство, несравнимое с купанием в холодных быстрых горных реках. Отдохнув, лёжа на спине, они плыли все дальше и дальше. Слепя бликами, солнце играло в волнах и казалось, что его свет исходит и сверху, и снизу, и со всех сторон.

После обеда работали в саду. В цветоводстве знающий толк Доктор рыхлил и поливал клумбы, а за ним по пятам ходила перепачканная землей помощница Даша.

Послышался приближающийся шум двигателя. С причалившего катера на берег сошёл высокий седой мужчина, а, следом за ним, выпрыгнул большой рыжий пёс.

– Дедушка, Дедушка! – Даша бросилась бежать к лестнице спуска.

За ней направился и Доктор. Увидев, спускающихся по лестнице Доктора и Дашу, Инженер заспешил на встречу.

– Вот так радость, вот так радость! – пожимая руку Доктору и подхватывая на руки Дашу, приговаривал Инженер, встретившийся с ними на середине лестницы.

Пес глухо зарычал.

– Фу! Свои! – прикрикнул и пожаловался: – не привязал, так он бросился плыть за катером. Пришлось взять с собой.

Вечером допоздна сидели у обрыва и наблюдали как в океан садится солнце и багровый закат отражается в воде. Глядя через бинокль вдаль, на остров-скалу, Доктор сказал, что завтра постарается доплыть до него. Инженер и Профессор переглянулись: посещать скалу было запрещено и опасно, на ней находился пост, охраняющих Инженера, репликантов.

* * *

Профессор и Доктор лежали на берегу, а рядом океан, играя мелкими камешками, накачивал на берег волны.

Доктор говорил:

– Но ведь, действительно, есть нации по своим природным данным не способные на творчество, даже готовые знания усвоить не могут. И вид у них, если судить по фильмам..., – они рассуждали о смешении наций.

– Например? – спросил Профессор.

– Например, русские, – лениво переворачиваясь на спину, проговорил Доктор.

Профессор резко сел, несколько секунд смотрел на него изумлёнными глазами, а потом разразился хохотом. Доктор смутился, но тот смеялся столь заразительно, что и он, не зная причины, глядя конфузливо и вопросительно, тоже начал посмеиваться. Наконец Профессор выговорил:

– Чтобы знать, как выглядят чистокровные русские, достаточно посмотреть на моего тестя.

Отец – так звали в семье Инженера, и так он представился Доктору при знакомстве – был красивый старик: высок, прекрасно сложен, темно-русые, от седины ставшие серебристыми волосы, свидетельствующий о постоянной работе мысли несколько погруженный в себя рассеянный взгляд серых глаз.

– А как же он..., – Доктор подбирал слова.

– Как он попал в касту Высших? Благодаря тем качествам, в которых вы отказываете русским – таланту, гениальности. Север планеты изобилует энергией ветра. Отец изобрёл новый очень эффективный способ обуздания энергии ветра, превращение её в электричество. Им же разработан метод получения электрической энергии преобразованием энергии движения течения Гольфстрим и способ накапливания электроэнергии в гидроаккумуляторных станциях. Сейчас он работает над проблемой преобразования энергии океанических волн. Электростанции, вблизи которых мы изволим находиться – это его детище.

– Вы, наверное, обратили внимание на редкое имя нашей дочери? Даша – русское имя, так её назвал Дедушка в честь почитаемой в их роду прапрабабки. Это произошло во времена передела мира. Даже немногие специалисты историки знают о проявленном русскими яростном сопротивлении разделению России. Они самоотверженно боролись до конца. Так вот, когда погиб ее муж – прапрадед нашего Инженера, прапрабабка, врач по профессии, отправила своего малолетнего сына свёкрам, а сама отдалась борьбе и погибла, с оружием защищая раненых.

Помолчал, глядя на набегающие волны океана, и добавил:

– Уровень развития цивилизации мира Великого Востока ни в чём не уступает нашему миру, и в этом большая заслуга русской нации. А то, что показывают по телевидению...

Помолчал, и с непонятной горечью и печалью добавил:

– Поэт древности сказал: «Сведи к необходимым всю жизнь и человек сравняется с животным».

Странно было слышать это от Высшего... Доктора удивляли переходы в настроении Профессора от бесшабашно-беспечной радости жизни, когда он всех тормошил и зажигал весельем, к внезапной серьёзности.

Становилось всё жарче. Они перебрались под зонт, сидели за столиком и потягивали прохладительные напитки. Профессор продолжил тему разговора:

– Земной мир, как известно, отличается разнообразием видов. Множество видов животных, птиц, рыб, растений. Одних только насекомых более миллиона видов. И никому в голову не придет скрестить, вывести усреднённую птицу, рыбу, корову, усреднённый цветок, наконец. Человек тоже часть природы. Я часто задаюсь мыслью: не лучше ли было бы для всего человечества, как прежде, разделяться на народы, нации, а не на касты.

– Но еще в Эпоху Заблуждений мыслители пришли к выводу, что человечество вообще, и народы в частности, развиваются линейно, по единым законам. Расслоение единого человечества по интеллектуальному признаку лишь придало законченность этим выводам. Или вы с этим не согласны?

– В моём представлении история – это не некий тракт, по которому, бредет человечество, а цветущий луг, полный многообразия жизни.

– Вы считаете, что наше общество Абсолюта не учитывает природу человека?

– Законы Абсолюта извращают его природу, – сказал жестко и добавил: – Особенно в касте Масс, где более девяноста процентов всего населения нашего Мира...

Доктор был растерян: он жил в мире полного, абсолютного подчинения Закону и преклонения перед мудростью Высших, разработавших его, в мире, где, даже тень сомнений в правильности установленного миропорядка считалась крамольной, кощунственной и преследуемой. Слова Профессора приводили в замешательство. Потом, дома, вспоминая разговоры с Профессором, – разговоры, напоминающие хождение по краю пропасти, Доктор удивлялся смелости его высказываний и испытывал благодарность за его доверие. Профессор же, изучивший как поставлено обучение в каждой из школ касты Э, знал с кем имеет дело.

На третий день Инженер повёз их осматривать гидросооружения. С видимым удовольствием и тайной гордостью, он водил их по большому пульту управления с множеством схем, приборов, мигающих и горящих ровным светом зеленых и красных лампочек и телеэкранов, на которых видна была работа механизмов. Не скрывая гордости, Инженер подвёл их к одному из экранов – на нём вращались турбины. Пояснил:

– На большой глубине эти турбины вращает течение Гольфстрим.

Доктору казалось, что он никогда бы не смог постичь, как работают столь сложные сооружения и от этого проникался к Инженеру ещё большим уважением.

В заключение экскурсии на катере объехали вокруг группы небольших островов, где разместилось большое и сложное хозяйство службы гидроэлектростанции.

Глава четвертая

Доктор оказался неутомимым пловцом. А Профессор, искупавшись, забрался под тент и размышлял о событиях трехлетней давности, так круто переменивших его жизнь. Иногда, беспокоясь, он вставал, через бинокль всматривался в водную даль и искал глазами Доктора.

После приватной беседы с Главой Сената, в которой тот ясно дал понять, что способности его оценены и вскоре его ждут изменения в карьере, вызов во Дворец Сената он воспринял как продолжение того разговора. Но удивило назначенное время – в девять часов вечера.

Многоэтажное помпезное, увенчанное светящейся звездой здание Сената, стояло на просторной площади с бьющими вверх фонтанами. Миновал площадь, вошёл в вестибюль, представился дежурному контролёру; тот доложил, что его ждут в Малом зале.

Поднялся в лифте, прошёл по тихому безлюдному коридору, открыл дверь и замешкался, оглядывая зал. Возле стола, сдвинув стулья, все вместе вполупорот к двери, сидели и оживлённо беседовали трое мужчин и с ними Глава Сената. Заметили его, умолкли и стали рассаживаться за столом, поодаль друг от друга.

– Проходите, мы вас ждём. Проходите и встаньте в круг, – громко пригласил Глава Сената, занимая место во главе стола.

Удивлённый, Профессор прошёл на середину зала и встал в центр изображенного на полу магического круга.

Глава Сената поднялся с места:

– Год назад находящимся здесь Братьям Посвященными было поручено, взвесив все его жизненные поступки и их побудительные мотивы, оценить, достоин ли стоящий перед нами стать одним из членов Братства. Прошу предъявить вердикты.

Стоя в круге, не ожидавший ничего подобного Профессор, недоумённо вглядывался в лица, сидящих за столом. Он мог поклясться, что никого из них раньше не видел.

– Итак, доверенные Братства единогласно ручаются за Вас и считают достойным избрания, – прочитав вердикты, громко произнёс Глава Сената.

– Благодарю за честь! – нашёлся, что ответить Профессор.

Убрав бланки вердиктов в папку, Глава Сената со словами:

– Поторопимся, друзья, – вышел из-за стола и направился к выходу.

На лифте спустились в подвальный этаж. Пропетляв по тускло освещенным узким подземным коридорам мимо дверей и специальных ниш, где с оружием наизготовку застыли человекоподобные роботы-охранники, вошли в небольшое помещение, где с открытой дверью их ждал скоростной лифт. Спустились в полутемный подземный канал. Под каменным сводом канала, тускло отражаясь в зеркале темной неподвижной воды, вдаль убегала цепочка огней. На причале застыл быстроходный катер. В сыром застоявшемся воздухе пахло гнилью.

Через час пути послышался отдалённый шум и, вскоре, прошли затвор, перекрывающий выход в океан. Ещё через час сошли на причале одного из островов и, освещая путь фонарем, не задерживаясь, подошли к погруженному в темноту небольшому замку. Как только вошли, вспыхнул свет. Пересекли небольшой зал с плотно зашторенными окнами. Через потайную дверь, открывшуюся от прикосновения руки Главы Сената к её глазку, вошли в небольшое помещение без окон, с огороженным коваными перилами широким колодцем в его центре. Профессор огляделся и на белой стене прочитал, выведенное крупными красными буквами: «Клянись и лжесвидетельствуй, но не раскрывай тайны». Ожидая объяснений, он недоуменно

смотрел на Главу Сената, но тот, намеренно отводя глаза, уже отодвинул дверцу ограждения и первым стал спускаться в колодезь.

Осторожно спускались по местами мокрым ступеням в глубину колодца: с одной стороны поблескивающая мозаикой тускло освещенная стена, с другой – поддерживающие свод каменные колонны без ограждений между ними, а за колоннами – сноп света из пропасти колодца. На стенах и ступенях лестницы – чёрные тени колонн.

Спустившись до какой-то глубины, вошли в слабо освещённую колодезным прожектором просторную нишу. В центре её, с открытой пастью, как будто готовая к прыжку, застыла чёрная пантера; её светящиеся зелёные глаза, казалось, были устремлены на вошедших. На мгновение Глава Сената ладонью прикрыл глаза пантеры, и в стене открылся проход.

– Ждите здесь. Вас проводят, – уходя, приказал Профессору.

Во мраке каменной ниши Профессор остался один. Ни звука, только иногда слышно капанье сконденсировавшейся влаги; застывшие тени колонн и рядом чёрная пантера с горящими глазами. Возникло чувство нереальности происходящего и исходящей откуда-то угрозы.

– Пойдёмте, – проговорил неожиданно возникший человек.

По слабоосвещённому узкому коридору подошли к закрытой двери.

– Облачитесь, а я подожду вас.

В небольшом низком помещении на столе, расправленным, лежало облачение. Поверх своей одежды, Профессор натянул на себя балахон, подпоясался верёвкой, набросил на голову капюшон. Вошёл сопровождающий. Приказал:

– Снимите капюшон.

Полутёмными закоулками прошли в помещение, напоминающее театральную кулису, и остановились перед чёрным занавесом.

– Услышите звон мечей – сразу идите в центр круга.

Послышался металлический звон. Профессор раздвинул занавес, и, глядя под ноги, направился в изображённый в центре выдвинутого в зал постамента магический круг. Встал в центр его, поднял глаза. В полумраке зала, плечом к плечу сидели чёрные силуэты. Через прорези капюшонов, как направленные на него дула двустволок, глядели глаза.

Сидевшие в первом ряду поручители встали, подошли к постаменту и у его подножия установились лицом к залу.

Глава Сената поднялся на трибуну и представил Профессора собранию:

– Братья, на ваше решение выносится вопрос о принятии стоящего перед вами, в Братство Посвящённых. Братья-поручители расскажут о нём, а вам решать, достоин ли он, быть принятым.

Сделав два шага вперёд, поручители поочерёдно рассказывали о Профессоре, особо отмечая его неблагоприятные поступки, промахи, ошибки, вспомнили даже те, о которых он сам давно забыл. Под множеством устремлённых на него глаз Профессору было неловко, стыдно.

Потом стали задавать вопросы с места. Профессор отвечал сбивчиво, заикаясь. Наконец, вопросы иссякли.

– Кто считает, что этот человек достоин стать одним из нас? – задал вопрос Глава Сената.

Зал дружно встал. Профессор был взволнован, растерян, но счастлив; было такое чувство, словно его судили, и, неожиданно, казнь заменили помилованием.

С сопровождающим спустились в зал и заняли места в последнем ряду.

Глава Сената уступил трибуну Брату – невысокому, крепкому мужчине с грубоватым волевым лицом. Громко зазвучал хорошо поставленный, властный голос:

– Сегодня великий день, славный юбилей. Полтора века назад наши Братья-основатели собрались на этом острове и приняли Концепцию Нового Мирового Порядка, Концепцию Мира Абсолюта. Тогда Иерархами Высших сфер нашим старшим Братьям было открыто абсо-

лутное знание о мире и человеке, что дает нам право распоряжаться судьбой людей на земле, право моделировать, планировать и переделывать жизнь. Нам на всё дано право.

Тысячелетиями люди жили смешано – богатые умные с нищими глупцами; молодые и сильные с немощными стариками; полноценные высокоразвитые народы с народами, оставившимися в своём развитии. Жизнь «все сообща» лишала высшую личность возможности жить счастливо в полной мере. Только отторгнув, изолировав всё неполноценное, высшая личность, в среде равных себе, обрела полноту счастья.

Мы отделили зёрна от плевел, человеческую мешанину разделили на две касты. Элитная каста – это наделённое высоким интеллектом общество творцов и созидателей. Люди элитной касты преданы нам и счастливы служить нам, ведь мы избавили их от унижительного физического труда, дали возможность развивать и реализовывать творческие способности. Элитная каста – это генофонд, человеческий заповедник.

Бесконтрольно расплодившиеся массы неполноценных, ленивых народов мы смешали в общем котле массовой касты, соединили их в единый народ Абсолюта, народ абсов, и дали то, за что на протяжении всей Эпохи Заблуждений массы безуспешно боролись – внутрикастовое социальное равенство и демократию, обеспечили тем, что приносит им удовлетворение – трудом без лишних умственных усилий. Качество, производительность труда и уровень исполнительности в массовой касте превосходны. Каждый абс счастлив и гордится званием Законопослушного Свободного Гражданина Мира Абсолюта. Путём регулирования смертности и рождаемости, количество народонаселения массовой касты мы держим в пределах, достаточных для стабильного функционирования сфер жизнедеятельности Мира Абсолюта. И только на восточных окраинах нашего Мира всё ещё обитают туземные народы, так называемые, русские и арабы – недочеловеки, по своему менталитету не способные подняться до уровня общества Абсолюта. Мы оставили им их заблуждения, но заставили выполнять для нас самый грязный и примитивный труд.

Мир Абсолюта – это Разум и Логика. Столетиями наши предшественники вынашивали идею построения Мира Разума; фундамент его уходит в толщу веков. Задолго до наступления эпохи Абсолюта были разработаны и опробованы механизмы её построения. Во-первых, это деньги. С помощью спекуляции и ростовщичества Братьями Посвящёнными была создана тайная геофинансовая империя. Мы научились распоряжаться чужими деньгами, богатеть за чужой счёт, и таким путем мы прибрали к рукам всё состояние мира. Как только где-то скапливалось богатство, мы откачивали его. Во-вторых, гениальное изобретение наших предшественников, так называемая, демократия – система манипуляции сознанием низших людей. Каждый здравомыслящий человек понимает абсурдность замены через какой-то срок капитана корабля, директора школы или завода и, тем более, главы сверхсложной организации – государства только потому, что вышел этот произвольно установленный срок. Но именно это мы навязали всем странам. С помощью выборности и многопартийности мы создавали в странах политический хаос, навязывали правителей некомпетентных, готовых служить нам, а не своим государствам, а в советники им давали наших людей. В результате правительства действовали в наших интересах, а не в интересах собственных народов. Народам же мы внушили, что выборы – это и есть демократия.

Вершиной прозорливости Братства Посвящённых стало спланированное и осуществленное столкновение цивилизаций, породившее по всему миру войны, голод, хаос недоверия всех всем, что дало нам возможность заставить человечество принять наш «Новый мировой порядок», гарантирующий на планете мир и безопасность.

Если выявить и изъять из людской массы потенциальных лидеров, а это не более одного-двух процентов, то массы делаются неспособными на организованные действия. Энергию же лидеров мы научились направлять в русло, нужное нам.

Мир Абсолюта стабилен и вечен. Это обеспечивается нашими законами. Закон – это хлыст, загоняющий людей в определённые рамки жизни. Наши законы строги, просты и понятны каждому.

В тишине замершего зала голос докладчика гремел напористо и убедительно:

– Мы добились многого. Но наше дело не будет завершённым, мы не можем быть спокойны, пока земной мир расколот надвое, пока не вся планета подвластна Звезде Абсолюта. На севере, в скальных бункерах, в азотных ваннах ждут своего часа дивизии неуязвимых для современного оружия непобедимых воинов киборгов-репликантов. Когда наступит час «икс», мы разбудим их и пошлём на Восток. После того, как очистим Восток от неполноценных народов, свои силы мы сосредоточим на присоединении к Миру Абсолюта всех планет около-солнечных систем. К этому мы готовимся уже сейчас. Нашими гениальными учёными касты Э создан космический воин-репликант, не нуждающийся ни в земной атмосфере, ни в земной пище, способный энергию усваивать непосредственно из космоса. С плацдарма на Луне на освоение планет мы будем отправлять армии таких завоевателей.

Утомлённый обилием и необычностью свалившейся на него информации, дальше Профессор слушал невнимательно. Сквозь щель капюшона он рассматривал зал. Стены затянуты чёрным бархатом, за спиной докладчика золотом сияет большая Звезда Абсолюта. На других стенах в золотых медальонах в виде жалящих свои хвосты змей – незнакомые знаки и непонятные письмена. На своде потолка алхимическая аллегория мироздания – шестиконечная звезда, в одной части которой изображён Бог, а в противоположной – вечный его противник.

Докладчику не хлопали, а, когда он сошёл с трибуны, все встали и стояли, пока он не занял своё место в первом ряду.

На трибуну опять взошел Глава Сената:

– Братья, разработан закон, ограничивающий хождение наличных денег в касте Высших. На днях он будет вынесен в Сенат на рассмотрение. Думаю, что большинство из вас уже ознакомились с проектом закона. Прежде чем начать обсуждение, Сенат должен знать мнение Братства.

Выступил только один человек:

– Деньги – это чеканные свобода, радость, богатство. Обладание деньгами давало нашим предкам право чувствовать себя сверхчеловеками, назначение которых быть богатыми, очень богатыми, богаче всех. Деньги дали нам власть над миром, сделали нас высшей кастой. Деньги несут в себе сакральный смысл. Вид золотых, серебряных, платиновых монет и обладание ими доставляет наслаждение и уверенность в себе. Никто не вправе лишить нас этого.

И, уже спускаясь с трибуны, потрясая поднятой рукой, громко добавил:

– Впредь нужно лучше присматриваться, кого выбираем в Сенат! Дай таким волю, они и купол Храма пустят на переплавку!

– Кто против принятия закона? – задал вопрос Глава Сената.

Зал дружно встал. Проект закона можно было считать отклонённым. Торжественная часть закончилась скандированием, стоя: «Слава Абсолюту».

Глава Сената подозвал Профессора и приказал следовать за одним из Братьев. Через просторный холл, где в балахонах, с лицами по-прежнему закрытыми капюшонами, толпились Братья Посвящённые, Профессор с Братом прошли в каменный тоннель. По ярко освещённому потолочными плафонами широкому, с высоким сводом тоннелю дошли до места, за которым ход тоннеля не освещался, зиял его тёмный проём. Там, в двух глубоких нишах по обеим сторонам тоннеля, стояли бочки с маслянистой жидкостью, а на полу ровными кучками лежали палки с привязанной к одному концу паклей. Спутник Профессора взял две палки, концы с паклей обмакнул в жидкость в бочке, зажёл от лежащей в углублении стены зажигалки, и по факелу вставил в держатели перед входом в каждую нишу.

Вскоре послышался мерный топот множества ног. Приближалась колонна по двое. Профессор и его напарник, обмакнув в бочке, подавали в протянутые руки палки с паклей, Братья от факелов возле ниш зажигали их и уходили в тёмноту тоннеля. Наконец и Профессор с напарником зажгли по факелу и присоединились к колонне. Шли довольно долго. Иногда пламя факелов колебал проникающий откуда-то воздух. Молчание и мерный топот ног.

Наконец, от сильной струи воздуха ярче вспыхнули факелы. Колонна вошла в, как стадион, огромный и высокий зал, не смешивая рядов, разделилась в шеренгу по одному и выстроилась по периметру зала. Вверху на стенах ярко горели светильники в виде факелов, внизу зал освещался колеблющимся пламенем факелов в руках людей. На каменных стенах выбиты огромные скрещенные циркули, наугольники и жезлы. Пол из чередующихся чёрных и светлых плит; в центре его вмонтирована большая чаша, заполненная маслянистой жидкостью. В торцевой части зала, тускло мерцая, возвышается огромная золотая скульптура быка, расставленными ногами твёрдо упирающегося в высокий постамент. В мощном лбу, пульсируя в ритме сердца, горит красный камень. «Карбункул» – узнал Профессор. Изображение этого пульсирующего камня появлялось на экранах перед началом передачи новостей. Возле быка на высоком узком постаменте посверкивает неразличимый из-за расстояния предмет.

Чего-то ждали. Раздался звон мечей; вслед за этим стали медленно раздвигаться, поползли в стороны створы потолка. В расширяющемся проёме всё яснее вырисовывались освещенные луной края ущелья. От хлынувшего в зал холодного воздуха заколебалось пламя факелов. Опять прозвучал металлический звон. Колонна зашевелилась, рассредоточиваясь по залу, – каждый вставал на отдельную клетку пола. Загремел первый аккорд гимна. Откинув на спины капюшоны, его мощно подхватили мужские голоса. Из чаши на полу взметнулся вверх огненный столб. Участились вспышки биения кроваво-красного рубинового сердца во лбу Тельца. Яркое освещенное пламенем, бьющим из чаши, засверкала помещённая на постаменте бриллиантовая корона.

Вышел вперед и встал на возвышение один из Братьев. Загремел усиленный микрофоном голос:

– Исполняя наказ Братьев-основателей Мира Абсолюта, из лучших, издревле известных миру бриллиантов мы изготовили для Тельца корону, и сегодня, в день юбилея, нам выпала честь водрузить её.

Брызгая лучами, корона медленно поднялась по воздуху, зависла над фигурой золотого быка и плавно опустилась на его голову между прямыми широко расходящимися рогами, придав скульптуре полноту и законченность. Человек на возвышении выкрикивал здравицы. Зал отвечал криками «Виват» и размахивал факелами.

В бочках с водой загасили факелы, разбрелись по залу. Деловито сную, человекоподобные роботы из боковой двери вносили и расставляли столы с лавками, бочонки с вином, ставили на столы огромные блюда с дымящимися кусками мяса. Начался пир по типу пиров, которые устраивали феодалы в средневековых замках.

Уже светало, когда Глава Сената и Профессор подошли к причалу в бухте, укрытой скалами, где стояли пришвартованные катера. Утро наступило холодное, пасмурное. Надели на себя плащи, на случай непогоды приготовленные в катере. Профессор был оглушён неправдоподобностью увиденного, и Глава Сената поглядывал понимающе. Ехали молча. То, что Профессор ни о чём не спрашивает, нравилось, возвышало его. Прощаясь на городском причале, Глава Сената сказал:

– Нам необходимо будет поговорить... Дня через два свяжитесь со мной, условимся о встрече.

Профессор не мог оценить – хорошо ли то, что с ним произошло, однако, было ясно, что теперь он теряет свободу мнения, свободу поступков, право на самостоятельность. Удручала необходимость скрывать от Марии то, что произошло.

Через несколько дней Глава Сената принимал Профессора в красивом, как драгоценная шкатулка, небольшом кабинете: малахитовые украшенные ажурным золотом пилястры; стены затянуты старинными в коричнево-бежевых тонах гобеленами со сценами охот, пиршеств, аллегорий; высокий потолок с изображением Звезды Абсолюта. Приглядевшись, Профессор заметил везде – в рисунках гобеленов и застилающего пол мягкого ковра, в потолочной росписи – искусно вписанные символы и знаки, увиденные им в подземелье. На отдельном столике, на малахитовой подставке скульптурка – многократно уменьшенная копия Золотого Тельца. «Без короны»; – отметил про себя.

Низкий овальный столик был накрыт на двоих.

– Я пригласил тебя, чтобы поздравить со вступлением в Братство Посвящённых. Думаю, ты не знал о существовании Братства?

Профессор отрицательно покачал головой.

– И, конечно, интересно за какие заслуги оказано тебе столь высокое доверие, столь высокая честь? Скажу откровенно, что заслуг у тебя таких пока нет. Тебе ещё предстоит доказать, что достоин Братства, великодушно принявшего тебя в свои ряды, как, в свое время, доказали это твой отец и твои достойные предки.

Глава Сената встал, подошёл к письменному столу, взял лежащую там папку, вынул из неё, развернул и расстелил на столе большой лист бумаги. Подозвал, заговорил с пафосом:

– Это генеалогическое древо Братьев твоего рода. Твой предок был одним из первых Братьев-основателей ордена Посвящённых. Масштабы заслуг первых Братьев столь велики, что и мы, и те, кто придёт после нас, будут преклоняться перед ними. Согласно разработанному ими Уставу Братства, членство в Братстве является наследуемым. – Склонившись над столом, вписал имя Профессора в матрикулу. – Ну вот, теперь ты в полной мере член нашего Ордена. Ещё раз поздравляю.

Сложил и убрал лист в папку. Вернулись к накрытому столику.

– За Братство! – до краёв наполнил бокалы.

Очень доверительно Глава Сената рассказывал о тайной, руководящей роли Братства и, по его словам, получалось, что Миром Абсолюта, фактически, руководит не правительство и не выборный Сенат Высших, а Братство Посвящённых.

– Братство Посвящённых – профессиональная, настоящая несменяемая и постоянная тайная власть Мира Абсолюта, а Сенат Высших – это лишь верхушка Братства. И те, кто заседают в Сенате, ещё не означает, что именно они являются высшими иерархами в Братстве.

У Профессора возник интерес: на какой ступени Братства стоит сам Глава Сената? Похоже, что не на самой высокой.

– Вступив в Братство, ты, дорогой Брат, получаешь почти неограниченные возможности влиять на судьбы Мира. Ты можешь сделать явную карьеру и получить всеобщее признание, или вести деятельность тайную, невидимую другим, но неизмеримо более весомую, – говорил серьёзно, веско, с расстановкой бросая слова. Куда подевалось добродушие, излучавшееся от его в добром теле облика....

Выпили за процветание Братства на тысячу лет.

Опять заговорил Глава Сената и на этот раз просто, как с равным:

– Брат, ты должен понимать, что у тебя появляются новые обязательства, и о твоей деятельности не должен догадываться никто. Но твоё домашнее окружение,... – помялся, – не совсем безупречно..., назовём это так. Отец твоей жены... Недопустимо, чтобы ты жил вместе с неадаптированными.

– Заслуги его признаны Советом Высших, – возразил Профессор.

– Однако, для Братства это не является веским основанием. Но мы обо всём позаботились: во владение тебе передается прекрасный особняк.

Упоминание об адаптации встревожило Профессора. Согласно закону, полностью адаптированными на Острове считались живущие там, начиная с третьего поколения; получалось, что адаптированной является только Даша, а её мать и бабушка по этому закону считаются адаптированными не в полной мере.

Как бы ни решаясь продолжить разговор, Глава Сената замялся, помолчал, потом мягко заговорил:

– Считаю необходимым затронуть ещё один деликатный вопрос – вопрос о наследовании членства в Братстве. Согласно Уставу, если у Брата есть дочь, но нет сына, то он должен обзавестись ещё ребёнком, а в случае, если родится опять дочь, должен сменить супругу. Если же опять не родится наследник, то он назначает своим наследником кандидата, предложенного Братством.

И, как бы шутя, добавил:

– Но последний вариант вряд ли будет использован: наука шагнула так далеко, что Братство сможет предложить тебе подходящую супругу.

Профессор почувствовал угрозу своему браку с Марией и внутренне напрягся.

Прощаясь, Глава Сената сказал:

– Молодость имеет на всё свежий взгляд и новые идеи. Я всегда готов поддержать разумное, плодотворное, поэтому, при необходимости, обращайся непосредственно ко мне – этому я буду только рад.

К поручению Главы Сената выявить причины неуклонного снижения КПО в школах касты Э Европейского континента Профессор отнёсся, с присущими ему, добросовестностью и интересом. В первую очередь, он выявил школы с самыми низкими и высокими КПО. Потом инкогнито, под видом сотрудника местного департамента образования, посетил некоторые и на месте ознакомился с постановкой в них образования и воспитания. После этого принял решение созвать семинар директоров лучших школ, чтобы они поделились опытом, доложили об особенностях постановки образования в своих школах; а потом, на основе выводов, разработать рекомендации для всех школ элитной касты. Чтобы привлечь интерес к семинару среди работников образования касты Высших, где КПО был катастрофически низок, он, пользуясь широчайшими правами на принятие самостоятельных решений, семинар созвал в Университетском городке Острова Высших.

Семинар проработал уже несколько дней, когда Профессора к себе в кабинет опять пригласил Глава Сената. Встретил он Профессора необычайно радушно, его голубоглазое со щёткой пшеничных усов лицо лучилось любезностью. Усадив Профессора в кресло за инкрустированным столиком, и втиснув своё плотное тело в кресло напротив, он какое-то время, молча и значительно, исподлобья смотрел на него, потом проникновенно и торжественно заговорил:

– Дорогой Брат, наша совместная деятельность успешно завершена. Больше вы нам не подчиняетесь. Работа у нас была для вас испытанием, проверкой ваших способностей. Оттуда, – воздел глаза к потолку и значительно понизил голос, – поступило распоряжение направить вас к ним... – засияв улыбкой, глядел, ожидая увидеть восторженную радость Профессора.

Но, не понимающий о чем идёт речь, Профессор обеспокоился:

– После того как представлю доклад о причинах снижения КПО в школах элитной касты?

– Да, да. Совсем упустил... Конечно, Сенату будет полезно получить от вас доклад с выводами.

Глава Сената поднялся, подошёл к рабочему столу, нажал кнопку вызова – одну из многочисленных, и, извинившись, что отрывает от важных государственных дел, доложил, что Профессор находится у него.

– Пусть приходит сейчас же, – рявкнул кто-то в ответ.

– Передам непременно, – почтительно изогнулся, хотя в экран увидеть это было невозможно.

Объяснил, как найти нужное здание – оно находилось внутри парковой зоны, предупредил, что на здании никаких таблиц, обозначающих учреждение, нет. Провожая, почтительно проговорил:

– Надеюсь, что вы сохраните добрую память о нашем сотрудничестве...

В недоумении, – Сенат Высших считался высшим органом управления Мира Абсолюта и он даже не подозревал о существовании ещё более высокой инстанции, – Профессор отправился разыскивать место новой службы.

Нашёл перенесённый сюда древний испанский замок, который посещал однажды, в раннем детстве, с отцом. Тогда они, взявшись за руки, долго бродили по его прекрасным пустынным залам, галереям, переходам и лестницам: потемневший от времени белый камень, маленькие витые колонны, обилие резьбы по камню, низкая на кривых ножках старинная мебель с позолотой.

Ни в парке, ни возле замка не встретил ни души и только, обогнув замок, увидел женщину в синем комбинезоне – в униформе синезвёздочников, с помощью вакуум-сборника собирающую опавшую листву. Она заметила его и, забыв выключить вакуум-сборник, как и подобает синезвёздочникам, быстро ретировалась в приоткрытую дверь подвала.

Неприметная узкая дорожка, о которой говорил Глава Сената, вывела на залитую светом просторную площадь, окружённую парком. На открытом пространстве площади стояло светлое, строгое и простое трёхэтажное здание без архитектурных украшений. Такие строгие и простые дома Профессор видел в городах касты Э.

Поднялся по широкой лестнице в несколько ступеней, прошёл между квадратными колоннами, подошёл к двери; створки её бесшумно разошлись. Вошёл. Из просторного вестибюля широким маршем поднималась белокаменная лестница, устланная золотисто-чёрной дорожкой, квадратные широкие и высокие окна задёрнуты золотистыми шторами. Никого и очень тихо.

Сверху послышались быстрые шаги. Из-за поворота лестницы выскочил юноша, почти мальчик, в чёрном трико с золотом шитым соломоновым узлом во всю грудь. Прыгая через ступеньку, юноша спустился с лестницы, подбежал к Профессору:

– Пойдёмте, мы вас уже заждались...

Поднялись на верхний этаж, прошли по обшитому дубом коридору и вошли в кабинет, обставленный просто и непритязательно, без драгоценной инкрустированной мебели и ваз тонкой работы. У окна лицом к двери стоял немолодой мужчина – низкорослый и коренастый с большими залысинами на крупной голове, посаженной на плечи как будто без шеи.

– Заходи, Флемо! – по-свойски, как старому приятелю, крикнул мужчина и пошёл навстречу, крепко вдавливая ноги в пушистый ковёр.

– Ротари Восьмой! – представился.

Обменялись рукопожатием. Взяв Профессора обеими руками за плечи, коротышка Ротари, глядя снизу вверх, принялся рассматривать.

– Узнаю, узнаю породу! Ишь, какой вымахал! А когда-то сиживал у меня на коленях... Забыл? Зови меня – дядя Ротари. Здесь все свои.

– Пойди, погуляй, – приказал стоящему у двери юноше.

Состроив, недовольную гримаску, тот вышел.

– Располагайся, где тебе нравится, – широким жестом пригласил Ротари.

Оглядевшись, Профессор прошёл, сел на простой стул возле стола. Ротари Восьмой прошёл по кабинету, остановился напротив, и, вперив в Профессора суровый взгляд, с пафосом произнёс:

– Флемо Десятый, пришло время узнать тебе, кто действительный хозяин Мира Абсолюта. Готов ли ты к этому?!

Профессор встал.

– Сиди, сиди, – добродушно улыбнулся Ротари и, обогнув стол, принялся разворачивать лежащий там большой лист пергамента.

Подозвал и начал объяснять, водя пальцем:

– Перед тобой тайная генеалогическая таблица родов, чьё богатство при создании Мира Абсолюта, слившись, составило его состояние. Вот род с тайным именем Ротари – самый богатый из родов, при создании Мира Абсолюта владел пятой частью всего Мирового состояния: железные дороги, производство мяса, нефть, добыча золота и алмазов. Твой род Флемо идёт сразу за Ротари – одна двенадцатая состояния, главным образом, углеводородное сырьё, переработка его и энергетика. Остальные роды несопоставимо бедней наших двух. Был ещё один очень богатый род, но он как-то быстро растворился среди других родов, сумевших вытеснить его, перехватить сферу его власти. При слиянии состояний был принят билль на вечные времена, закрепляющий над Миром Абсолюта власть родов, составивших его состояние. Но вот беда: роды разрослись, перемешались, иные, не имея наследников-мужчин, потеряли своё право на власть. Роды Ротари и Флемо связаны кровными узами и всегда держались заодно против интриг и козней других родов. Многим хотелось отнять наш кусок власти, но, – глянул строго, – никому это не удалось и не удастся никогда! Однако, женитьбой на чужой ты поставил под сомнение своё право на имя Флемо Десятый, и мне пришлось отстаивать это твое право в Суде Чести. Я не мог допустить, чтобы имя Флемо перешло чужакам! – посмотрел с укоризной.

Профессору на память пришло, как восстали родители против его женитьбы на Марии.

– Два наших рода традиционно занимаются народонаселением – людоведением, как зовём свою деятельность мы сами. Какое-то время, пока не освоишься, будешь подчиняться главе департамента народонаселения Европейского континента – это один из Ротари, а в перспективе сам возглавишь людоведение какого-нибудь континента. Для начала тебе придётся заняться народонаселением массовой касты Юго-восточного сектора Европейского континент; там в некоторых мегаполисах остро назревает проблема переизбытка рабочей силы.

– А если переселить туда, где рабочих не хватает? – наивно спросил Профессор и смутился от сурового взгляда Ротари.

– Переселять нельзя – это азы людоведения. Впрочем, ты пока их не знаешь. Да и везде избыток..., причём мужчин.

– Что же можно сделать?

– Отработанных способов много, это: сократить рождаемость, уменьшить продолжительность жизни, рассовать мужчин по домстарам и демрайонам, – и вдруг простодушно расхохотался: – не перестарайся, не оставь тамошних самочек сиротками. А если серьёзно, – такие вопросы будешь решать заблаговременно, предупреждая возникновение проблем. По каждому сектору есть научные центры с базами данных, однако, решения по всем вопросам людоведения будешь принимать единолично. От твоей воли будет зависеть жизнь и смерть миллионов...

– Единолично? Без Сената?

– Я же сказал: решаем все мы е-ди-но-ли-чно! Даже я не смогу изменить твоего решения, потому что ты Флемо Десятый! А право Сената – ре-ко-мен-до-вать.

– Когда приступать к исполнению обязанностей?

– После посвящения во Властители Мира Абсолюта. Торжественное посвящение через месяц. Я буду держать связь с тобой.

Ротари Восьмой умолк и стал складывать пожелтевшую от времени таблицу с указанием финансовой мощи и взаимопроникновения родов Властителей Мира Абсолюта. Профессор же, не до конца осмысливший суть разговора, растерянно водил глазами по кабинету. Заметив это, Ротари спросил ворчливо:

– Тебе не нравится кабинет? Может быть, и здание не нравится? Пожалуйста: можешь занимать любой из дворцов, хоть этот замок, – махнул рукой в сторону окна, за которым, возвышаясь над парком, виднелся испанский замок.

– Помни: по праву наследования все в этом мире принадлежит нам, Властителям. Лично для меня дворцы, золото, роскошь – пустая мишура. В этом скромном месте не правят, а властвуют! Властвуют над людьми Мира Абсолюта, а придёт время – будем властвовать над людьми всей планеты! – и, диковато глядя в растерянные глаза Профессора, продолжил негромко, раздельно:

– Ты уже скоро поймешь, что такое безраздельная власть над себеподобными. Почувствуешь, что в жизни нет ничего, что давало бы такое удовлетворение, как абсолютная подчинённость твоей воле. Держать в своей руке, – крепко сжал кулак, – жизни других, командовать, видеть, как тебя боятся – вот высшее наслаждение и роскошь, которыми никогда не пресытиться, жажда, которую никогда не утолить. А уж кто хлебнул кровушки... – глаза его остекленели.

Но уже через мгновение добродушно добавил:

– Думаю, и тебе не понадобится дворец. Впрочем, как знаешь...

В приоткрывшуюся дверь просунул голову улыбающийся юноша.

– Входи, – призывно махнул рукой начальник.

Юноша легко и непринуждённо вошёл, присел на подлокотник кресла, закачал ногой:

– Все решили верхом отправиться в Северное нагорье, к ледниковым озёрам.

– Верхом? Я давно не сидел в седле... Ну, да ладно, к озёрам, так к озёрам, – согласился сговорчиво и обратился к Профессору:

– Дорогой Флемо, мы отправляемся повеселиться и отдохнуть. У нас дружный коллектив. Присоединяйся. Там, в непринуждённой обстановке, перезнакомишься со всеми. Но! Непременное условие – никаких жён, никаких женщин. Сугубо мужской компанией.

– Благодарю, но воспользоваться приглашением не могу: нужно завершить поручение Сената, – почтительно склонил голову вставший со стула Профессор, понимая, что аудиенция окончена.

Профессор сбежал по ступенькам и, пересекая площадь, направился к дорожке, углубляющейся в парк. Через окно Ротари Восьмой и юноша смотрели ему вслед:

– Ну как он тебе?

– Душка, – ответил кокетливо и вслед удаляющемуся Профессору послал воздушный поцелуй.

– Смотри у меня, – Ротари нежно похлопал юношу по щеке.

Юноша отошёл от окна, плюхнулся в кресло, из стоящей на столике бутылки налил в бокал прохладительный напиток.

Не отходя от окна, Ротари задумался: «Похоже, он совсем не честолюбив... Отец не подготовил его к власти... Ох, уж эти Флемо... Никогда они не ценили то, за что другие готовы отдать жизнь и свою, и всех своих близких... Но это хорошо: власть над людьми можно давать только тем, кто её не хочет. Плохо, что у этого нет сына... Кто будет Флемо Одиннадцатым?»

Опять забота для Ротари... Плюнуть бы на их род, да нельзя: другие, дорвавшись до власти, не будут столь сговорчивыми, наломают дров».

Войдя под сень деревьев парка, Профессор замедлил шаг и в душевном смятении долго кружил по одним и тем же глухим и безлюдным дорожкам, в подробностях вспоминая состоявшийся разговор.

Воспользовавшись полученным от Главы Сената шифром, позволяющим проникать во все электронные данные касающиеся образования, он, чтобы сравнить с постановкой образования в элитной касте, вошёл в базу данных образования в массовой касте. То, что узнал, потрясло до глубины души: программа обучения, дающая бессистемные и отрывочные знания, убивающая в ребёнке малейший творческий порыв; убожество школ и условий содержания детей и, особенно, вид детей болезненных, плохо одетых, их лица тупые, серые и – для чего? – пёстро разрисованные. Увиденное заставило задуматься, о чём не задумывался никогда: как же живут люди массовой касты – это неисчислимо людское море Мира Абсолюта, если так несчастны там дети? Мысль, что ему предстоит заниматься делом ухудшения и даже сокращения жизни и без того несчастных людей, привела в отчаяние, вызвала протест. И сам «дядя Ротари» оставил в душе двойственное впечатление: то, излучающие приветливость и благодушные улыбки, то, вдруг, острые, почти злобные, взгляды. «Флемо Десятый, Ротари Восьмой, сколько их ещё пятых, десятых... И кто же среди них главный? Зловещие тайны и дела... Зачем мне это? Людоведы..., сугубо мужской компанией... Наслышаны... Торжественное посвящение во Властители... Зачем? Может быть; не состоится?» Но трезвое осознание, что отказаться невозможно, обдало холодом, отрезвило.

Утомившись вышагивать, забрался в чащобу, уселся на землю и, прислонясь к дереву, забылся коротким, тяжёлым сном. Очнулся разбитым, с головной болью и душевной скорбью, словно перенёс тяжелое страдание.

Отряхнул одежду, представил себя со стороны, презрительно усмехнулся: «Властитель». Пошагал домой, твёрдо решив ничего не рассказывать Марии, не тревожить её безмятежного счастья. Выйдя к испанскому замку, подумал: «Вместе с ними в одном здании я находиться не буду». Даже здание, в котором располагались людоведы, ему стало казаться зловещим.

Спустя несколько дней с Профессором неожиданно связался сам Ротари Восьмой:

– Ты что себе позволяешь, зачем притащил семинар к нам?! – сердито зарокотал по видеосвязи. – Если тебе приспичило, собрал бы в каком-нибудь секторе, но притащить их сюда!.. Право же, только в бедовую головушку могло прийти такое... Эх, молодо – зелено... Решил, что тебе позволено всё? Но нельзя же нарушать устои!

Помолчал и властно приказал:

– Кончай свои благоглупости!

Но, заметив холодный отчуждённый взгляд Профессора, сбавил тон и продолжил добродушно:

– На днях студенты университета хотят развлечься, провести акцию устрашения «синих звёздочек». Сам знаешь что это...

Профессор глянул недоумённо: «Властитель и такой пустяк – студенческое развлечение».

– Король акции – моё великовозрастное чадо. Он жалуется, что студенческий совет решил отложить акцию до окончания затеянного тобой семинара. Понимаешь, не могут ребята ждать, все уже настроены. Пропадёт запал и острота ощущений, да и погода вдруг испортится... Так что, считай, что это моя просьба. Отправь семинаристов по домам. Не занимайся чепухой, теперь у тебя иные масштабы.

Глава пятая

В последний вечер уложили Дашу, а сами при свете луны купались в океане, потом ушли в дом, пили лёгкое вино и разговаривали.

Разошлись поздно, но Доктору спать не хотелось, и он решил побродить по берегу. Проходя мимо растворённого окна, услышал разговор Марии с Профессором. Понял, что говорят о нём и остановился.

– Пожалуй, не стоило показывать Колизей... .

– Пусть знают всё, – голос Марии прозвучал неожиданно жёстко.

– Всего и мы не знаем, – усмехнулся Профессор.

Возникла пауза. Доктор устыдился, что, как шкодливая мальчишка, подслушивает и отошёл от окна. Спустился на берег; в темноте долго стоял у кромки накатывающих на берег высоких пенных волн.

Когда утром проснулся, все уже были на ногах. Мария готовила завтрак, Инженер с Профессором проверяли надёжность двигателя катера – путь предстоял неблизкий. Инженер намеревался доставить Доктора в порт, а потом проследовать дальше на север, на отдаленные гидростанции.

Позавтракали. Пора было ехать. Присели на дорогу.

Отойдя от берега, развернули катер и направились в сторону отделяющего Остров от материка пролива. Доктор не сводил глаз с берега, где, крепко расставив ноги, и, держа на плечах размахивающую длинным маминым шарфом Дашу, стоял Профессор, а рядом с ним Мария. Ветер трепал шарф в Дашиной руке и подол белого платья Марии, отчего она была похожа на летящую чайку.

Маленький катер подбрасывало на волнах, пассажиров обдавало брызгами. Плыли вдоль материкового берега, мимо следующих один за другим портов с длинными причалами, где одни суда загружались, а другие ждали своей очереди на рейде. Непрерывной чередой тянулись молы, волнорезы, доки, эллинги, подъёмные краны, транспортёры, трубопроводы, складские помещения. Это были порты-базы обеспечения Острова. Небольшие баржи и катера непрерывно отходили от погрузочных причалов и пересекали пролив, доставляя на склады прилегающих островков фрукты, овощи, свежее мясо, живую рыбу, пиво, вино, промышленные товары, строительные материалы и т. д. Всё население прибрежных городов касты М было занято на работах в морских портах.

Через час катер пристал к причалу пассажирского порта.

– Прощайте, отец, – голос Доктора дрогнул.

Инженер посмотрел серьезно и внимательно, кивнул, похлопал по плечу. Поднимаясь с причала по лестнице, Доктор оглянулся. Катер уже разворачивался. Он остановился и провожал его глазами до тех пор, пока тот не скрылся из вида.

А еще через час он уже летел в аэролёте. Было невыносимо грустно и одиноко. Он и не предполагал, что можно так привязаться душой всего за несколько дней знакомства. Откинув спинку кресла, закрыл глаза. Перед мысленным взором возникали картины-воспоминания, а в голове всё время звучало: «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были».

* * *

В административном центре – столице Центрального сектора, он должен был пересечь в аэролёт, летящий в НГЭ-2. Но решил использовать случай и согласовать с администрацией

департамента образования кое-какие школьные вопросы, ведь через личные контакты дела решаются быстрее.

Вернувшись в аэропорт, чтобы продолжить полёт в родной город, встретил там скучающего товарища по семинару. Тот летел в Северный сектор, и до рейса его аэролёта ему предстояло ждать ещё два часа. Они обрадовались друг другу, словно после расставания прошло не несколько дней, а большой срок. Доктору лететь оставалось не далеко и не долго, а аэролёты в его родной город отсюда летали часто и он решил отсрочить свой полёт, чтобы проводить товарища.

Они сидели в ресторане, потягивали коктейли и вспоминали семинар, красоты Острова Высших и людей Высшей касты. Доктор говорил восторженно, его же товарищ был сдержан. Выйдя из ресторана, уселись на скамейку в сквере напротив здания аэропорта. Неподалёку, по площади сновали люди, негромко доносился приятный голос диктора, объявляющего вылет и посадку и, почти не слышно, садились и взлетали аэролёты. В тени сквера было спокойно и прохладно.

Товарищ, насторожено всматриваясь в проходящих мимо людей, раздумывал: рассказать ли Доктору о том, чему он был свидетелем, и воспоминания о чем не оставляли его. Наконец решился.

На следующий после окончания семинара день, когда все участники разъехались в гости, он один задержался, чтобы привести в порядок записи. Во второй половине дня вышел прогуляться по университетскому парку. Огромный парк постепенно перешёл в лес. Близился вечер. Он повернул назад и медленно шёл по дорожке среди отбрасывающих длинные тени высоких деревьев. Послышались голоса. Он сошёл с дорожки, присел на траву за деревьями. Прошла большая толпа; в ней были юные студенты-первокурсники и люди старше студенческого возраста. Когда все прошли и их голоса стали слабо слышны, он последовал за ними.

Тропа привела к большой округлой формы поляне. В её центре возвышался чёрный, словно закопчённый, каменный столб, а рядом с ним стояли два пня. По поляне к столбу вела тропинка. На стороне, противоположной той, где он притаился возле кустов, на краю поляны был сооружён помост, на нём стояло сиденье, а рядом навалена большая куча хвороста. На поляне не было никого, но за деревьями мелькали люди.

Ждать пришлось недолго. Раздалась барабанная дробь и из леса вышла и направилась к столбу на поляне группа людей, ведущая обнажённых юношу и девушку с нарисованными на их спинах и животах большими синими шестиконечными звёздами. Их усадили на пни возле каменного столба, связали между собой за предплечья и щиколотки ног таким образом, что каменный столб оказался между их спинами. Он обратил внимание, что девушка и юноша красивы и хорошо сложены, но вялы, равнодушны к происходящему, какие-то сонные.

Послышался грохот музыки, похожей на марш. Возглавляемые атлетом с высоченной короной-трубой на голове, из леса колонной по одному выходили раздетые донага люди. Колонна сделала круг по периметру поляны и остановилась. Атлет взошёл на помост, и, указывая рукой на привязанных к столбу, произнёс краткую речь, но тайный свидетель её не слышал.

Что есть мочи, оркестр загрохотал что-то несуразное. Обнажённые люди в диком танце растекались по поляне. Тела их были ярко раскрашены рисунками, нанесёнными по единому трафарету: во всю спину красная Звезда Абсолюта, на ягодицах два обращённых друг к другу трезубца, что-то непонятное на животах, руках, ногах. Головы женщин украшены венками из полевых цветов, у мужчин на головах обручи с рожками.

Музыканты старались во всю: колотили в барабаны, звенели литаврами, трясли трещотками. Юные, и далеко не юные «нимфы», теряя с голов венки, с визгом носились по поляне, убегая от преследующих их «сатиров». Свальный грех...

– Мне хотелось бежать, но, глядя на молодых людей, с измученным видом сидящих связанными в центре поляны, я гадал: что же будет с ними? И это заставило остаться.

Ненадолго смолкнувшие, опять загрохотали барабаны. Со всей поляны, волоча ноги, люди брели на её край и опять выстраивались по обе стороны помоста. Атлет, всё это время сидевший на троне, поднялся и прокричал, указывая на привязанных к столбу, что эти двое сбежали с островка, где живут, и без дела шлялись по Острову.

– Какое будет им наказание?

– Смерть свидетелям! Смерть! Свидетелям смерть! Очистительный огонь! Огонь очищения! – кричали вразнобой.

– Аутодафе!! – громче всех крикнул кто-то, и все подхватили, скандируя:

– Ауто-дафе! Ауто-дафе! Ауто-дафе!

– Приговор привести в исполнение!

Под грохот оркестра каждый из кучи брал охапку хвороста, выстраивался в шеренгу по одному, шел по тропинке в центр поляны, и там бросал возле приговорённых. Когда хворостом завалили несчастных так, что их не стало видно – виднелся лишь конец каменного столба, барабаны смолкли.

Атлет в короне сошел с возвышения, в стоящем на земле ведре обмакнул паклю на конце длинной палки, зажёл факел и, высоко подняв его над головой, зашагал к обречённым. Дошел до столба и с двух сторон – со стороны юноши и со стороны девушки – поджег хворост. Музыканты опять неистово заколотили по барабанам. Вопли заживо сжигаемых, грохот барабанов, треск пламени слились воедино....

– Я понял, что если меня обнаружат, то участь моя будет такой же, как у этих несчастных. Боясь кого-нибудь встретить, возвращался не по тропе, а крадучись от дерева к дереву. До утра не мог прийти в себя от потрясения и страха, что меня заметили. Сидел у окна за задёрнутыми шторами и озирался на дверь. Казалось, что вот-вот войдут и уведут неведомо куда. Под утро в щель между шторами заметил, бесшумно, как тени, проходящих людей.

Это было так невыносимо, и так не вязалось с впечатлениями Доктора от общения с семьёй Профессора... Но и усомниться в словах товарища было нельзя – страх в глазах, взволнованный пониженный до шёпота голос.... Жизнь на Острове уже не восхищала. Однако, тёплые чувства к Профессору, Марии и Инженеру остались навсегда.

Глава шестая

На охраняемом из космоса и с земли, небольшом островке у северной оконечности Острова Высших, в укрытом среди его высоких скал Храме Комиссаров, проходила церемония посвящения Профессора в Комиссары-Властители Мира Абсолюта.

Церемонию предваряло вживление во вторую фалангу мизинца левой руки микропластинки с шифром, открывающим доступ ко всей информации о Мире Абсолюта. Профессор и два жреца храма в чёрных балахонах, с вышитыми золотом соломоновыми узлами на груди и плечах, в лифте спустились в глубокий подвальный этаж, прошли мимо нескольких бронированных дверей и остановились возле одной. Один из жрецов поманипулировал рукой возле красного табло и, щёлкнув запорами, дверь отворилась. В ярко освещённой комнатке, кроме столика со стоящим на нём небольшим прибором, больше ничего не было. Жрец из складок балахона извлёк и вставил в прорезь прибора плоскую коробочку. На экранчике прибора высветилось: «Печать и упаковка не нарушены». Жрец нажал на приборе кнопку, на экранчике высветилось: «Загружено», и из щели прибора выпали упаковочная коробочка и прозрачный пакетик. В специальное отверстие Профессор до упора вставил мизинец. Короткая резкая боль, Профессор вынул палец, прибор тотчас задымился.

– Наденьте, – жрец подал стаканчик, на дне которого в дезинфицирующем растворе лежало платиновое колечко, – снимите завтра.

На документе жрецы засвидетельствовали, что шифр вживлён, утечка информации не допущена, прибор вживления самоуничтожился.

По потаённой лестнице из подвала поднялись в небольшую комнату. Там, молчаливые и суровые жрецы облачили Профессора в пурпурный балахон с десятью большими в платиновой оправе рубинами на груди – фамильным камнем рода Флемо, и все вместе прошли в колонный зал.

По белокаменной лестнице со скульптурами чёрных химер, застывших в угрожающих позах, поднялись на второй этаж, и подошли к ажурной резьбы золотой двустворчатой двери входа в зал Посвящения. Жрецы, как стражи, встали по сторонам медленно расходящихся дверных створ.

Сразу за дверью, перед Профессором на паркетном полу, через высокие окна ярко освещённая заходящими лучами солнца, бугрясь, стелилась дорожка из одетых в красные комбинезоны людей, лежащих вниз лицом, сцепив руки на затылке. В конце дорожки стоял небольшой золотой трон, а слева от него на постаменте красными рубинами посверкивал головной убор, напоминающий рыцарский шлем.

Мгновенно осознав, что идти нужно по живым людям, Профессор стоял, не решаясь сделать первый шаг.

– Идите, – прошелестело.

«Прости меня», – сама не зная к кому, возопила его душа. Он поднял ногу, наступил на спину лежащего первым, и торопливо зашагал, стараясь наступать плашмя, всей ступнёй. Возле возвышения к трону встал на одно колено, склонив голову. Главный Властелин – автоматически становился Комиссар-Властитель, самый старший по возрасту, – шаркая ногами возле Профессора, взял с постамента и водрузил ему на голову шлем с десятью рубинами. Флемо Десятый встал с колена, сел на трон, и заметил, что дорожки из тел уже нет.

По обе стороны трона в бархатных балахонах, на груди украшенных фамильными драгоценными камнями, в шлемах с такими же камнями и в масках на лицах выстроились Комиссары-Властители Мира Абсолюта. Первым в ряду справа стоял богатейший наследник – Ротари Восьмой. Сидя на троне, Флемо Десятый произнёс заранее приготовленный спич во славу и могущество Мира Абсолюта. Когда аплодисменты стихли, грянули гимн. Пели с воодушевлением.

Солнце село, зал осветился множеством небольших золочёных люстр. Одну стену зала, как иконостас, занимали ряды барельефных портретов основателей Мира Абсолюта, первых Комиссаров-Властителей. В центре их из сплава золота и платины барельефное изображение Золотого Тельца с короной из бриллиантов и знаком «дельта луминозо» над ним. На других стенах, уже знакомые Профессору, знаки тайных знаний. И везде – в рамках барельефов, в подвесках люстр, в изображении знаков – сверкание драгоценных камней: рубинов, бриллиантов, сапфиров.

Ротари Восьмой заранее ознакомил с порядком проведения процедуры посвящения и Профессор знал, что теперь должны последовать ритуалы: «срывание масок», «изгнание неугодных», «омовение кубка».

– Снять маски, – громко приказал Флемо Десятый.

Одни, сдёрнув с лица, оставляли маску висеть на груди или поднимали её на лоб, другие забрасывали её, куда придётся.

Главный Властелин взял с ритуального столика «плеть изгнания» – кожаную плётку с золотой ручкой, обошёл ряды Комиссаров-Властителей, подошёл к сидящему на троне Флемо Десятому, старчески, с трудом согнул спину, шамкая, доложил:

– Властитель Флемо Десятый, шоглядатаев нет, шдесь все швои.

– Омоем кубки, Комиссары, и выпьем за здравие нового Властителя, – опять прошамкал Главный Властелин.

Ротари заранее предупредил, что обязательно надо проследить, чтобы вино ему налили в омытый кубок: бывали случаи отравлений во время проведения ритуала.

Главный Властелин с ритуального столика взял темного металла поднос с большим кубком в форме черепа, омыл его над фонтанчиком, бьющим внутри золотого сосуда в виде распустившегося цветка, и, держа поднос с кубком в обеих вытянутых руках, подошёл к виночерпию. Виночерпий – один из Комиссаров, неспешно закатал рукава балахона, потом рукава белоснежной рубашки, неторопливо открыл стоящий на дубовой бочке с золотыми обручами золотой сосуд в виде бочонка, серебряным ковшиком зачерпнул ритуальное вино и демонстративно, тонкой струйкой наполнил кубок Флемо Десятого.

С наполненным кубком на подносе Главный Властелин прошаркал ногами по редкой красоте наборному паркету, подошёл к трону, кряхтя, склонился перед Флемо Десятым, и тот, как и положено по ритуалу, принял кубок обеими руками.

Комиссары брали со стола кубки, омывали их и подходили к виночерпию. С наполненными кубками опять выстроились в прежнем порядке. Поочерёдно перед тронном вставляли в круг с изображением Звезды Абсолюта, высоко подняв кубок, называли себя и от имени своего рода произносили поздравительный тост с пожеланием самоотверженно служить, не уронить, не посрамить, проявить, продолжить, раскрыть, повисить, и пр., и пр. Восклицания: «Виват». Профессор же, почти не слушая, с отвращением поглядывал в кубок: и цветом, и густотой вино очень походило на кровь. Коснувшись своим кубком кубка Флемо Десятого и, сделав глоток, Комиссар отходил, а в круг перед Флемо Десятым, пригубившим вина, вставал следующий Комиссар. Стараясь запомнить, Профессор вглядывался в лица и считал Комиссаров. Но вскоре перед его глазами всё поплыло, и он сбился со счёта; стало казаться, что к нему подходят одни и те же. Вспомнилось название ритуала – «осушение кубков» и, стукнувшись кубком с очередным Комиссаром, запрокинув голову, он допил до дна, а потом уронил её на грудь и удобно развалился на троне. Главный Властелин, всё время стоявший рядом, осторожно взял из его руки кубок и поставил на постамент. Действие продолжалось уже без участия Флемо Десятого. Комиссары произносили заготовленные поздравительные спичи и стукались своим кубком о пустой кубок, стоящий на постаменте.

По завершении ритуала со смехом, дружно через весь зал понесли Флемо Десятого в прымающую к залу комнату отдыха и уложили там на кушетку.

– Я же предупреждал: только пригублять! – сердито ворчал хлопочущий возле него Ротари Восьмой.

Проснулся в своей постели вечером следующего дня. Рядом сидела Мария, душистой салфеткой вытирала с висков пот, гладила лицо, пальцами разглаживала, так вдруг сразу, появившиеся на лбу и переносице морщины и, смеясь, ласково выговаривала:

– Разве можно так напиваться, что людоеды причудились...

– Людоеды? – удивился, и тут же вспомнил: «людоеды»... Провёл по лицу ладонью, заметил кольцо на мизинце, снял, зашвырнул.

В первой половине следующего дня на связь вышел Ротари Восьмой. Заботливо спросил:

– Как ты? Живой? Я предупреждал тебя или нет, чтобы ты только пригублял?! Это же не простое вино... Скажу тебе, что впечатление ты на всех произвёл хорошее и речь понравилась. Сегодня к девяти будь в Банкетинг хаусе.

Профессор невольно сморщился, и, глядя в жизнерадостную круглую физиономию Ротари, подумал, что, похоже, его начальник бо-о-льшой жуир. А тот, по-своему истолковав гримасу Профессора, заверил:

– Да, да впечатление о тебе прекрасное. Не переживай. Сегодня на встрече, возможно, будет и один из... – значительно воздел к потолку глаза. – Это для тебя, да и для всех нас, людоведов, великая честь... Приготовь коротенькую речь. До вечера.

Продолжая смотреть на отключившийся видеозэкран, Профессор задумался о тайном построении власти. Вырисовывалась её пирамида.

Часть третья

Глава первая

Элитная каста составляла не более десяти процентов населения Мира Абсолюта. Её назначением её было: создавать научную базу материального благополучия Мира Абсолюта, осуществлять контроль над работой производств в массовой касте, обеспечивать и развивать эстетические запросы слоя Высших. В элитных городах находились высшие учебные заведения, школы искусств, консерватории, научно-исследовательские, архитектурные и проектные учреждения,

Чтобы творческие способности человека не отвлекались на устройства быта, города элитной касты строили с заботой о комфорте проживания.

Просторно раскинувшиеся в живописных местах, элитные города были красивы и уютны. Среди обилия растительности, улицы из невысоких домов разнообразной архитектуры, в глубине садов – уютные коттеджи; парки с множеством цветов и фонтанов; для поддержания порядка – армия роботов: разносчиков, мойщиков тротуаров и окон, уборщиков помещений, садовников, и пр.

Центром и украшением городов и элитной, и массовой каст были возведённые на естественных или насыпных холмах Храмы Абсолюта, а архитектурой подобные Главному Храму на Острове Высших. Красотой и богатством отделки они затмевали все здания этих городов: такие же, как и на Острове, отделанные золотом подпирающие антаблемент сдвоенные колонны, в высоких овальных окнах – витражи с изображением гербов городов данного сектора, в апсидах на светлом полу – чёрные христианские кресты и звёзды в полумесяцах. Центральным залом в них являлся Высокий Овальный зал, занимающий почти всю площадь храма. На его стенах между пилястрами на каменных скрижелях, буквами из смальты разных цветов написаны Главные Законы Мира Абсолюта (ГЗА). Под барабаном купола – большой хрустальный шар, причудливыми лучами направляющий на скрижали свет, поступающий через барабан, отчего смальтовые буквы на скрижелях посверкивали, как драгоценные камни. Возле пилястр, вдоль стен, на высоких постаментах – бюсты руководителей Мира Абсолюта со времени его основания.

Как и под Главным Храмом Мира Абсолюта, под храмами и элитной, и массовой каст находились Тайные Храмы Церкви Асмодея.

Город НГЭ-2 находился в предгорье Альп на поросших лесами холмах. Его пересекала горная река с арками мостов, соединяющих закованные в гранит берега. В нескольких километрах от НГЭ-2 в горах находился старинный город-музей – город древней крепости, незаселённых дворцов и кафедрального собора. Когда-то он был тесно застроен, но, со временем, не представляющие архитектурной ценности застройки снесли, на их месте разбили скверы и парки в стиле соответствующем общему стилю города, и построили отели для Высших. Во время горнолыжного сезона въезд в город-музей для элитной касты закрывался.

* * *

Последний год учёбы, последний год жизни в школе был наполнен волнующими ожиданиями грядущих жизненных перемен. Выпускники чувствовали себя уже совсем взрослыми и даже с учителями держались уверенно, раскованно, почти как с равными. Как птицы, готовые к полёту, они стайками собирались на школьной площади, допоздна гуляли по школь-

ному парку и горячо обсуждали какую избрать профессию, в какой поступать вуз. Их души переполняли радость и смятение, одновременно было и весело, и грустно.

Катя долго не могла решить, чем будет заниматься по окончании школы. Когда Доктор спрашивал её об этом, вместо ответа, она смотрела вопросительно и ждала что скажет, как решит он. Она привыкла во всём полагаться на него. В конце концов, были отклонены педагогический, музейный, медицинский факультеты и решено попробовать поступить в консерваторию на вокальное отделение.

В последний раз написали сочинение, восхваляющее Мир Абсолюта, как высшую ступень, вершину развития общества, и пришла пора выпускных экзаменов с их волнениями, переживаниям.

В консерватории Катю прослушали, сказали, что стоит попытаться поступить, но всё будет зависеть от того, какие голоса приедут из других секторов; а пока предложили заниматься в вокально-хоровой студии при консерватории. Она временно поселилась в городской квартире Доктора и, тратя много времени на дорогу, ежедневно ездила на занятия: консерватория находилась на окраине города, при въезде в город-музей. Доброжелательный коллектив, серьёзные занятия – всё это понравилось, и, когда не прошла по конкурсу, но ей предложили остаться в хоре, а на следующий год ещё раз попытаться поступить, она, не раздумывая, согласилась.

Школьная подруга, ещё не решившаяся поступать в художественную школу, работала в реставрационной художественной мастерской города-музея. Девушкам приходилось много трудиться и обе упорно готовились к поступлению в вуз.

Всем молодым семьям предоставлялась удобная однокомнатная квартира, обставленная новой мебелью, снабженная бытовой техникой и роботами. Для одиноких такие квартиры предоставлялись на двоих. Катя с подругой поселились в районе у подножия гор в красивом доме с широкими балконами, просторными светлыми холлами, бесшумными лифтами, с арочной галереей на первом этаже, ведущей в уютную столовую, обставленную дорогой стильной мебелью. С балкона их квартиры открывался вид на усаженную цветами набережную и лесопарк за рекой.

Среди художников, музыкантов и соседей по дому у девушек появилось множество друзей и знакомых. Жили они дружно, весело, беспечно. В девушек влюблялись, однако, сама Катя оставалась холодна. После гибели Георга она словно не жила, ни что не задевало её души...

На следующий год Катя поступила в консерваторию, но продолжала петь в хоре. Хор исполнял сложные классические произведения, путём непрерывных репетиций добиваясь всё более совершенного воплощения, цельной эмоциональности исполнения. Солировали в хоре артисты оперного театра. Концерты хора в кафедральном соборе города-музея проходили при полном аншлаге. С поступлением в консерваторию нагрузка стала большой, но оставить хор Катя не захотела. На танцы времени не оставалось, и она перестала посещать танцевальную студию.

Как-то, прогуливаясь в центре города, услышала, что её окликают. Оглянулась. Широко улыбаясь, к ней торопился молодой человек. Это был друг Георга, его одноклассник, известный школьный остролов и балагур. Едва узнала его, Он переменился, стал совсем взрослым, элегантным, уверенным в себе. Пошли рядом, расспрашивая друг друга, как живут, чем занимаются. Оказалось, он учится в эстрадном училище и одновременно подрабатывает ведущим во Дворце радости и веселья – ДРВ.

– У тебя, конечно, нет жетонов и денег маловато, и ты ещё не была в ДРВ? – спросил утвердительно, – но я приглашаю тебя, уж такой я щедрый и расточительный транжира и мот! Но! учти, очень хороший, просто замечательный, человек!

– Увы, я не одна, – смеясь, развела руками.

– Кто таков?! – шутовски выпучил глаза школьный товарищ.

– Подруга. Да ты её знаешь – наша, из нашего класса.

– Веду обеих. Давай адрес – вечером зайду.

Вечером девушки впервые попали в ДРВ, о котором много слышали. Чтобы всё осмотреть, они пришли пораньше. Ресторанные залы ДРВ были небольшими, но различно оформленными: зал-харчевня с грубыми деревянными столами и табуретами-бочками; юбилейный зал с двумя рядами колонн и зеркальными стенами, отражающими множество красивых бра; понравился оригинально оформленный зал с кабинками в виде раковины, грота, пещеры, беседки и эстрадой в его центре. Когда звучала музыка, в каждой из кабинок создавался свой звуковой эффект. Во всех залах шло своё представление, а залитый светом от огромной шестиконечной люстры танцевальный зал объединял все залы воедино. Был ещё один зал, зал фуршетов – длинный с множеством небольших красивых люстр и с витражами в стрельчатых окнах.

Когда шли, их товарищ, смущаясь, признался:

– Девочки, я богат, но не как Крёз. Средств у меня хватит только на бутылочку вина и недорогие мороженое.

Подруги рассмеялись:

– Не переживай! У нас самих есть на вино и фрукты. Нам, главное, посмотреть – как там.

Девушек усадили в колонном зале, рядом с эстрадой. Вечер прошёл весело. Друг их был в ударе, и они много смеялись, а от кавалеров, желающих с ними потанцевать, не было отбою.

Через несколько дней школьный товарищ явился к ним домой с предложением:

– У нас создаётся новая молодёжная программа. Катя, я порекомендовал тебя. Помнится, ты в школе пела и всем нравилось. Договорился, что завтра тебя прослушают.

– Завтра я весь день занята.

– Ты, что не понимаешь, как тебе повезёт, если тебя возьмут?!

– Не знаю, что делать... – растерялась, – подожди, я поговорю с Доктором.

– Чего ждать? Говори сейчас! – друг не ожидал подобной реакции.

По счастью, Доктор оказался дома. Рассказала о предложении. Он ненадолго задумался:

– Думаю, стоит испытать себя... Отказаться никогда не поздно, а желающих они всегда найдут. Завтра сообщи, как все пройдёт, тогда и решим окончательно.

Во второй раз после окончания школы прошла проверку на лояльность и один вечер в десятидневку стала выступать в ДРВ. В концертах она исполняла всего несколько песен, но постоянно меняла репертуар. Очень пригодились умение танцевать.

В хоре произошли важные перемены – симфонический оркестр возглавил молодой очень талантливый дирижёр. После долгих, неустанных репетиций хор совместно с солистами и оркестром стал исполнять реквием итальянского композитора эпохи Заблуждений. Исполнение такого необычайно грандиозного творения для города стало заметным событием, и на концерт в кафедральном соборе трудно было попасть. Шли разговоры, что в лыжный сезон, когда город-музей для элитных закрывается, хор с оркестром пригласят выступать перед Высшими, и если исполнение понравится, то для выступлений, возможно, даже пригласят на Остров Высших.

Как это бывало всегда, перед началом горнолыжного сезона специальная комиссия составила концертную программу; и, как ожидалось, в неё включила исполнение реквиема. Коллектив хора волновался: предстояло выступить перед столь взыскательной публикой.

В том сезоне среди Высших была мода на Средиземноморские курорты, поэтому любителей покататься на лыжах в горах нашлось немного, а среди них не нашлось ценителей серьёзной музыки. Хористов, привыкших выступать перед многочисленной публикой, обескураживало, что петь приходилось для трёх-пяти человек – столько приходило на концерты. Дирижёр убеждал:

– То, что публики мало, не должно влиять на исполнение. Вы должны проникнуться, какая это публика.

Вдохновенное дирижирование заставляло музыку звучать так, «словно создана она была именно в этот момент», – так считали истинные ценители. Эта же публика зевала и жиденько хлопала.

А по окончании сезона произошло неожиданное. Дирижёра вызвали в департамент культуры административного центра сектора, откуда он вернулся крайне огорченным: как «вредное пессимистическое произведение, не соответствующее духу Абсолюта», реквием исполнять запретили. Все приуныли: их труд и надежды пошли прахом, любимое произведение звучать уже не будет. . . . А вслед за тем, из департамента приехала комиссия разбираться с репертуаром хора. Прослушав репертуар, кроме реквиема, им запретили еще и исполнение хора из оперы русского композитора Эпохи Заблуждений. Казалось бы, на этом тревожнения и закончились, но в коллективе что-то надломилось, некоторые стали подумывать, не покинуть ли хор.

* * *

Единственное, что объединяло людей и элитной, и массовой каст, – это чувство, до самозабвения, преданного преклонения перед Высшими, в главный праздник – Дни Благодарения, доходившее до состояния экстаза.

К Дням Благодарения готовились весь год: писали прославляющие мудрость Высших литературные произведения, рисовали картины и снимали фильмы о счастливой жизни под руководством Высших, посвящали Высшим свои открытия, трудовые достижения, дети писали сочинения про счастливое детство и разучивали песни, славящие Высших. Задолго до праздника на предприятиях и в школах проходили репетиции шествия: люди тренировались шагать в ногу, чётко чеканя шаг.

Праздник длился три дня. Каждый его день имел своё название: первый – день Благодарения, второй – день Достижений, третий – день Всеобщей Радости.

Празднование открывалось парадом полиции и пожарных команд. За ним следовало шествие бесконечных колонн Абсолюта. Колонн людей в шапочках, увенчанных символизирующими Звезду Абсолюта золотистыми шарами с отходящими в разные стороны шестью золотистыми проволочками, и чередующихся с ними колонн подобранных по росту людей, на голове которых золотом сияла одна из букв слова А-Б-С-О-Л-Ю-Т – в соответствии с количеством букв, по семь человек в ряду. Под исполнение духовыми оркестрами бравурных маршей, все три дня такие колонны шагали во всех концах миллиардного Мира Абсолюта.

Во второй день праздника чествовали и награждали, отличившихся в труде. За выдающиеся достижения награждение проходило в Высоком Овальном зале Храма Абсолюта, а за не выдающиеся – на площадях во время концертов, в перерывах между номерами.

Шумным, весёлым был третий день – день Радости. На перекрёстках, украшенных флагами, шарами и прославляющими Высших транспарантами – гром духовых оркестров, толпы поющих и танцующих, эстрадные концерты, бесплатные сладости, напитки, мороженое.

Завершался праздник красочным салютом. Под оружейный грохот, небо рассекалось лучами прожекторов, расцветивалось огненными букетами и каскадами разноцветных брызг.

Отгремели оркестры, отшумел праздник, но люди ещё долго вспоминали его. На каждом углу продавали голографические записи праздничных концертов.

Как бывало часто, вечером со своими конфетами к девушкам на чаепитие явился сосед-художник. Включили запись концерта с выступлением Кати. В комнату ворвались звуки марша и громких здравниц: на экране двигались колонны – бесконечные людские ленты, разорванные на неравные отрезки-коллективы; сияние золотых шаров и букв над головами; лица у всех воодушевлённые, радостно-торжественные. Обогнув холм Храма Абсолюта, колонны проходят мимо трибун с развивающимися флагами, откуда их через усилители приветствует администрация города, на что шествующие отвечают одновременным вскидыванием рук со сжатыми кулаками.

Концерт начался выступлением известного в городе поэта. Вдохновенно встряхивая головой с седой гривой волос и размахивая рукой с зажатými листами бумаги, он читал сочинённую к празднику длинную поэму, прославляющую мудрость Абсолюта, превосходящую суммарную мудрость всех смертных, так счастливо устроившего жизнь людей, что каждый с рождения знает своё место и права человека своей касты. Пока поэт читал, художник, презрительно глядя на него, с хрустом раздраженно грыз карамельки. Потом детский хор высокими звонкими голосами спел песню, разученную специально к празднику. Следующей выступала Катя. Чёрные веки, ярко-красный рот, алебастрово-белые щёки, усеянное блестками черное трико, золотая шапочка-светило, вокруг которого вращаются шарики-планеты – она танцевала что-то сложное, замысловатое, движения её были гибки и грациозны. Танец назывался «Посланец небес». Ей хлопали.

– Молодец, Катька! – похвалил художник и тоже похлопал.

Не дожидаясь конца концерта, он простился и ушёл. Хотя и сам он отшагал в колонне художников мимо Храма Абсолюта, вид шествия раздражал его. «Колонны холопов», – язвил про себя. Когда-то очень талантливый, он так и не смог вписаться в традиционные для Мира Абсолюта рамки искусства; современное искусство он считал эпигонством, ему было тесно, скучно, неинтересно. Начинал он с поиска новых форм выражения, но постепенно скатился к обыкновенному эпатажу. Одно время много пил, из-за этого от него ушла жена, теперь он пить бросил и трудился в художественном цехе рядовым художником-оформителем. Со своими юными соседками он дружил, шутливо, каждой оказывал знаки внимания, а девушки считали его старым, – хотя ему не было и сорока, – забавным чудаком, с которым просто и весело. Они шутливо опекали его.

* * *

Закончила консерваторию, нужно было принимать жизненно важное решение: либо брать направление в школу учителем пения и музыки, либо остаться в хоре и петь в ДРВ. Доктор и старшая мамочка сказали: «Поступай, как тебе лучше», но она знала, что они хотят видеть её учительницей в школе, в их школе. Катя решила, что школа никуда от неё не денется, а пока пусть всё остается как есть.

Теперь она выступала в ДРВ почти каждый день – поочередно в каждом зале. Её исполнение дышало неподдельным чувством, было свежо, чисто, молодо. Высокая стройная фигура, ясные грустные глаза и, особенно, свойство простое, но недоступное многим – всегда держаться с достоинством – всё это выделяло её. У неё появились поклонники, ей дарили цветы.

На небольшую сцену, сменяя друг друга, выходили певцы, танцоры, юмористы, жонглёры, музыканты. Во время выступления, за столиком почётных гостей Катя заметила знакомое лицо, узнала тренера Георга, а рядом с ним, догадалась, – аэролётчики. Исполнив песню, волнуясь, произнесла:

– Сегодня я буду петь для самых смелых и отважных в нашем городе людей, для почётных гостей сегодняшнего вечера – горных аэролётчиков.

Все захлопали, громче других удивлённые аэролётчики. Одну за другой она пела песни аэролётчиков, которым её обучил Георг, под конец спела песню о самом Георге, сочинённую композитором-выпускником их школы. Закончив выступление, спустилась со сцены, подошла к столику, за которым сидели аэролётчики.

– Садись с нами, девочка, – пригласил растроганный тренер.

Она поздравила аэролётчиков с удачными соревнованиями, нарушив запрет принимать угощения от посетителей, выпила с ними бокал шампанского и стала прощаться.

– Ты уходишь? – спросил тренер.

– Да. Больше я сегодня не пою.

– Я провожу, – встал.

Прошли в гардероб, подал ей шубку. Шли, разговаривали.

– Расскажи, как живёшь.

Она рассказывала о себе, он одобрительно смотрел на неё – красивую, нарядную. Когда дошли до движущейся дорожки, прощаясь, попросила:

– Скоро годовщина смерти Георга. Нельзя ли слетать на место его гибели?

Аэролет низко летел над горным многокилометровым ледово-снежным пространством: ледовые трещины, скальные стены, горы прекрасные, величавые; тут и там разбросаны горнолыжные комплексы, а от них к горным вершинам тянутся канатные дороги. Летели по маршруту последнего полета Георга. Долетев до Чёртова ущелья, аэролёт снизился ещё и влетел в синюю тень сменяющих друг друга вершин.

«Прощай, мой дорогой, мой самый лучший человек. Прощай, мой Георг», – плакала беззвучно.

Расставаясь, тренер сказал:

– Может, будешь с нами? У нас дружно, весело.

Задумчиво покачала головой. Он понял.

– Ну, давай, дочка, – по-товарищески похлопал по плечу.

* * *

В столовой дома, где жили девушки, шла свадьба. Замуж выходила Катина подруга, с которой они прожили несколько лет вместе, как сёстры. Жизнью насыщенной и интересной жили весело, дружно, поверяя друг другу свои секреты. Подруга выходила замуж за Катиного многолетнего, казалось, до гробовой доски, преданного поклонника. Это был молодой художник – спокойный, задумчивый, талантливый юноша. Несколько лет он дарил цветы, безропотно сносил Катино пренебрежительное отношение и, казалось, был готов за неё в огонь и в воду, а вот теперь женился на её подруге... Концерт на свадьбе вёл их школьный товарищ. Старался он во всю, и свадьба получилась очень весёлой. Катя поздравляла, пела, танцевала, была оживлена и весела.

Возвратясь со свадьбы, походила по квартире, вдруг ставшей пустой, и почувствовала тягостное одиночество. Долго сидела в темноте у окна, за которым уже светало.

Включился сигнал связи. На экране высветилось лицо школьного друга:

– Не спишь? Сейчас приду.

Пришёл непривычно серьёзный. Принёс бутылку вина.

– Давай выпьем за новый этап твоей жизни.

«Действительно, – новый этап», – подумала безрадостно, и, не в первый раз, удивилась его душевной чуткости.

– Думаю, для тебя не секрет, что я люблю тебя, – в голосе прозвучала нежность.

Она смотрела удивлённо – это было открытием.

– Выходи за меня замуж.

Смятенно молчала. Он стоял возле окна, не видя, смотрел на тускло светящиеся в рассветных сумерках фонари набережной. Подошла, встала рядом, взяла за руку.

– Зачем я тебе без любви, – проговорила ласково.

– Всё ещё помнишь?

– Помню...

Вслед за этим произошло событие, которое Катя восприняла, как свалившуюся на неё беду: Доктора отправляли в домстар. Из-за обоюдной занятости, в последние годы они встречались не так часто, как хотелось, но то, что в любой момент она может увидеть его, посоветоваться с ним, просто побыть вместе, служило ей опорой, придавало уверенности в жизни.

Глава вторая

Чем бы в последнее время Доктор ни занимался, его томило и не отпускало тягостное осознание того, что всё это в последний раз, и скоро ему отправляться в домстар, ведь это его последний год жизни среди людей трудового возраста. Душа его восставала: он полон физических и душевных сил, идей, желания работать, и, вдруг, должен покинуть любимое дело, родной привычный мир... Почему, зачем, кому это надо? Однако твердо знал, что с этим ничего нельзя поделать, таков порядок вещей, издавна заведённый самими людьми Мира Абсолюта, таков, в конце концов, закон, и кому, как не ему – детскому наставнику, это знать. Весь год он подводил итоги прожитого и доделывал задуманные дела в школе, «Когда меня здесь не будет», – лейтмотивом звучало в его душе. Он плохо спал ночами.

Подробно рассказывая своему преемнику о постановке школьного обучения, он замечал скрываемую скуку, а иной раз и усмешку на лице, и терзался мыслью, что дело его пойдёт прахом. А ему хотелось, чтобы тот достойно оценил и продолжил его дела, сохранил, не уничтожил то, что он ввёл в школе, и что составляло её индивидуальность, даже уникальность, как он считал, по праву. Стало неприятно, когда преемник по-хозяйски окинул взглядом кабинет, который в течение многих лет был его кабинетом. Он упрекал себя, что несправедлив, ведь кандидатура преемника, прежде чем его назначили, всесторонне рассматривалась Вышестоящими.

В день прощания Доктор, с не примирившейся опустошенной душой сидел среди почётных гостей. Было много цветов, слов благодарности, телеграмм: от Сената Высших, от администрации, от выпускников школы, занимающих важные государственные посты и оставшихся рядовыми гражданами, от различных организаций и коллег из других секторов.

Гостей приехало так много, что доотказа заполнилась школьная гостиница, и всё-таки многих пришлось размещать на диванах в детских спальнях корпусах. Зал школьного театра не мог вместить всех, поэтому чествование и прощание с Доктором происходило на школьной площади. На сооружённой небольшой почётной трибуне разместились сановные гости, среди которых, поговаривали, был даже представитель Высших. Для гостей между клумбами поставили сиденья, а для зрителей в классах на всех этажах открыли окна.

Доктор не слушал, о чём говорят выступающие, а только вглядывался в их лица. И любовался детьми, читающими посвящённые ему стихи, поющими сочинённые для него песни. Он чувствовал себя уже лишним, хотелось, чтобы поскорей закончилось торжество и остаться одному. Потеряно и грустно он поглядывал на Друга, сидящего неподалёку на раскладном креслице возле колючего куста розы, а тот в ответ, подбадривающе, улыбался ему. Появление среди гостей друга юности, кому он был обязан жизнью своей и жизнью Кати, безмерно обрадовало его. «А где же другие», – чуть не спросил он, но вспомнил и не спросил: он был младшим в их большой компании друзей и последним уезжал в дом старости, а Друг не там

только лишь потому, что в организации, к которой он принадлежит, туда отправляют по профнепригодности, а не по возрасту. Из-за постоянного окружения людьми им так и не удалось остаться наедине и поговорить. Доктор искал глазами и не находил Катю. Она приехала незадолго до начала торжества, и наблюдала за происходящим из окна одного из классов.

Доктору был предоставлен последний трудовой отпуск. Оставаться дома без дела было нестерпимо. В эти дни он, как обычно, поднимался чуть свет и, не задерживаясь в своём фешенебельном районе Волнистых Холмов, где все ему были знакомы, знали об его обстоятельствах, и, как ему казалось, разговаривали с ним сочувственно, отправлялся в незнакомые ему районы. Там гулял в парках: любовался цветниками и фонтанами, отдыхал в зелёных беседках, покупал корм и кормил в прудах лебедей. Однажды в скоростном лифте поднялся на высотную обзорную площадку, где раньше побывать не удосужился. Перед ним открылся вид на бескрайнюю зелёную долину с извилистой лентой горной реки. Ровно, как по линейке, долину пересекала железная дорога, работающая на энергии ветра, создаваемого собственным движением. Вдали, за лесистыми холмами, возвышались покрытые снегом сизые вершины гор. Отсюда хорошо просматривался и древний замок на горе. Медленно вращаясь вместе с обзорной площадкой, он предавался несуетным мыслям, и душа его успокаивалась, а собственное положение начинало казаться уже не столь удручающим.

Обедал и ужинал, где придётся. Приводя в замешательство обслуживающий персонал, вручал карточку высшей категории. Обедов высшей категории, как правило, не оказывалось и его просили подождать, пока приготовят, но он соглашался пообедать тем, что имеется.

Поздно возвратясь домой, бегло просматривал страницы видеосвязи. Желающих сказать ему ободряющие слова, было много, но он выключал звук и только всматривался в лица. Потом отключал видеосвязь, выходил в ночной парк и в душевном оцепенении подолгу сидел там на скамейке.

Наступил последний день пребывания в Городе. Поджидая приезда Кати, Доктор разбирал личные вещи – нужно было решить, что взять с собой в домстар – и размышлял о том, как рассказать ей о родителях. Бродя по городу, он постоянно возвращался к этой мысли, но, беспокоясь, не усложнит ли это её, и без того, непросто складывающуюся жизнь, боялся этого разговора.

До её приезда ждать оставалось недолго. Доктор с вечера заказал любимые ею блюда, приготовил уложенную в красивый футляр заколку, когда-то принадлежавшую Марии – ту, которой были сколоты волосы Даши, когда она появилась в его школе, и кассету с фильмом, подаренную ему Профессором. В который раз он пожалел, что пришлось стереть кадры, на которых возле дома на берегу океана были засняты её отец, мать, Дедушка и сама маленькая Даша. Заколку и кассету он намеревался, после объяснения с ней, передать Кате.

Чтобы скоротать время, решил ещё, в последний раз, посмотреть голографический фильм. Вставил микродиск, пересел в специальное кресло, тотчас принявшее форму его тела. Комната исчезла, теперь он сидит на носу движущейся яхты и перед ним расстилается бескрайний океан. Океан шумит, катит свинцовые волны, ветер срывает с них брызги, швыряет их на палубу яхты, и от этого пол вокруг Доктора мокрый. Серое пасмурное небо, низкие рваные тучи, крики чаек, запахи моря – иллюзия присутствия полная.

Далеко впереди, прямо по курсу, необыкновенное солнце – ослепительное ядро с лучами, расходящимися в виде шестиконечной звезды. По мере приближения к нему, всё ярче и причудливее облака в небе принимают зловеще-пурпурный оттенок.

Затем, возле ног возникает трап аэролёта. Если зритель утомился зрелищем океанско-небесной феерии, он ставит ногу на трап и оказывается сидящим в обзорном аэролете, если же он не наступил на него – трап исчезает и продолжается путешествие на яхте вокруг

Острова Высших. Доктор вспомнил, как маленькая Катя боялась путешествовать на аэролёте, где как будто бы не было ни пола, ни стен. Как только появлялся трап, она звала его, он усаживался в кресло, она забиралась на колени, прижимаясь, крепко держала за руку, и путешествие они продолжали уже вдвоём.

Аэролёт вертикально поднимается на большую высоту; раскрывается широкая панорама всего Острова, вытянутого с севера на юг, с множеством заливов и бухт, в окружении малых и больших островов, а над всем этим светится Звезда Абсолюта. Через некоторое время, когда они уже достаточно налюбовались панорамой, аэролёт медленно снижается. Звезда остаётся далеко вверху; зритель, словно птица, летит на небольшой высоте над расстилающимся под ним городом, сказочно-прекрасным, поражающим обилием дворцов и парков...

Нажав кнопку в подлокотнике, Доктор прервал путешествие и отправился встречать Катю. Свежий воздух, обилие зелени, уютные комфортабельные коттеджи, ухоженные дорожки, цветы – всё это было естественно и привычно. Стало тяжело от мысли, что скоро его здесь не будет и, Бог весть, что его ждёт...

Сидя на скамейке под деревом, увидел идущую по аллее Катю. Простое светлое платье, как всегда, никакой косметики, высокая и тоненькая, шагала она стремительно и легко. Увидела его, обрадовано заулыбалась, слегка смутилась. Доктор так любил в ней эту застенчивость. Поднялся со скамейки, пошёл навстречу.

Он расспрашивал о делах, она отвечала бодро, но он видел, что ей совсем не так хорошо, как она старается показать. Катя же, в свою очередь, страдая за него, искала следы страданий и на его лице, но Доктор, как обычно, был энергичен, приветлив, внимателен.

Она постелила скатерть, красиво сервировала стол, села рядом, а не напротив, как обычно. Видя, с каким аппетитом она ест, Доктор вспомнил, что большинство в городе питается, не так хорошо, и всё время подкладывал ей на тарелку. Весело, с юмором он рассказывал, как провёл эту неделю, сколько, оказывается, есть в их городе интересного, а он об этом и не подозревал. Она же, склонившись над тарелкой, молча, ела и наконец, он заметил, что она беззвучно плачет, слизывая вместе с пирожным слёзы. Его всегда, с самых первых дней её появления в школе, потрясала эта её способность плакать тихо, одними глазами.

– Ну что ты, Катя... – голос его дрогнул.

– Как же теперь?... Как же я буду теперь?... – сунулась головой ему в плечо, и заплакала, не таясь.

Доктору стало нестерпимо больно. Поглаживая её по голове, он бодро рассказывал, как всё предусмотрел, чтобы они виделись, если не часто, то и не так уж и редко – каждый раз, как только у неё появится возможность отлучиться со службы. А деньги у них есть. Часть их он уже положил ей на счёт, но и у него осталось столько же. Она слушала и понемногу успокаивалась. Это был её учитель, её отец, она привыкла, что он всё понимает, всё может предусмотреть и устроить.

То, что они будут видеться, приободрило Катю, и, убирая со стола, она уже, немного ворчливо, наказывала как можно чаще вызывать её на видеосвязь, не забывать в холодную погоду надевать шарф и перчатки и, вообще, больше думать о здоровье. Потом, ласково подтрунивая над ним, заново уложила саквояж, который он брал с собой, вынула из своей сумки и положила в него связанные ею носки из натуральной шерсти. В отдельную сумку сложила всё, что не брал с собой Доктор, но может пригодиться ей – полотенца, салфетки и другую мелочь.

Проводив её, Доктор долго сидел в парке возле дома. Из головы не выходило, что он так и не рассказал ей о родителях, опять не смог, не решился. Грустно думал о том, что не совсем удачно складывается у неё жизнь; ничем, кажется, не обделена – ни красотой, ни умом, – а жениха достойного нет... А ведь ей разрешён брак с правом родить ребенка. Конечно,

у девочки разбито сердце, но прошло уже столько лет, жизнь должна взять своё. А, может быть, родеют парни? – это его не удивило бы.

Утром следующего дня со смирившейся душой он навсегда ушёл из родного дома – так же просто, как все долгие годы уходил из него на службу.

Глава третья

Дом старости «Заповедный» Доктор выбрал из-за того, что до него из города НГЭ-2 хорошо ходил транспорт и относительно недорого стоил проезд. Ему предлагали, даже настаивали, поселиться в доме старости «Волна», предназначенном для заслуженных людей, в своё время удостоенных чести посетить Остров Высших, но это было далеко – на берегу Лазурного моря, а значит, о встречах с Катей нельзя было и думать.

Домстар назывался «Заповедный» потому, что находился на территории заповедника, на берегу реки, служащей границей его территории. На одном берегу реки, привольно и спокойно текущей по равнинной местности, полосой стоял лес, на другом – начинались луга и поля.

В комплекс домстара входили, разбросанные среди леса, несколько жилых корпусов, верхние этажи которых высоко возвышались над деревьями, трехэтажный лечебный корпус и спортивно-развлекательный центр на берегу реки.

Доктору отвели небольшую просто обставленную комнату с маленькой лоджией. Ему понравились и светлая комната, и, особенно, лоджия, где хорошо будет отдыхать в шезлонге, слушать шум леса, вдыхать его запахи и смотреть на густые кроны деревьев... Направляясь в домстар, он ожидал худшего.

Хлопоты первых дней по устройству заглушали чувство одиночества и ненужности. Но потом, устроившись, вволю набродившись по лесу, обойдя на обширной территории домстара все пригорки, овраги, ручьи и берег реки, Доктор затосковал по школе, по детям, по своим бесконечным заботам. Он всерьёз обдумывал, как написать в департамент образования, чтобы убедить администрацию направить его на работу в любую школу, на любую должность. Жизненный же опыт говорил о бесполезности хлопот: за все годы жизни он не встречал человека в возрасте, официально именуемом возрастом старости, чтобы тот жил и трудился среди людей трудового возраста. Тогда он попытался найти себе применение в стенах домстара, но оказалось, что дел было меньше, чем желающих потрудиться. Люди, многие годы работавшие с полной отдачей сил, вынужденное безделье выносили с трудом, начинали болеть, быстро стареть.

Существованию необходимо было придать смысл. Сидя бессонными ночами в лоджии, он вспоминал школу, всю свою жизнь и прошлое для него становилось живее настоящего. В одну из таких ночей он пришёл к решению обобщить свой опыт работы с детьми и сделать выводы, которые могут пригодиться педагогам. При этом он будет правдив, какими бы крамольными ни показались кому-то его мысли. Он подошёл к той черте, когда страх уже теряет власть над человеком. Придя к этому решению, успокоился, и жизнь перестала казаться пустой и бессмысленной. Он стал более общительным, у него появились друзья – бывшие преподаватель вуза и крупный администратор, руководитель строительного концерна.

Преподаватель, человек жизнелюбивый и общительный, жил в домстаре уже несколько лет, хорошо знал местные порядки и был близко знаком чуть ли не со всем контингентом. Оказалось, что на первых трёх этажах их корпуса проживают заслуженные люди из массовой касты. Раньше Доктору никогда не приходилось соприкасаться с людьми этой касты, и теперь, сталкиваясь с ними, то во время прогулок, то в столовой, то в спорткомплексе, где Доктор пристрастился вместе с Преподавателем играть в бильярд, он находил их умными, энергич-

ными оптимистами, но людьми невоспитанными, развязными, грубыми и бесцеремонными. Не нравились, казались вульгарными женщины этого слоя. Их макияж казался, не по возрасту ярким, одежды по молодёжному смелыми, мимика, жесты – жеманными. Он понимал, как трудно этим людям – одарённым и талантливым, привыкшим руководить и пользоваться авторитетом в своей среде, не теряя достоинства, жить и общаться с теми, кого они приучены считать выше себя, и старался не замечать, раздражающую его, их бесцеремонность. Преподаватель же был от них в восторге, находил их раскованными, остроумными, и часто ходил к ним «на посиделки», как они называли свои коллективные чаепития. На языке Преподавателя это называлось «пошёл упростаться». Он звал и Доктора пойти с ним, но тот неизменно отказывался. Доктор был очень удивлён, когда узнал, что третий их друг проживает на третьем этаже и тоже является выходцем из массовой касты. Но «посиделок» тот не посещал, держался наособицу.

Среди выходцев из обеих каст попадались такие, с какими Доктору, почти неотлучно прожившему всю свою жизнь в школе, раньше сталкиваться не приходилось. Это были люди сексуально и душевно порочные, что стало особенно заметно в скученной среде домстара. Порок вытеснил из их душ стыд, опустошил их, сделался тираном, подчинил человека. Казалось бы, с приходом старости и телесной немощи, человек должен одуматься, утихомириться, но порок свирепеет, становится ещё уродливей, мстит за то, что умирает его вместилище – тело, и толкает на ещё больший разврат, злобную зависть, жадность. Жалкий итог жизни. Доктор избегал каких-либо контактов с такими людьми.

Во всю кровлю спортивно-развлекательного корпуса была разбита обширная оранжерея – небольшой сад под куполом. В ясную летнюю погоду купол автоматически сворачивался, а с наступлением ненастья вновь раскрывался. В кажущемся беспорядке, среди кустов в оранжерее стояли столики. Это было излюбленное место отдыха в ненастные дни. Здесь играли в настольные игры, занимались рукоделием, сюда же можно было заказать чай. Если из окон жилых корпусов был виден лес, то из оранжереи открывался вид на луга и поля за рекой. В этом месте река делала излучину и уходила к горизонту. Обслуживающее домстар небольшое судёнышко, на котором к обитателям приезжали гости, отсюда было видно задолго до подхода его к пристани, поэтому гостей часто поджидали, устроившись за столиком в оранжерее, глядя сверху на реку.

Доктору особенно полюбилось бывать в оранжерее вечером, когда заходило солнце, поднималась луна, на небосводе высыпали звёзды: звёздный купол неба, подсвеченные клумбы и кусты, прохладный воздух, шахматная доска и случайный партнёр.

Жизнь входила в новую колею, и Доктор уже поджидал приезда Кати, не боясь расстроить её своим состоянием. Цены за пользование видеосвязью были высоки, а они экономно расходовали наличные деньги. Он заранее узнал расписание аэролётов из НГЭ-2 в соседний городок и расписание прибытия судна из этого городка в домстар. Ему понравилось ходить на набережную наблюдать радость встречи гостей, зная, что и его ждёт такая же радость.

Катя приехала неожиданно, когда он уже привык к мысли, что она и в этот раз не приедет. Стоя на берегу в стороне ото всех, он с улыбкой наблюдал, как сходят по трапу гости, как бросаются к ним встречающие, и вдруг заметил в толпе сошедшую с трапа и озирающуюся сторонам Катю. Она увидела его, замахала руками. Они заспешили друг к другу; Катя заплакала, у Доктора защипало глаза.

По ступеням широкой лестницы поднялись с причала, и пошли по утопающей в цветах центральной аллее. Он раскланивался со встречными, те неназойливо рассматривали Катю, она тоже присматривалась к ним: ей ещё не доводилось видеть стариков.

В комнате, немного суется, показал, как живёт, как всё удобно, опрятно. Почти не слушая, она присматривалась к нему, и он ей казался постаревшим, растерянным, совсем

не таким, каким был раньше. И обстановка была здесь просто убогой, в сравнении с домиком Доктора в школе и с его большой обставленной дорогой мебелью квартирой в городе.

– Как вам здесь, отец, – спросила, дрогнув голосом.

– Доченька..., – прошептал беспомощно.

Потом бодро заговорил о том, что пишет труд о воспитании детей в их школе, и что ему нужно посоветоваться с ней, ведь она непосредственный участник, так сказать, объект приложения, и, если её точка зрения окажется несколько иной, полезно будет её узнать.

Она полюбовалась лесом из его любимой лоджии, потом вместе отправились устраивать её в гостиницу и заказывать для неё обеда.

Катя гостила два дня. Целых два дня Доктор не разлучался с ней. Он показал ей все любимые места в лесу и на реке, познакомил с друзьями. Их окружало ненавязчивое ласковое внимание обитателей домстара, и Доктор гордился Катей.

В вечер отъезда сидели на набережной, ожидая прихода судна. Прислонясь к плечу Доктора, Катя, как в детстве, пальцем водила по набухшим венам его руки и немного ворчливо наказывала обследовать здоровье, не «отлынивая», как выразилась она. Он же думал, что вот опять не рассказал ей о родителях, и успокаивал себя тем, что впереди ещё много времени, а приезд её – не последний.

Объявили посадку. Она, как в детстве, уткнулась головой ему в грудь, он погладил её по волосам:

– Сообщи сразу же, как только приедешь.

Когда, не спеша, шёл с пристани, его догнала женщина массовой касты. Робко заговорила:

– Какая у вас хорошая дочь. У меня тоже есть дочка, но она не может приехать ко мне... – в глазах женщины блеснули слёзы.

«Зачем их выдернули из своей среды, когда даже детей, чтобы навестить родителей, не пускают в элитную касту?» – подумал Доктор.

Как будто услышав его мысли, женщина сказала:

– У нас попасть в домстар касты Э считается почётным, счастьем, которого можно добиться только всей своей жизнью. Но мы многого не знали...

Доктору стало жаль её. Молчал, не зная как утешить. Подумал, что впредь надо быть снисходительней к выходцам из касты М.

А тем временем Катя, глядя на бегущие от судна к берегу волны, ещё была полна впечатлений от встречи. Она побранила себя за то, что не сказала Доктору о сделанном ей предложении поступить в гастрольную труппу и дала себе слово рассказать обо всём подробно в следующий приезд. А пока, ей не хотелось думать ни о каких жизненных проблемах.

* * *

Течение жизни стало размеренно-спокойным: первую половину дня Доктор проводил за письменным столом, затем обед, отдых, прогулки, общение с посланными судьбой друзьями.

Вся его предыдущая жизнь была заполнена делами и только делами. Общение с людьми своего возраста сводилось к деловым встречам, учительским собраниям, советам, совещаниям, симпозиумам. В том мире, где он жил деятельной жизнью, из-за постоянной занятости, люди, тесно соприкасаясь, почти не общались на бытовом уровне, не знали, что такое взаимная потребность, взаимное утешение. Теперь же ему всё больше нравилось общаться ради самого общения; нравилось беседовать, целыми вечерами играть в шахматы или бильярд, развлекаться естественно и просто, без вмешательства теле, видео, голо и прочей виртуальности.

Его друзья были людьми высокообразованными, умными, с большим жизненным опытом, и их совместные беседы, совместное общение были интересными, проникнутыми взаимным уважением. В беседах они не боялись коснуться и темы смерти. Там, за стенами домстара,

смерти как будто и не было, делалось всё, чтобы не помнить, не знать о ней, не переживать как горе. Никогда не теряющий присутствия духа Преподаватель любил декламировать поэта древности: «Спокойно и медленно к ней подходя, кончину ты встретишь, украшенный радостью светлой». Но они ещё были полны сил и жизни, и в этих рассуждениях не чувствовалось смирения.

Трудно представить более непохожих людей, чем были Преподаватель и Администратор – седой, крепкий мужчина, ниже среднего роста, широкий в кости, несколько массивный лицом и телом. Ходил он, ступая неторопливо, твёрдо, на всё смотрел спокойным, властным взглядом небольших серых глаз, а редкая улыбка преображала его малоподвижное лицо, делала простым и привлекательным. У него был редкий природный талант – лидер, без каких либо усилий с его стороны. Его просьбы каждый, без сомнений в его праве распоряжаться, воспринимал как требующий немедленного исполнения приказ. Но, за время руководства концерном, он устал командовать и отвечать за всё и всех. Пребывание в домстаре его не тяготило. Ему нравилась обстановка, не обременённая строгим распорядком, он отрёшился от забот и ответственности, и радовался возможности жить не в ритме, раз и навсегда заведённом, а как хочешь: когда хочешь, гулять или развлекаться, находить занятия по душе. Всю жизнь прожившего в мегаполисе, его всё больше зачаровывал, завладевал его душой лес со всеми его запахами, звуками и обитателями. Постепенно, в широкой округе он уже знал каждый ручей, распадок, урочище, все болота, чащобы, птичьи гнездовья, норы и лежбища зверей. Выслеживая, он научился бесшумно ходить и подкрадываться, а, затаившись, незаметно наблюдать жизнь обитателей леса. За право беспрепятственно путешествовать по заповеднику, он, по заданию лесничества, делал голографические съёмки для Высших. Чтобы заснять что-то интересное, мог часами выжидать, почти неподвижно сидя или лёжа, в самом что ни на есть неудобном для этого месте. Он обладал врождённым чувством ориентации на местности и в лес ходил один. Переволновавшись, когда однажды он вернулся только через несколько дней, друзья настояли, чтобы определитель местонахождения всегда был при нём.

С первых дней знакомства Доктор подпал под обаяние Преподавателя. Доктора всегда интересовало, какие качества составляют обаяние человека. И теперь, наблюдая за Преподавателем, он пришёл к выводу, что главное – естественность и чувство достоинства, скромное природное достоинство человека, уважающего себя и не меньше того других. Человеку с чувством достоинства чужды и холопство, и спесь; он свободен, раскован, доброжелателен, уверен в себе. А если ещё есть внутренняя энергия, отзывчивость, неподдельный интерес ко всему – не очароваться таким человеком просто невозможно.

Преподавателю была присуща манера, слушать, прикрыв глаза. Поначалу это обескураживало, Доктор умолкал, но быстрый сосредоточенный взгляд светло-карих живых, чуть насмешливых глаз убеждал, что тот – само внимание. Преподаватель шуточно объяснял, что, закрыв глаза, слушает музыку души собеседника. По его мнению, об истинных свойствах души можно судить по глазам, но и они могут солгать, в наибольшей же степени душа отражается в модуляциях голоса, в том, как человек смеётся, говорит, считал, что у людей с грубыми головами и душа грубая. Сам он имел голос негромкий, говорил приветливо, убедительно, смеялся добродушно и заразительно. Был не склонен к откровенности и о своей жизни до домстара рассказывать не любил. Но иногда, когда они в молчании сживали на скамейке в тени деревьев, Доктор замечал его задумчивый, полный мудрой скорби взгляд. Из прежней жизни его не навещал никто.

Над ними не довлел прежний страх проверки на лояльность – постоянный спутник деятельной жизни. В домстаре людей такой проверке не подвергали. Не испытанное дотоле чувство полной не боязни, побуждало на рискованные высказывания, впрочем, в их положении совершенно безопасные и бесплодные.

– В эпоху Заблуждений люди верили, что человек создан по образу и подобию Божьему. Они ощущали себя частью мироздания и жили чувствами. В нашу эпоху всё отрегулировано, рассчитано, расписано, предписано, закреплено законодательно, – рассуждал Преподаватель. – Эпоху Заблуждений было бы справедливее назвать Эпохой Поисков Истины. Истиной же назвали Абсолют, не содержащий ни движения, ни хаоса, не способный на что-то новое – не развивающийся, конечный. Считается, что наше общество самое справедливое из всех существовавших. Но разве справедливо рассортировывать людей по кастам? Я не вижу, чем люди массовой касты в нашем домстаре хуже или глупей нас, выходцев элитной касты. Думаю, что мир бы и не заметил, если бы малых детей этих каст взяли и поменяли местами. Мир Абсолюта – это равенство в рамках касты, в которой родился, свобода без выбора, жизнь без милосердия.

Их разговоры напоминали Доктору рассуждения Профессора на берегу океана...

* * *

Словно утомившись за лето, все позднее вставало и раньше садилось солнце, по небу плыли тяжёлые темно-сизые тучи, часто моросил дождь. Деревья сбрасывали пышные осенние одеяния, и они мягким ковром ложились на землю.

С наступлением осени общение друзей стало менее тесным. Администратора лесничество подрядило на осенне-зимние съёмки, и он безвылазно жил в лесу, а с Преподавателем они встречались только в голзале во время трансляций концертов классической музыки и балета, любителями которых были оба. Вечера Преподаватель проводил на третьем этаже, у выходцев из слоя М. Доктор же все дни проводил за письменным столом. Работа увлекла, захватила. Доставлял наслаждение сам мыслительный процесс: зарождение мысли, удержание её и постижение смысла в полном объёме и, наконец, выражение её словами так, чтобы было просто и понятно. Вечера же он коротал на веранде, где собиралось много людей. Мужчины шумно играли в настольные игры; женщины, рассуждая о житейских предметах, вышивали, вязали. А он, рассеянно и часто проигрывая, играл с кем-нибудь в шахматы и пил чай вместе со всеми. А когда все разойдутся, сидел в плетёном креслице и наблюдал, как на фоне тёмного неба по желобкам прозрачного купола стекают струйки дождя, и обдумывал свою книгу. Продрогнув, шёл к себе и до полуночи опять работал. Голова была свежая, ясные и чёткие мысли излагались легко.

В ни чем не примечательный серый вечер Доктор сидел на привычном месте возле облетевшего куста, ставшего похожим на большую садовую метлу. По веранде чувствительно гулял сквознячок. Неподалёку от него за столиком, одна, сидела женщина с вязанием. Она была тепло одета, ноги её укрывал плед. «Женщина так экипировалась, словно собралась всю зиму, не вставая, просидеть здесь за вязанием», – посмеялся про себя Доктор.

Лицо женщины было полуопущено, свет падал только на лоб и руки с вязанием. Что-то заставило напряжённо всматриваться: вот дёрнула за нить, клубок выскользнул и откатился; пытается подтянуть – не получается, клубок откатился ещё дальше. Когда, чтобы встать, она начала медленно раскутывать ноги, Доктор встал, поднял клубок и, наматывая нить, подошёл к ней. Она выпрямилась, и пристально смотрела на него. Взглянув, он замер, рука сжала клубок. Разум не поверил, а сердце уже забило радостно и беспомощно....

– Ты?! – выдохнул, внезапно охрипнув.

– Я... – прошептала робко. И добавила: – я уже неделю здесь. Каждый день вижу тебя, но ты меня не замечаешь...

Она сразу засобиралась, говоря, что уже поздно, устала и озябла.

Он проводил её до комнаты. Ночью постоянно просыпался, взволнованно вспоминал, что завтра увидит её. В числе первых пришел в столовую, быстро позавтракал и в нетерпении стал поджидать её возле входа.

Глава четвёртая

Когда-то она была его невестой. Они встретились, когда он уже оканчивал университет, а она училась ещё только на втором курсе. Юная, красивая, своенравная, избалованная вниманием молодых людей, она не сразу ответила на его чувство. Он же полюбил сразу и навсегда и, в конце концов, завоевал её сердце. Как и положено, они обратились за разрешением на брак. Прошли тестирование и получили разрешение на брак без права иметь ребёнка: в их генах что-то не сочеталось. Они не хотели смириться, не понимали почему, ведь по отдельности у каждого были отличные геннонаследственные характеристики. Пытаясь добиться разрешения на ребёнка, обращались во все инстанции. В конце концов им официально ответили, что хлопоты их напрасны, согласно закону «О сохранении генофонда касты Э», решение, выданное на основании заключения Эл-Мо, изменить невозможно. Она горько плакала, говорила, что не видит смысла в таком браке. Расстались. Она вышла замуж. У неё родился сын. Когда сын подрос, и пришло время отдавать его в школу, она отправила его в другую школу, а не в ту, где он директорствовал. Доктор же так надеялся видеться с ней во время родительских посещений... Как-то он услышал, что она с мужем разошлась и сразу же опять вышла замуж, но и с тем не ужилась.

Однажды в городе Доктор увидел её, медленно идущую по тротуару. Окликнул, Она остановилась. Заговорила как с чужим, давно забытым. Он же волновался, не мог оторвать от неё глаз – так она была хороша в полном расцвете зрелой, уверенной в себе красоты. Подошёл незнакомый мужчина, поприветствовал Доктора, взял её под руку, и они ушли. Страдая, Доктор смотрел вслед. Его надежды, что время сделает своё дело, и он когда-нибудь забудет её, оказались напрасными.

Они в уединении гуляли по дальней аллее. Она рассказывала, что в этот домстар ей попасть было не просто, ведь он предназначен для бывших руководителей, но ей помогли друзья и теперь она рядом с ним. Говорила, что жизнь свою она считает сложившейся неудачно, что сын о ней не вспоминает, что самым дорогим и в жизни нужным ей был он, Доктор, но поняла это только когда осталась совсем одна. Стала строить планы, искать встречи с ним, однако, оказалось, что он уже в домстаре. Тогда решила до срока – она была моложе его на три года – уехать к нему.

– И вот добилась! – победно вздёрнув носик, закончила свой рассказ.

Доктор был растроган.

Она была здесь, рядом, это было невероятно, в это трудно было поверить. Её красота поблекла, от неё почти ничего не осталось, но для него это было не важно. Её жесты, голос, интонации, смех, походка, её своенравность и в то же время беззащитность, безотчётная щедрость, милое заискивание после того как сама же обидит, порывистость, самоуверенность и бесхитрость, как и прежде, для него были бесконечно дорогой.

Жизнь переменилась. Он помолодел, стал оживлённым, блистал эрудицией, искрился остроумием, глаза его мягко лучились радостью, лукавством, юмором. Любовь – это, в первую очередь, служение; и они трогательно заботились друг о друге, дарили каждую минуту своей жизни. Не любивший детективных фильмов он с готовностью отправлялся с ней в кинозал и сидел рядом, украдкой поглядывая, держа за руку. При выходе на прогулку каждый придирчиво осматривал, тепло ли оделся другой: дни стояли ненастные, холодные, ветреные. О них судачили: удивлялись, осуждали, завидовали. Такая привязанность не только в домстаре,

но и в обычной жизни встречалась не часто. Им было хорошо вдвоём, а все остальные были для них лишь свидетелями их радости, их позднего счастья, безмятежного, без страданий ревности.

* * *

После ночного объяснения, в отношениях между Катей и её школьным товарищем не стало простоты и лёгкости. При встречах Катя смущалась, а он смотрел пытливо и грустно. В хоре тоже не всё было хорошо. Экзекуция, устроенная после исполнения реквиема перед представителями Высших, сломила их любимого талантливого молодого дирижёра, он начал выпивать, стал не столь требователен.

Давно уже велись разговоры о создании гастрольной труппы на базе существующего вокально-хорового ансамбля и, наконец, решение об этом было принято. Желающих перейти в труппу было много. Всем казалось заманчивым поехать по другим секторам, посмотреть другие места.

В тот день, когда Катя узнала о зачислении её в труппу, она, вернувшись вечером домой, набрала номер видеосвязи с Доктором, и, увидев его, сразу сообщила:

– У меня новость: решён вопрос о создании гастрольной труппы. И я зачислена в неё!

Он озабоченно всмотрелся в её радостное лицо:

– Рад за тебя, ведь ты хотела этого. Но всё же беспокоюсь, не будет ли это для тебя утомительным: разъезды, гостиницы...

Она принялась убеждать, что всё будет прекрасно, что не только она, но и все зачисленные в труппу, ждут от поездок много интересных впечатлений. Потом заметила, что он посвежел, помолодел, а модная стрижка сделала его даже щеголеватым, и сказала:

– Отец, вы неплохо выглядите, эта стрижка вам очень к лицу!

Замечание о стрижке немного смутило его.

– Катя, в моей жизни произошло важное событие. Сейчас я ничего говорить не стану, но, надеюсь, ты скоро навестишь меня?

– При первой же возможности!

Но начались хлопоты по созданию труппы: прослушивания, утверждение репертуара, бесконечные репетиции, и отлучиться на несколько дней для поездки не было возможности. А потом, когда удалось выкроить время, и она совсем было собралась ехать – уже и билет купила, оказалось, что сильный снегопад завалил снегом небольшую аэролётную площадку в окрестностях домстара. Когда река замерзала, сообщение с домстаром было аэролётное, а аэролёт из ближайшего городка летал один раз в десять дней.

Катя сдала билет, сообщила по какой причине не приедет. Когда же площадку расчистили, коллектив труппы, пройдя очередное тестирование на лояльность, с гастрольями уже ездил по городам касты Э своего сектора.

Гастрольные поездки по родному сектору послужили труппе экзаменом. После восторженных отзывов о концертах, в верхах было принято решение отправить труппу на гастроли в другие секторы Мира Абсолюта. Пока администрация утрясала вопрос о гастролях, всему коллективу труппы предоставили краткосрочный отпуск.

Была ранняя весна и на судёнышке, направляющемся в домстар, пассажиров было совсем мало. Мало было и встречающих. Ещё не сойдя на причал, Катя увидела Доктора, стоящего на берегу рядом с незнакомой женщиной. Он встретил у сходень, расцеловал, взял из её рук сумку.

– Я не один пришёл встречать тебя. Пойдём, я вас познакомлю.

Обняв Катю за плечи, подвёл её к красивой модно одетой женщине, с ревнивым интересом присматривающейся к ним.

– Познакомьтесь, мои дорогие.

Катя с любопытством глянула на женщину и перевела внимательный, чуть ироничный взгляд на Доктора. Женщина заметила этот взгляд, и в душе её шевельнулся холодок ревнивой неприязни.

По лестнице поднялись до главной аллеи. Доктор с Катей отправились в гостиницу, находящуюся в небольшом двухэтажном корпусе на берегу реки; женщина же с ними не пошла, сказала, что подождёт их на скамейке в аллее.

– Тебе, конечно, интересно узнать, кто это? – спросил Доктор, когда свернули на дорожку, ведущую к гостинице.

Катя пожала плечами:

– Отец, я рада, что у вас есть подруга, и жизнь ваша наполнилась новым содержанием. Всё правильно...

– Ничего ты не понимаешь..., – проговорил с лёгкой обидой. – Эта женщина была дорога мне всю жизнь...

Остановилась и изумлённо глядела на него:

– И вы встретились здесь?!

– Откуда тебе было знать, девочка...

– Я постараюсь подружиться с ней.

Предвкушая встречу с Доктором, Катя думала, что нужно не забыть, рассказать ему и о том, и об этом; она с малых лет привыкла рассказывать ему обо всем, а он, как никто, умел слушать её, переживая как происходящее с ним самим, чтобы с ней не случилось. Но все несколько дней, которые она прогостила, неотлучно с ними находилась эта Женщина, держащая ласково и приветливо, но несколько натянуто. Если они все вместе отправлялись в лес на прогулку, Женщина заботливо поправляла Доктору шарф, а Кате, почему-то, от этого делалось неловко, словно та демонстрировала свои права на него, а когда они в маленькой лоджии Доктора усаживались пить чай, Женщина распоряжалась, как хозяйка, и Катю почему-то и это задевало. У неё накопилось много впечатлений, и, чтобы заглушить возникающую неловкость, она неумолчно рассказывала об успехе выступлений, о том, что довелось увидеть, с кем познакомиться. Удивляясь раскованности всегда застенчивой Кати, Доктор слушал с живым интересом, переспрашивал, вникал в детали. Женщина же, делая вид, что слушает, про себя думала: «Эгоистичная, избалованная девчонка. Всё только о себе и о себе...» Ни одна из них не хотела делиться любовью Доктора. Женщине хотелось уйти, оставить их одних, но она знала, что этим огорчит Доктора, желающего чтобы они полюбили друг друга.

Когда пришло время Кате уезжать, Женщина осторожно предложила:

– Может быть, лучше тебе одному проводить Катю!

– Ну что ты! Она обидится!

Проводив Катю и возвращаясь с причал, Доктор, не чувствуя прежнего одиночества после расставания, оживлённо говорил, что уже завтра Катя будет дома и надо будет вечером не отлучаться, ждать её сообщения, как доехала. Весь вечер он говорил только о ней и поделился, что никак не может решиться рассказать ей о родителях.

Женщину потрясла открытая ей тайна происхождения Кати; и она уже не казалась избалованной эгоисткой, а стало жаль её.

– Сегодня ночью мне не спалось, я много думала о том, что ты мне рассказал, и пришла к выводу, что ты правильно поступил. Это знание только усложнит ей жизнь, внесёт в душу смятение. Подумай ещё..., – задумчиво произнесла Женщина, когда они на следующее утро прогуливались по лесу.

– Ты так считаешь? Мы подумаем об этом вместе.

Он рад был разделить эту тайну с ней. И теперь уже она задумывалась: рассказывать? Не рассказывать? Эта история показалась бы неправдоподобной, в неё трудно было бы пове-

речь, если бы её рассказал кто-то другой. Появилось желание приласкать Катю, и теперь, когда та выходила на видеосвязь, она первой бросалась к экрану.

– Катя, доченька, здравствуй! Всё ли у тебя благополучно?

И, прежде чем уступить связь Доктору, они принимались болтать о пустяках: о городских и домстаровских новостях, о выступлениях, о последней моде, о причёсках.

Глава пятая

Из-за необходимости получать разрешение на въезд и выезд и дороговизны проезда, жители элитной касты редко отлучались из своих городов, не говоря уж о перемене местожительства, для чего требовалось специальное разрешение, поэтому связи между городами, даже в пределах одного сектора, были слабы.

Жить в постоянных разъездах понравилось: новые города, новые знакомства. Гастроли в Мире Абсолюта были редки, да в них и не было особой нужды: при высоком уровне голографической техники концерт из студии любого конца Мира Абсолюта, смотрелся так, словно зритель находится в концертном зале. Но живое присутствие на концерте всё же ничем не заменить, поэтому труппе везде были рады, и концертные залы были переполнены. Их тепло встречали, прекрасно размещали, окружали вниманием, в их честь устраивали приёмы, возили на экскурсии.

В тот сезон труппа гастролеровала по западным секторам элитной касты.. Члены труппы шутили:

– Отсюда и до Острова Высших рукой подать. Вот возьмём и «ошибёмся», и перелетим через пролив...

Но когда новых знакомцев спрашивали, приходилось ли им там бывать, как там? Удивляясь вопросу, те неизменно отвечали:

– Нет, конечно. Не приходилось.

Когда аэролёт поднимался в воздух, они пристально вглядывались в сторону Острова, но, кроме пятна Звезды на небе, разглядеть нельзя было ничего.

Из гастролей труппа вернулась осенью в пору бабьего лета. Стояли чудесные дни, прохладные утром и жаркие к полудню. По возвращении всему составу труппы предоставили краткосрочный отпуск. Пока не испортилась погода, Катя решила, не откладывая, съездить в домстар. В одном из западных секторов труппу с экскурсией свозили на старинный завод по производству шампанских вин. Вся продукция завода поставлялась на Остров Высших, но их угостили вином и даже разрешили приобрести по несколько бутылок. Катя накупила подарков и сладостей и рано утром, едва рассвело, первым рейсом вылетела в ближайший от домстара городок. Прилетела удачно: успела на первый рейс речного судёнышка, обслуживающего домстар. В начале второй половины дня уже была на месте.

Женщина первой увидела её, сходящую по трапу, и громко позвала:

– Катя! Катя!

Клонясь под тяжестью сумки на один бок, Катя выбралась из толпы и направилась к ним.

– Как мы рады видеть тебя!

Лица всех троих сияли радостью. Доктор забрал у Кати сумку:

– Ого! Что ты туда наложила?

– Пока секрет, – лукаво улыбнулась.

Подожли к гостинице.

– Номер я тебе заказал.

Чтобы не толпиться в вестибюле гостиницы, присели на скамейку перед входом.

– Осенью здесь так хорошо! – воскликнула Катя, оглядывая, обступающие со всех сторон, освещённые солнцем деревья в осеннем уборе и клумбы поздних хризантем.

– В нашей школе лучше... – грустно произнёс Доктор, остро чувствуя, как он стосковался по школе, по детскому гомону, по бесконечным школьным заботам. – Когда ты там была в последний раз?

– Давно. Но перед гастролями ко мне приезжала старшая мамочка, расспрашивала о вас, говорила, что вас все помнят, передают приветы и пожелания здоровья.

– Спасибо, Катя. Не забудь поблагодарить её и передать всем мои добрые пожелания.

Вечером пригласили друзей – Администратора и Преподавателя, и в комнате Доктора устроили пирушку. К кровати придвинули стол, принесли из холла стулья, в буфетной столовой взяли красивые бокалы и блюдо под привезённый Катей торт. Тесно уселись за столом. Преподаватель разлил шампанское, поздравил с праздником – посещением их Катей, воплощением молодости, красоты и свежести. Не спеша, дегустируя, выпили. Вино было превосходным, никто такого раньше не пил.

Администратор предложил сходить в поход к озеру в заповеднике, с ночёвкой в домике на его берегу. Предложение весёлой компанией было принято на «ура» и, чтобы не терять золотые деньки, решено было отправиться, не откладывая, завтра же.

Утро ушло на сборы, в поход выступили только после обеда. Когда дошли до места, солнце уже склонялось к верхушкам деревьев, в неподвижной глади озера отражались позолоченные закатными лучами небо и длинные тени деревьев, обступивших берега.

Все проголодались, сразу принялись хлопотать об ужине, однако, обнаружилось, что солнечные батареи разрядились и плита не работает, а освещение тусклое, в полнакала. За дело взялся Администратор, и через полчаса на перекладине между двумя вбитыми в землю рогадинами над небольшим костерком закипел чайник. Доктор и Преподаватель таскали хворост, женщины под навесом накрывали на стол. Ужинали когда солнце уже село. От озера тянуло свежестью, в неподвижном воздухе ощутимо пахло прелой листвой. Лес погрузился в глубокую первозданную тишину.

Протянув руку через проход между кроватями, и осторожно трясая за плечо, Женщина с трудом разбудила Катю.

– Катя, проснись, – испугано шептала. – У нас кто-то ходит...

– Где? Кто? – подскочила на кровати Катя, со сна не соображающая, где находится.

– Прислушайся...

Сначала было тихо, а потом, громко топая, кто-то пробежал по комнате.

– Наверно, кабан... Он давно бежит...

Послышалось громкое сопение и как будто даже похрюкивание.

– Забрался под мою кровать... Вдруг прыгнет?! – испугано шептала Женщина.

– Надо посмотреть...

– Не вставай!.. набросится!.. Дождёмся утра...

Женщины шептались, а по комнате, не таясь, по-хозяйски расхаживал зверь.

– Надо прогнать!

Храбрая Катя босиком добежала до двери, распахнула её, на бегу нажала на выключатель и запрыгнула на кровать. Никого. Осторожно свесилась, заглянула под обе кровати. Под своей увидела что-то тёмное. Протянула руку, прикоснулась, отдёрнула:

– Ай!

– Что! Что! Укусил?! – всполошилась Женщина.

Повалившись поперёк кровати, Катя, еле выговаривая, хохотала:

– Ёж..., Ёж...

Женщина недоверчиво посмотрела, заглянула под кровать, потом схватила полотенце и, низко наклоняясь, оттуда выкатила колючий клубок, завернула его в полотенце и выкинула за порог. Захлопнула дверь, уселась на кровать и тоже засмеялась.

– Кабан... , злой кабан, – стонала от смеха Катя.

В домике с дощатыми перегородками было всё слышно, и вскоре на пороге их комнаты появился помятый со сна, кое-как одетый Доктор.

– Что у вас случилось?!

– Ёж... , – еле выговорила Женщина.

– Кабан... , – хохотала Катя.

Все проснулись, искали ежа, но тот сбежал. Утром проспали. Разбудил Администратор, вернувшийся с рыбалки. Он прилёг поспать, остальные принялись чистить рыбу, разводить костёр, варить уху. Пока женщины сутились у костра возле ухи, под навесом над столом появился большой рисунок: две уморительно смешные, босые и растрёпанные женщины с криком: «Кабан! Укусит!» – убегают от перепуганного, со стоящими дыбом иглами, маленького, симпатичного ёжика, улепётывающего от них в противоположную сторону.

После обеда бродили по лесу. Набрали белых грибов, пожарили их над костром. Вечером выпили последнюю бутылку шампанского и уселись играть в карты, а Кате не хватило партнера, и она ушла под навес и сидела там в темноте. Ощущая душой осеннюю грусть увядания природы, она тихо пела. Игроки прислушивались. Наконец Преподаватель не выдержал, предложил:

– Может быть, тоже посидим на воздухе?

– Сдаётся? – победно воскликнула Женщина, игравшая в паре с Администратором. – Признавайте своё поражение!

– Какое поражение?! О чём речь?! – делано изумился Доктор, всегда играющий плохо. – Объявляется временное перемирие!

Преподаватель присел за столом под навесом, стал негромко – вначале подлаживаясь, а потом более уверенно – подпевать. Катя подсела к нему поближе. У Преподавателя оказался приятный голос и хороший слух. На два голоса они пели одну песню за другой. Другие тоже попробовали подпевать им, но, почувствовав, что портят пение, умолкли и слушали. Доктор расслабленно сидел на лавке, прислоняясь к стене дома и положив руку на плечо сидящей рядом любимой женщины, и про себя повторял: «Ах, как хорошо... , как хорошо...» Настоящее счастье всегда простое и бесхитростное... .

Вечером следующего дня проводили Катю. Не уходя в салон судна, она стояла на корме, и, пока судно не скрылось за излучиной реки, они видели белое пятно её свитера.

* * *

Вернувшись из домстара, Катя по видеосвязи связалась со старшей мамочкой, сообщила, что виделась с Доктором, и попросила её приехать помочь ей выбрать мебель. В первый же выходной день мамочка, всегда с готовностью откликающаяся на её просьбы, приехала, и они отправились в мебельный салон покупать новую мебель, взамен выданной бесплатно, когда они с подружкой после окончания школы поселились в этой квартирке, и где, после замужества подружки, она осталась жить одна. Теперь у неё появились средства на то, чтобы заменить мебель новой более дорогой. В магазине они долго изучали каталоги, рассматривали образцы и, наконец, приобрели мебельный гарнитур. К вечеру служба быта старую мебель увезла, привезла и расставила новую. После того, как они с мамочкой по местам повесили картины и, вдоволь, налюбовались новым интерьером, Катя предложила:

– Такую покупку нужно отпраздновать!

Спустилась в столовую, заказала в квартиру ужин на троих, купила вина, пригласила соседа-художника, и они весело попиروвали.

Ночевать старшая мамочка осталась у Кати. Разложив новый удобный диван, они улеглись вместе, и Катя подробнейшим образом рассказывала жадно слушающей мамочке, как интересно и весело погостила в домстаре, с эгоизмом молодости не замечая её страданий при восторженных отзывах о любимой женщине Доктора, пока, в конце концов, мамочка, не выдержала и прервала:

– Расскажи, где была на последних гастролях.

С замужеством подруги их дружба не прервалась. У подруги подрастала дочка. Вернувшись из поездок, нагруженная игрушками Катя отправлялась в гости в семью подруги, и с удовольствием возилась с малышкой: носила на руках, играла, рассматривала с ней картинки, помогала матери кормить и укладывать спать.

– Пора тебе, Катя, выходить замуж и родить своего ребёночка, – говорила подруга.

– Пора, – соглашалась. – А за кого?

– За того, кого любишь.

– Никого я не люблю..., – вздыхала, – наверное, и не полюблю... никогда.

– Так-таки никто и не нравится?

– Почему? Многие нравятся...

– Вот и выходи за того, кто нравится больше всех. Зря ты не пошла за нашего школьного друга. Я недавно видела его: идёт с малышом, весь сияет. Поговорили с ним, тебя вспомнили. Говорит – счастлив.

– Он был другом Георга...

– Пора забыть! Прошлого не вернёшь.

Она жила жизнью интересной, насыщенной: концерты, разъезды, новые знакомства в различных секторах Мира Абсолюта, посещение там театров, экскурсии, весёлые пирушки. Было много друзей и поклонников, некоторые помнили её ещё по выступлениям в ДРВ и стремились встретиться при её возвращении в родной город, но она никого так и не смогла полюбить, однако не отказывалась от мысли иметь семью и обязательно родить ребёнка. Согласно закону о «Сохранении элитного генофонда в касте Э», чтобы не допустить нежелательного генного сочетания у новорождённого, девственность невесты считалась необходимым условием для получения разрешения на брак с правом иметь ребёнка. Закон преследовал цели сугубо практические, но соблюдение его выработало в людях элитной касты целомудренно-ответственное отношение к рождению ребёнка.

То, что труппа выдвинута на отборочный конкурс для выступлений перед представителями Высших во время зимнего горнолыжного сезона, было воспринято с воодушевлением, как лестное почётное признание её мастерства, но те, кто помнил выступление хора перед Высшими в кафедральном соборе города-музея, отнеслись к этому настороженно.

Начались бесконечные репетиции. Ожидали приезда отборочной комиссии. Наконец, прибывшая комиссия придирчиво прослушала репертуар и объявила, что все номера включены в программу выступлений. Жители города поздравляли, гордились ими.

Катя поспешила поделиться радостью с Доктором, и несколько дней подряд пыталась связаться с ним, но он не отвечал на вызов. Тогда, за дополнительную плату, она узнала номер связи с Преподавателем. Тот сообщил, что тяжело больна Любимая Доктора, и он неотлучно находится при ней. Съездить в домстар возможности не было; она уехала, так и не поговорив с Доктором, но надеясь, что свяжется с ним из горнолыжного курорта.

Разместили артистов просторно, с большим комфортом. В их распоряжение был отдан целый горнолыжный комплекс. Свободное от репетиций время они катались на лыжах и коньках.

Разбили на небольшие труппы, и, согласно графику выступлений, сменяя друг друга, они летали в горнолыжные курорты Высших. Прилетали с небольшим запасом времени, чтобы только успеть перед выступлением переодеться, а улетали сразу после концерта и, фактически, ничего, кроме концертных залов не видели и с Высшими не общались. Концертные залы по архитектуре были различны, каждый уникален, но все поражали роскошью и обилием живых цветов среди зимы. Публики на концерты собиралось мало, да и та вела себя «чрезмерно раскованно», – так деликатно называли артисты её поведение: во время концерта пересаживалась с места на место, а иные разговаривали, повернувшись к сцене боком, и отрывались от разговора только, чтобы снисходительно похлопать. Такое отношение вызывало недоумение с оттенком обиды, однако, вслух высказать его никто не решался. После выступлений, артисты спрашивали у своих руководителей, как они считают: понравился ли концерт? Те пожимали плечами:

– Что вы хотите – это же Высшие! У них утончённый вкус, перед ними и не такие как мы выступали, не нам чета... Надо стараться...

Но когда сезон закончился, и каждого уезжающего с курорта Высшего, попросили оценить программу отдыха, все они, даже те, кто не посетил ни одного концерта, оценили концертную программу на «отлично».

А поговорить с Доктором Кате не удалось: в горнолыжном комплексе, где проживали артисты, был установлен режим изоляции, и выходить на связь с кем-либо артистам не разрешили.

Глава шестая

Судьба вновь соединила их лишь для того, чтобы, вскоре, разлучить навеки. А может быть, для того, чтобы потом, в жизни вечной, они уже не разминутся никогда...

Всё началось со слабого покашливания. Он настоял, чтобы она обратилась к врачу. Обследование выявило тяжёлое заболевание. Лечение не давало результатов, ей становилось всё хуже. Она лежала в отдельной палате, а он неотлучно находился рядом и бросался исполнять все её желания. Он донимал врача, заискивал, умолял применить ещё какое-нибудь лечение.

Прошёл месяц, её состояние ухудшалось. Она уже не вставала, лежала беспомощная, беззащитная.

В обществе Мира Абсолюта считалось неприличным продолжать жить при тяжёлом состоянии здоровья. Законом было установлено, что человек имеет право на лёгкое умирание. Ответственность за исполнение закона и право на принятие решения «о достойной смерти» – эвтаназии, возлагалось на врачей.

Её перестали лечить. Медперсонал был раздражён, но ничего нельзя было сделать: больная изо всех сил цеплялась за жизнь, а рядом с ней неотлучно находился Доктор. Он сидел на стуле рядом с постелью, держа её руку, а если ненадолго отпускал, больная начинала беспокойно шевелить пальцами, двигать рукой по постели – искала его руку. Вся связь с жизнью и миром, который, постепенно делался всё более чуждым, для неё сосредоточилась в его руке.

Однажды, он почувствовал слабое шевеление её пальцев в своей ладони. Преодолев дремоту, посмотрел в лицо. Глаза, ставшие огромными, её милые и дорогие глаза, смотрели на него осмысленно и внимательно, губы шевелились. Привстал со стула, склонился, пытаясь расслышать, что она говорит, но разобрать ничего не смог.

Больше она не приходила в себя и вскоре умерла. Измученному страданием и бессонницей Доктору ввели успокоительное, и он провалился в долгий, тяжёлый сон. Когда проснулся, её тело уже увезли в крематорий. Чтобы смерть не омрачала минуты живых, покойников в крематорий увозили по ночам.

* * *

...Жизнь лишилась смысла. Каждой клеткой своего существа ощущая глубокое неизбывное горе, Доктор долгими ночами в одиночестве, без мыслей, оцепенев, сидел за столом. В смутные тоскливые предрассветные часы ложился в постель и забывался в полусне-полубреде.

Приехала Катя. Её присутствие несколько отвлекло его, облегчило существование, но с её отъездом тоска опять навалилась; тоска по умершей, тоска по минувшему, ушедшему, страх и тоска перед лицом надвигающейся старости и смерти,

...Как-то, когда ночь уже перевалила на вторую половину, он с исстрадавшейся душой находился в лоджии. Перед ним под снежным покровом спала земля; отступив от здания, стеной стоял зимний прозрачный лес; ласково и утешительно мерцали звёзды на небе, а луна, освещающая землю светом призрачным, потусторонним, уже склонялась к горизонту. Казалось, весь мир был исполнен печали, нежности и любви. И он вдруг почувствовал такую близость к природе, что заплакал от умиления. Внезапно, он ощутил мгновенное, до самых глубин естества озарение – Бог есть. В этот миг он ясно почувствовал Его таинственное присутствие. И Бог – это любовь. Только с любовью могла быть создана такая красота мира. Если бы мир был построен по закону разума, то для целесообразного исполнения определённых функций было бы достаточно одного-двух видов деревьев, трав, насекомых, зверей, птиц, рыб. Создать такое обильное, щедрое, расточительное разнообразие жизни могла только любовь. Красота – это одно из выражений любви Бога. Сам земной мир свидетельствует о Боге-любви, а предназначение людей – служить Ему и созданному Им миру.

Состояние светлого потрясения не оставляло Доктора. Настроение его стало переменчивым: на смену безысходной скорби и ощущению своей незащитности перед жизнью, приходило радостное изумление окружающим миром. Никогда ещё он не испытывал такой полноты ощущений, никогда раньше он так глубоко не понимал чувства и побуждения других людей.

Пришла весна. На опушках зазеленела трава, на деревьях лопались почки, всё оживало. С восторгом и умилением Доктор рассматривал первый найденный цветок подснежника, радовался отчаянному, напористому жужжанию случайно залетевшей в лоджию большой зелёной мухи и чириканию воробьёв на ветках. Созерцание для него стало способом соединения души с природой, со всем миром.

Неожиданно, не предупредив, приехала Катя. Тревога не оставляла её после того, как в прошлое посещение она застала Доктора в состоянии отчаяния, и, как только появилась возможность, она приехала. Он обрадовался, но не удивился, сказал:

– Это Бог послал мне радость.

Катя приехала утром, но уже вечером, последним рейсом, ей нужно было возвращаться.

– Катя, так много мне открылось важного, так много нужно тебе объяснить... Жаль, что я не объяснил тебе этого, когда ты была маленькой, но я и сам не понимал ничего, – уже при встрече сказал взволнованно.

Они гуляли по лесу. Вышли к поваленному зимней бурей дереву и сидели на нем среди обступивших деревьев, покрытых блестящей нежной молодой листвой; приятно пригревало солнце. Доктор долго и сбивчиво говорил, делясь новым знанием, верой в Бога-любовь. Рассказал, как ему открылось это знание и как, оказывается, прекрасен мир, если душа полна любви к нему.

– Я утомил, наверное, тебя, – наконец, сказал конфузливо.

– Конечно, нет! – заверила горячо. – Но это так сложно... – добавила.

– Просто, совсем просто! Только понять нужно сердцем! – произнёс с жаром.

К его радости, она задумчиво и серьёзно ответила:

– Я не совсем поняла. Но очень хочется в это верить...

Она видела, как Доктор переменялся: смотрит ласково и восторженно, на глаза часто набегают слёзы, стал излишне, до услужливости, предупредителен, и каким-то совершенным простецом. Она привыкла, что он всегда окружает заботой её, теперь же ей хотелось заботиться о нём.

Доктор всё более проникался ощущением всеединства мира, грозного величия жизни и чувством любви к Богу-создателю всего сущего. Мысль, что он обязан объяснять это другим, завладела им всецело. Все знания, накопленные в течение жизни, теперь ему казались ничего несостоящими, в сравнении с вновь открывшимся, и он благодарил Бога за дарованное прозрение.

Он стал общителен, разговорчив. Любой же разговор переводил на разговор о Боге-любви, лицо его при этом делалось ласковым и добрым. Вначале его слушали с вежливым вниманием, потом он стал казаться назойливым чудачком. Он винил себя, что недостаточно убедителен, и поэтому его не понимают, отказываются слушать.

Не желая того, Доктор нажил недругов. Однажды, находясь на веранде, когда там было много народу, он, не без умысла, затеял спор с учёным-биологом, всю свою жизнь посвятившим выведению различных видов биороботов.

Для крупных учёных существовали в высокой степени комфортабельные домстары закрытого типа. Этот же учёный, хотя служил науке верно, с полной отдачей сил, открытий не совершил, и потому, когда пришло время, был помещён в домстар открытого типа. Но, попав из привилегированного Академгородка в обычный домстар, где, к тому же, проживали и представители массовой касты, он почувствовал себя глубоко уязвлённым. Держался он со всеми высокомерно, ни с кем в домстаре не дружил. Как и большинство учёных, его мало волновало то, что не имеет отношения к чистой науке. Чувство снисходительного превосходства к не принадлежащим к их сословию, было присуще всем работникам науки Мира Абсолюта. Утверждение Доктора, что первоосновой жизни является любовь, а не разум и логика, и, что разум, если он не руководствуется любовью, способен причинить только вред, вызвало в душе учёного столь непримиримую неприязнь, что при каждом случае он стремился уязвить и высмеять Доктора.

Другим непримиримым врагом Доктора стала женщина из массовой касты. В один из вечеров Преподаватель, отправляясь на чаепитие, пригласил с собой и Доктора. На этот раз тот не отказался, только спросил:

– Удобно ли без приглашения?

– Они будут польщены. Но нужно взять с собой что-нибудь вкусное к чаю.

Встретили их радушно. В холле, из принесённых из комнат небольших столов, составили один общий. Установили кипящий самовар и вазочки с купленными в складчину пирожным, печеньем, конфетами. Все чувствовали себя свободно и расковано, вели себя непринуждённо. Мужчины и женщины уселись попарно. Говорили, смеялись, и было шумно. Одетые кричаще и ярко накрашенные, старые морщинистые и ещё вполне молоджавые женщины кокетничали направо. Мужчины были галантны, остроумны, их шутки и острооты – грубые и незатейливые – вызвали громкий смех. Холодно-отчуждённое отношение окружающих уязвляло выходцев из касты М и, как бывает в таких случаях, сплывало.

Задавала тон и распоряжалась всем, в прошлом административный руководитель, женщина властная, самолюбивая. Она усадила Доктора рядом с собой и, стараясь завладеть его вниманием, много говорила. Ей хотелось, чтобы все видели, что она может вести беседу и вполне соответствовать людям элитной касты. Когда она, жеманясь, говорила о том, что нужно всегда считать себя молодым, тогда и чувствовать себя будешь соответственно, он видел перед собой её сморщенную шею, ярко нарумяненные щёки, следы помады на чайной чашке,

и ему становилось неприятно. На её замечание, что женщины касты Э не следят за собой и не применяют косметику, он деликатно возразил:

– Всеми своё время. И в увядании есть своё очарование. Главное – оставаться естественной...

Покрываясь красными пятнами, женщина внезапно умолкла и отвернулась от него. Она была обидчива, а невинное замечание Доктора задело её.

Психиатр домстара, женщина по природе любопытная и склочная, считала своим долгом быть в курсе всех настроений и взаимоотношений между жителями домстара. На консультациях она у пациентов выспрашивала обо всём происходящем в домстаре и, когда находила нужным, требовала от администрации принятия мер. Женщина касты Масс, считающая себя оскорблённой, при случае, пожаловалась ей на Доктора. Та начала наводить справки, расспрашивать о нём. Наконец, вызвала Доктора на внеочередную консультацию и сама завела речь о Боге-любви. Не чувствуя подвоха, а только видя перед собой заинтересованного, внимательного слушателя, он говорил живо, горячо. Она всё выслушала и холодно спросила:

– Как вам в голову могло прийти, что миром правит не Высший Разум Абсолют, а какой-то Бог-любовь?

Он растеряно умолк.

Психиатр доложила главному врачу о якобы невменяемости Доктора и поставила вопрос об эвтаназии.

– Но он же совершенно здоров и ещё не прожил у нас гарантированные законом пять лет, – слабо возразил главврач.

– Поведение его представляет угрозу спокойствию домстара. Вспомните: по его вине мы уже нарушили «Закон о культуре смерти», когда умирала его..., – замялась, подбирая слово, и презрительно закончила, – пассива... Вы послушайте его бред: «мир создал Бог-любовь»! Он отрицает главенство разума! Не хватало ещё, чтобы в нашем домстаре свила гнездо секта божников!

Главврач посмотрел с недоумением: о существовании таких сект он не знал. В раздумье прошёлся по кабинету. Ему тоже докладывали о необычных высказываниях Доктора, но он счёл их безобидным чудачеством, однако, он и сам опасался психиатра.

– Подготовьте обоснование, – проговорил неохотно.

Внезапная смерть Доктора привела в смятение обитателей домстара. Все как-то притихли, говорили осторожно, с опаской; не собирались шумными компаниями на веранде; выходцы из касты М перестали сходить на общие чаепития.

Вызванная Преподавателем, приехала Катя. Пока ехала, не могла поверить в смерть Доктора, ведь, не так давно, она видела его крепким и даже весёлым. Ей казалось, что это какая-то ошибка, и, когда приедет, увидит его на пристани среди встречающих. Когда судёнышко причалило, заметила на берегу Преподавателя, а сама глазами всё искала Доктора. Подошёл постаревший, ссутулившийся Преподаватель, сказал, что хочет передать последние записки Доктора и, может быть, она возьмёт на память что-нибудь из его вещей. Молча, дошли до корпуса.

Вещи, сложенными, лежали на столе в комнате Преподавателя. Катя перебрала их, откладывая в его пользование носки, полотенца, рубашки. Себе взяла только две общие тетради с записями, запонки и красивый футляр с заколкой для волос. Открыла футляр, рассмотрела заколку: ничем не примечательная, она, как будто где-то видела такую же. Подумала, что, по видимому, заколка эта принадлежала Любимой женщине Доктора.

Спросила, можно ли сходить в комнату Доктора. Прошли к дежурной по этажу, взяли ключ, открыли. Катя вошла, остановилась, огляделась и только тут поверила, что Доктора

больше нет на свете. Комната стала чужой и холодной, в ней уже не чувствовалось его присутствие. Слёзы лились из глаз. Неприкаянно постояла посередине комнаты, потом, как бы прощаясь, провела рукой по подушке на кровати, по столу; присела в кресло и гладила подлокотники. Вошёл Преподаватель, поднял за плечи и вывел из комнаты.

* * *

Старшая мамочка корпуса «Малышка» проверила, все ли дети после обеда уснули, а когда спускалась по лестнице на первый этаж, увидела стоящую у окна в холле Катю, и заспешила к ней.

– Катя, дорогая девочка, как же я тебе рада! Рассказывай: здорова ли? Давно ли была у Доктора?

– Доктор умер, – заплакала Катя.

Мамочка молча, как-то по-птичьи, не мигая, уставилась на неё, всё более бледнея.

– А-а-а-а! – вдруг громко, по-бабьи застонала, и стала валиться на бок.

Известие о смерти Доктора быстро разнеслось по школе. Директор собрал коллектив учителей. Память Доктора почтили минутой молчания. Многие плакали.

После переполоха, случившегося из-за её обморока, старшей мамочке на три дня дали отпуск. Она приехала к Кате и все три дня жила у неё. Они вместе укладывались на широкий Катин диван и, не в силах уснуть, долго вспоминали Доктора и прошедшие, такие счастливые, годы. Мамочка жаловалась, что без него в школе всё меняется в худшую сторону: курс психологической адаптации к детям применяют без разбору, и не стало прежнего порядка; отменены, введённые Доктором, школьные праздники. В конце концов, Катя засыпала, а мамочка до рассвета лежала без сна: донимала боль в груди.

Утром Катя торопилась на репетицию, а мамочка, не привычная к безделью, оставшись одна, стирала, штопала и готовила обеды. За эти дни они очень сблизились. Как память о нём, Катя подарила ей одну из запонок Доктора.

Утром четвёртого дня Катя провожала её до посадочной площадки. Низенькая мамочка тяжело опиралась на её руку, горбилась, шаркала ногами. Прощаясь, с тяжёлым вздохом попросила:

– Катя, не забывай меня. Навещай, хоть иногда.

* * *

После смерти Доктора Катя жила с постоянным ощущением в душе холода и тревожного беспокойства. Однажды попала под дождь с пронизывающим ветром и сильно простудилась; несколько дней перемогалась, но всё-таки вынуждена была обратиться к врачу. Обследованием было выявлено резкое снижение иммунитета и нервное расстройство.

Лечебница находилась на окраине города. В просторных кабинетах множество диагностической и лечебной аппаратуры, светлые холлы, широкие коридоры, по которым прогуливались малочисленные больные. Среди них в первый же день обратила внимание на девушку возрастом немного старше её самой. Обычная девушка – аккуратная, приятная, миловидная; из всех её выделяло не сходящее с лица страдальческое выражение. Они познакомились. Девушка эта уже два месяца лечилась от депрессии, случившейся после того, как её принудительно избавили от беременности и стерилизовали за то, что решила обзавестись ребёнком вне брака. Рассказывая об этом, девушка плакала, и, вообще, глаза у неё постоянно были на мокром месте.

В курс лечения входили и развлекательные мероприятия. Один раз в неделю в лечебницу с концертом приезжали артисты, а в конце Катиного лечения состоялась экскурсия в соседний городок касты Э – НГЭ-1, в Академгородок, где в неограниченных по финансированию уни-

верситетах, проводились фундаментальные научные исследования, обеспечивающие научно-техническое могущество Мира Абсолюта. НГЭ-1 был городом учёных и крупных администраторов, координировавших деятельность промышленных мегаполисов касты Масс. Большинство выпускников технического факультета школы «Луч Абсолюта» поступали в технические вузы этого города.

Электробус колесил по городу; как водится, в достопримечательных местах останавливался, экскурсанты выходили из него, экскурсовод вёл за собой и показывал, рассказывал, а все слушали и осматривали. Город был уютный, чистый. Просторно раскинувшись по берегам горной реки, выше по течению которой находился их город НГЭ-2, НГЭ-1 живописно вписывался в холмистый ландшафт; дома не выше семи этажей, коттеджи среди садов, много цветов – всё очень походило на их родной город. Посетили экскурсанты и лабораторию со сложнейшим научно-техническим оборудованием.

В завершение экскурсии было дано два часа свободного времени. Многие направились в кафе и кондитерские, а новая знакомая позвала Катю за собой. Вела она уверенно, как будто знала город; несколько раз они сворачивали с одной улицы на другую. Найдя нужное здание, знакомая сказала, что пусть Катя никому не говорит, но она не вернётся домой, и если Катя тоже хочет уехать, то здесь находится пункт по вербовке в другие секторы Мира Абсолюта. Девушки вошли в здание. В вестибюле на стенде висело объявление, в каком секторе требуются работники.

Они читали объявление, когда вдруг за их спинами раздался голос незаметно подошедшего мужчины:

– Вам, что – не нравится наш город?

Новая знакомая, отчего-то испугалась, отошла от стенда, быстро пошла по длинному коридору и завернула за его угол. Мужчина рассматривал Катю внимательно, с подозрением, а она растерянно стояла, поджидая девушку, но та всё не возвращалась. Не дождавшись, направилась на выход. Шла медленно, оглядывалась, надеясь, что знакомая догонит, но та так и не появилась. Уехали без неё.

Часть четвертая

Глава первая

Прошло два года. За это время концертная труппа побывала в Северном и Центральном секторах Мира Абсолюта. Вернувшись в родной город, в ожидании новых гастролей артисты ждали решения куда, в какие края поедут в этот раз и усиленно репетировали.

Новая заявка на гастроли удивила и вызвала недоумение. Особенность состояла в том, что, кроме городов элитной касты, предстояло дать концерты и в некоторых мегаполисах касты М. О предстоящих гастролях было много разговоров, но, в конце концов, все в труппе сошлись во мнении, что будет интересно увидеть иной мир, иных людей. Было невдомёк, что с участием гастролей труппы, идеологами Мира Абсолюта проводится некий проверочный эксперимент.

О том, что труппе нужен художник-оформитель, Катя сообщила соседу, и тот сразу же обратился к руководству с просьбой включить в неё. И руководство труппы в его лице, не ожидая того, обрело помощника, как никто, умеющего всё устроить, обо всём договориться. Особенно пригодились эти его способности во время гастролей в мегаполисах массовой касты. Люди, робеющие перед представителями элитной касты, с простым в общении художником чувствовали себя непринужденно.

Между Художником и Катей уже давно установились дружеские, лёгкие, ни к чему не обязывающие отношения. Не раз он просил её позировать. Она же, смеясь, неизменно отказывалась:

– Не хочу, чтобы меня изобразили в виде абстрактного пугала.

– Ну, что можно создать в элитной касте, если единственный способный чувствовать человек и тот не желает позировать, – полушутя сетовал Художник.

Гастроли в касте М были расписаны на два месяца. В мегаполисах труппа выступала на самых больших сценах, и аншлаг был полный. Но публика заполняла залы не для того, чтобы насладиться музыкой, а чтобы, при случае, можно было похвастать, что был на концерте, видел элитных, но ни то, ни другое не понравилось. Людям, с малых лет воспринимающим музыку только как грохот эстрады и вульгарные непритязательные песенки, никогда не слышавшим классическую музыку, симфонии и инструментальные концерты казались нагромождением звуков. Публика, не способная оценить бельканте, слушая арии из опер и хоры, сучала. Кате было предложено спеть несколько песен из её репертуара исполнения в ДРВ, но и эти песни успеха не имели. Тогда, посоветовавшись, руководство труппы выбрало несколько наиболее пристойных песен из репертуара касты М и поручило молодым исполнителям разучить их. Исполнение «туземных песенок» – так называли их сами исполнители – в конце программы, когда публика уже томилась ожиданием окончания концерта, было столь неожиданным и контрастным по отношению к предыдущим номерам, что им с бурным восторгом долго хлопали и не отпускали со сцены.

Города-мегаполисы ошеломили гигантскими размерами и однообразием. Построены они были на равнинных местах. На громадных пространствах, расчерчивая на одинаковые квадраты, перпендикулярно друг другу тянулись бетонно-асфальтовые сумрачные каньоны улиц. Длинной от одного перекрестка до другого, высотные дома были похожи на громадные кирпичи без каких-либо архитектурных украшательств – прямые углы, плоские поверхности. Внутри каждого квадрата пункт водоснабжения, тепловый пункт с котельной и отходящими от него заи-

золированными трубами, здание прачечной, небольшой спортивный зал с огибающими его беговыми дорожками и либо здание детского сада, либо столовый комбинат. Дворы полностью заасфальтированы и забетонированы, и только возле стен домов, как что-то здесь чуждое, – чахлые кусты. Средства передвижения по городу – подземное метро и сходящиеся к его станциям движущиеся посередине улиц ленточные транспортные дорожки.

В центре каждого мегаполиса – возведенный на холме Храм Абсолюта, архитектурой, позолотой купола, мрамором стен и колонн, красотой витражей в окнах, резко контрастирующий с бетонно-асфальтовым окружением.

Там же, в центре мегаполиса, на десятки тысяч зрителей массивный квадратный голографический театр с зеленым высоким куполом. Неподалеку от него большое здание Дворца Симпозиумов со стеклянными стенами и просторно раскинувшийся спорткомплекс. А на берегу неширокой реки любимое место горожан – оазис живой природы, обширный парк с аллеями деревьев, клумбами и прудами.

Повсюду – над входами в учреждения, над балконами жилых домов, над местами посадки на транспортные дорожки, при входе в метро и флюгерами вращающиеся над торчащими выше жилых домов трубами котельных – флаги, но не белые шелковые полотнища с золотой Звездой Абсолюта, развевающиеся в касте Э, а белые щиты с нарисованной Звездой.

Со всех сторон мегаполисы окружали заводы, фабрики склады, базы хранилищ. Направляясь туда утром, а вечером возвращаясь, людские потоки шли по улицам, стеной стояли на движущихся дорожках, эскалаторах и в вагонах метро. Мегаполисы в эти часы походили на развороченные гигантские муравейники.

Чтобы поближе ознакомиться с жизнью жителей мегаполиса, артисты побывали в показательном молодёжном общежитии: комнаты на три-пять человек, общие удобства в конце коридора, в подвальном этаже – комната отдыха, кинозал и спортзал; на первом этажа столовая, как и все в городах М, стандартная: цементный пол, широкие окна, ряды разноцветных пластмассовых столиков со стульями, ажурная пластиковая стенка, отделяющая от столового зала механизированную раздачу. Без выбора блюд, стандартные завтраки, обеды и ужины, приготовленные из искусственных или консервированных продуктов, обильно сдобренных вкусовыми добавками.

Проживающим в небольших, уютных, утопающих в зелени городах, выходцам элитной касты мегаполисы касты М показались угнетающе безликими и однообразными, к тому же их мучила постоянная головная боль от запахов дезодорантов и пластиковой гари, сочащейся из высоких труб котельных. Раздражало и коловращение многолюдных масс на улицах, а люди, по-клоуновски раскрашивающие свои лица, казались смешными и непонятными. Здесь было смешение всех рас, но и угольно-чёрные, и жёлтые, и белые были неуловимо похожи между собой: одинаково ходили, слегка выворачивая на стороны колени, одинаково говорили, протяжно произнося конец фразы, одинаково глядели – или откровенно бесцеремонно или, скользя взглядом, не замечая; одинаково громко, как-то вызывающе, смеялись и все не имели понятия об уступчивости, деликатности, терпимости, вежливости, как это понималось это в элитной касте. Казалось, что с этими людьми у них общий только язык, да и тот, из-за насыщенности сленгом, они понимали с трудом. Уже через месяц все в труппе с нетерпением ждали конца гастролей.

Художник, хотя и соглашался с мнением товарищей, но был более снисходителен. Во всё время пребывания в мегаполисах он испытывал какое-то внутреннее напряжение, необычайный творческий подъём; здесь ему почему-то – самому не понятно, нравилось. Вместо сумрачных жилых районов-квадратов – плоских и прямоугольных, в его воображении поднимались залитые светом гигантские районы-пирамиды из каскадно поднимающихся домов. На их кры-

шах под прозрачными кровлями сады-оранжереи, воедино соединенные перекинутыми между домами ажурными мостиками. Вместо уныло-прямолинейных улиц представлялись радиальные улицы, соединяющие районы-пирамиды и широкие кольцевые проспекты с движущимися по ним транспортными дорожками со сходами непосредственно к подземным поездкам метро. На месте забетонированных площадей возле спусков в метро, воображение рисовало просторные площади с цветниками и скверами, где среди живой зелени возвышаются монументальные скульптуры или живописные фонтаны из водных струй и причудливых цветов-блюм. Вместо полутемных длинных и низких уличных подземных переходов – закругленные лестничные спуски, с высокими сводами и стенами, украшенными мозаикой и барельефами. И везде веселые, нарядные, приветливые люди.

Испытывая острое желание работать, творить, он исчертил два альбома набросками, сознавая, что они не понадобятся ни здесь, ни в элитной касте. Ему не дано было знать, что в другой части планеты, в Мире Великого Востока, в светлых прекрасных городах среди множества воплощенных гениальных проектов есть и сходные с его идеями и мечтами.

* * *

В первые же дни гастролей массовой касте Художник близко сошёлся с девушкой по имени Ханума. Как-то Ханума пригласила Художника и Катю к себе домой. Подъезд дома, где она жила, удивил убожеством: маленький вестибюль, цементный пол, крашенные стены, длинный узкий коридор с множеством разноцветных пластиковых дверей, тусклое освещение

Художник принёс с собой сладости, напитки и лёгкое вино. Они с девушкой хлопотали в кухне-прихожей, готовя закуску, а Катя была оставлена в комнате.

С недоумением она рассматривала жилище, в подобном которому жили миллионы людей. Здесь можно было спать, есть, привести себя в порядок, но жить в том смысле, как это понимали люди элитной касты – с ощущением надежности и защищенности, получая удовольствие от комфорта и обладания не функциональными, но приносящими радость любимыми вещами и принимать гостей – так жить здесь было невозможно. Здесь нельзя было даже отдохнуть в одиночестве: в личной жизни постоянно присутствовало телевидение. Как только вошли в дверь квартиры, автоматически включилось телевидение и зазвучала ритмическая музыка. Звук нельзя было приглушить, но можно было выключить телевидение полностью; однако, оплата производилась таким образом, что, чем меньше работало телевидение, тем выше был почасовой тариф.

По дороге Ханума сказала, что живёт вдвоём с подругой, а та ушла в ночную смену. Осматриваясь, Катя удивлялась, как в такой маленькой комнатке можно жить вдвоём. Заинтересовали стоящие на полке небольшого формата книги в мягких переплётках. На корешках – фамилии известных авторов. Сняла с полки одну. На титульном листе прочитала: «Полное собрание сочинений». С недоумением перелистала – все произведения автора были представлены в виде пересказа сюжетов. И другие оказались такими же. Ещё на полке стояли толстые, изрядно потрепанные, томики сборников комиксов.

Кухонька представляла собой небольшой закуток без окна, где поместились небольшая плита для разогрева с белой стеной-телеэкраном над ней, а на боковой стене – навесной шкафчик с посудой. Разложив по тарелкам съестное, Ханума и Художник вернулись в комнату. Разместились, с трудом втиснув стол в проходе между кроватями.

Натуральная пицца Хануме не понравилась, показалась безвкусной, не ароматной, о чем она объявила, поморщившись. Катя заговорила о книгах. Ханума оживилась, заявила, что знает великое множество книг и принялась пересказывать новинки – запутанные сюжеты детективов. Катя спросила:

– А книги – те, что на полке, вы тоже читали?

– Не один раз, – последовал ответ. – Назовите автора, и я вам все его книги перескажу.

Катю, большую любительницу вдумчивого чтения, это обескуражило и рассмешило. Стало жаль девушку, любящую читать, но не знающую, что такое настоящая книга, девушку, так старающуюся им понравиться.

Во время разговора, Ханума сорвалась с места, и со словами:

– Какую кнопку нажать? – бросилась к стене-телеэкрану.

Художник и Катя смотрели, не понимая. Не дожидаясь ответа, Ханума нажала одну из трёх кнопок опросного пульта возле экрана. Вернулась на место, пояснила, что им с подругой присвоено звание самых активных участниц опросов их дома, и за это снижена оплата за телевидение.

– Вы что же, все подряд передачи смотрите? – озадаченно спросил Художник.

– Нет. Мы просто по времени следим за концом передач, чтобы не прозевать и нажать кнопку. Однажды я так торопилась домой, чтобы успеть нажать, что упала в коридоре, – залилась смехом, сделавшись очень милой.

От телевизионного шума и запаха, источаемого огромным букетом искусственных цветов, у гостей разболелась голова.

Вышли во двор квадрата, со всех сторон окруженный огромными, примыкающими друг к другу, жилыми домами. Возле домов на разноцветных пластиковых скамейках, поперечными линиями расчерченных на места для одного человека, сидели отдыхающие на свежем воздухе. Прошли мимо близко стоящими зданиями котельной и прачечной, обошли спортплощадку, где занят был каждый пятачок: круглые сутки здесь бегали, прыгали, накачивали мышцы. Людей во дворе было много, но каждый стремился обособиться от других.

Всё, что могло заинтересовать, они осмотрели в первые дни пребывания, и осматривать в Городе стало нечего. В свободные от выступлений вечера Художник, Катя и Ханума прогуливались от гостиницы, мимо Дворца Симпозиумов до парка, и обратно. Как-то на афише Художник вслух прочитал:

– «Конкурс герников! Незабываемое зрелище!» Герники..., герники..., – припоминал значение слова.

– А, грыжники! Это здорово! Пойдёмте смотреть, – тотчас подхватила Ханума.

В заполненном публикой большом зале с подиумом уже шло представление. Возле прохода нашли свободные места.

Под грохот музыки по одному на подиум выходили обнажённые и полуобнажённые мужчины и женщины и демонстрировали тела с гормонально выращенными остроконечными икрами ног, с неестественной формы задами, разных размеров грушевидными грудями, с щеками круглыми, как яблоки, и губами дудочкой вытянутыми далеко вперёд или надутыми, как две сардельки, с носами, узкими и горбатыми, как клювы, или растянутыми по щекам. Словом, какая фантазия пришла человеку на ум, то он, с полным на то правом, и воплотил на своём теле. Согласно ГЗА (свода Главных Законов Абсолюта), тело человека является его главной неотъемлемой собственностью и каждый СГА (Свободный Гражданин Абсолюта) волен распоряжаться им, как хочет, при одном условии – новое лицо он обязан зарегистрировать в полиции.

Публика держалась непринужденно, каждого конкурсанта встречала аплодисментами, свистом, смехом, улюлюканьем. Чем больше понравилось – тем больше шума. После каждого герника-грыжника на подиум выходил кланяться специалист гернитолог, автор-воплотитель образа; ему тоже хлопали и свистели. Конкурсантам на подбородок наносили трудно смываемый почетный знак – фиолетовую извилистую линию.

Людям массовой касты нравилось наносить на лица различные рисунки-знаки: простенькие, такие как кружочки, звёздочки, цветочки, извилистые линии и требующие художествен-

ного мастерства сложные многоцветные рисунки. В каждом шопе можно было приобрести специальные тюбики разноцветных помад.

Художник хохотал до слёз и заразил смехом не только Хануму с Катей, но и сидящих рядом. Наконец, заметив, что на них оглядываются, они покинули зал, но, и, выйдя на улицу, не могли унять смех.

– В нашем городе самые лучшие грызники! – отсмеявшись, хвастливо заявила Ханума, чем вызвала новый взрыв смеха.

– А ты что же отстаешь? – смеясь, спросил Художник.

Нимало не смущаясь, Ханума задрала край кофточки и показала пёструю татуированную змею, кольцом обвившую её пупок. Не замечая их смущения, она со смехом втягивала и надувала живот, отчего змейка шевелилась.

– Наверное, больно было вживлять? – насмешливо поинтересовался Художник.

– Не-а. Моя змея приклеенная, – поправила кофточку.

– А у тех тоже приклеено?

– Нет. Там настоящее, подкожное. Перед конкурсом проверяют.

* * *

Телевидение намертво вросло в жизнь людей касты М. Как работать, отдыхать, есть, спать, ходить, танцевать, причёсываться, умываться, чистить зубы и обувь, наносить знаки на лицо – не было частички быта, в которую не вмешивалось бы телевидение.

Если бы произошло невероятное, – вдруг прекратились телевизионные передачи, люди потеряли бы все жизненные ориентиры, не знали бы, как организовать и чем наполнить свою жизнь. Реальная жизнь без телевизионных подсказок показалась бы им унылой, бессмысленной, и даже нереальной, а это могло привести к всеобщему недовольству. Огромные и небольшие телеэкраны светились везде, где могли находиться люди: на улицах, в общественных местах, во всех помещениях квартир. Техника телевидения достигла такого уровня, что не нужны были специальные телеэкраны – изображение проецировалось на любую белую поверхность. Преклонение перед телеведущими не знало границ. Их улыбки, интонации, телодвижения становились эталоном. Верили им без тени сомнений, ни одно произнесенное с экрана слово, не подвергалось критике, а если человеку что-то не нравилось, но телевидением это было похвалено, то возникало сомнение в своей оценке: «я что-то недопонимаю». Абсы были убеждены, что самые нужные, главные люди не те, кто кормит и одевает, а люди публичные – телеведущие, политики и артисты. А из артистов особенно те, кто развлекает, веселит, смешит.

Многие абсы были большими любителями выделиться хотя бы чем-то, а особенно покрасоваться с телеэкрана, поэтому неизменно популярны были игровые и конкурсные телепередачи. Игры и конкурсы – лёгкие, а призы незначительные, но от желающих не было отбоя. Толпы людей стояли возле студийных павильонов в надежде попасть в телекадр. Неизменно популярна была передача «Сам с собой». В ней показывали поведение человека, когда он остаётся один, без свидетелей. Жизнь поставляла много материала для подобных передач, потому что везде: в лифтах, в подъездах домов, на улицах, в магазинах, в столовых, в общественных туалетах, были установлены видеокamеры, и оператору оставалось только выбирать самое смешное и стыдное. Как-то провели эксперимент: объявили, что в одной из общественных уборных в кабинках с первой по десятую будет проводиться съёмка для передачи «Сам с собой», и тотчас в эти кабинки выстроилась очередь.

Книг в обычном понимании не было, а только лишь их сюжетные выжимки, потому что абсам были чужды описания переживаний героев – вся эта «белиберда и тягомотина», не читали и описаний природы – мир природы был не знаком этим людям. Они фактически были заперты в мегаполисах, и природа ими воспринималась только как смена времён года

и перемена погоды, да как что-то враждебное в виде пронизывающих ветров, ливней, метелей. Неизменно популярны были детективы на шпионские, сексуальные и бытовые темы – эти сказки для взрослых, и, особенно, комедии и мелодрамы на темы запутанности сексуальной ориентации. Попадались эрудиты, знающие массу книг-сюжетов. Престижно было блеснуть знанием новой книги, при этом допускалось разыграть слушателей, выдать за прочитанный сюжет собственную выдумку.

Разговорный язык абсов был крайне беден; например, словом «блюм» определялось вообще все яркое, пёстрое, красивое. Считалось культурным выражаться сентиментальным вычурно-лицемерным языком. До крайности развращённые люди говорили: «Достиг высшего сексуального момента», «Мой милый однополый друг». О смерти можно было говорить лишь так: «Навсегда покинул домстар» или «Ушёл туда, где нет встреч». Человека неумного, бессодержательного пренебрежительно охарактеризовывали: «совсем простой», а словами: «это – что-то...» выражали хоть похвалу, хоть порицание. Человек неулыбчивый, хмурый вызывал неприязнь. Поэтому так много было дантистов.

Давно были забыты понятия, делающие человека человеком, такие, как долг, честь, благородство, грех. Даже слов, выражающих эти понятия, в языке абсов не было. Никто никому не оказывал помощь, никто ни с кем не делился своими проблемами – «это твои проблемы», «твои проблемы мне неинтересны» – один из их принципов. Со своими проблемами можно обратиться только к психотерапевту, оттого и их было такое множество.

Абсы были добросовестны, старательны, но мало эрудированны. Даже у тех, кто обучался по усложненной программе, знания обо всём были отрывочные, поверхностные. Кроме своего дела, своего рабочего места, они мало что знали, но на своём поприще многие достигали совершенства, что питало их самоуверенность, убежденность в собственной значимости, хвастливость, браваду. Часто можно было услышать: «Ты задел мою гордость».

Цель жизни абса – достижение личного счастья, а комфорт – содержание счастья. Комфорт душевный – жить, не замечая, отталкивая всё, что может замутить, нарушить спокойствие души. Главное – никакого стресса. Приученные считаться только со своими желаниями, не умеющие сочувствовать, абсы, какое бы несчастье не случилось с человеком, даже близким, относились к этому холодно-отстраненно, не сопереживая. Они искренне считали, что совесть мешает счастью. Комфорт телесный, а тело – источник счастья и наслаждений, поэтому много внимания спорту, массажу, макияжу, сексуальным знакам на лицах, стремление всячески подчеркнуть красоту тела.

В жизни, в сексе, в спорте не было деления полов. Женщины и мужчины считались равноправными, равноценными. Футбольные, хоккейные, бейсбольные команды – смешанные из мужчин и женщин. Любые спортивные соревнования – накал темперамента спортсменов и болельщиков. Крики, свистки, топанье почти всегда кончались драками, которые затевались по малому поводу, но, лупя друг друга, включались все – и мужчины, и женщины. Чтобы не наносить увечий, дрались в продаваемых на стадионах специальных надувных перчатках, однако, пострадавших бывало много.

В частной жизни абсы были людьми чёрствыми, душевно закрытыми, никому не верящими и не доверяющими. Общение их между собой было чисто внешнее, формальное, признающее только необременительные или полезные знакомства. Любую необходимость уступить, они воспринимали как посягательство на их «Я», а чтобы не создавать конфликтных ситуаций, в общении были очень осторожны, благоразумны и корректны; всячески избегали откровенностей и споров, всё делали исподтишка. Работающие круглые сутки службы контроля исполнения законов, куда можно было сообщить о подозрении в их нарушении, постоянно были перегружены.

У абсов не было чёткого понимания, что такое Абсолют – Высший Разум или Божество. Но для них это был объект преклонения, а вся иерархия власти, начиная от Высших до лич-

ного руководителя, – Его служители. И выполнение главного правила жизни – ГПЖ: « Не задумываясь, беспрекословно выполнять все государственные законы и указы, а также приказы и распоряжения непосредственного начальства; точно соблюдать и исполнять требования всех инструкций и правил» – не подлежащий сомнениям и критике долг каждого Законопослушного Свободного Гражданина Абсолюта – ЗСГА.

В своде Законов Абсолюта – СЗА было шестьсот шестьдесят шесть незабываемых Главных Законов Абсолюта – ГЗА, регулирующих жизнь общества и двести тринадцать БЗА – Бытовых Законов Абсолюта, диктующих нормы поведения ЗСГА в быту. В БЗА предусматривалась каждая мелочь жизни: на каком расстоянии держаться друг от друга в очереди – трудновыполнимый «Закон о прайвеси»; как смотреть на незнакомого человека – «Закон о визуальном контакте». Был даже такой: «о запрете передачи в транспорте через головы пассажиров предметов тяжелее двух килограммов и размером более половины квадратного метра» и т. д. и т. п. А всё, что не запрещено законом, – разрешено, и в этом содержание свободы. Знать законы считалось обязанностью каждого ЗСГА. Законы, однако, были довольно путаны, много исключаящих друг друга, много дополнений. Чтобы помочь ЗСГА правильно ориентироваться в ГЗА и БЗА, существовало множество юридических консультаций.

Отработанными методами проникновения в сознание человека абсам с рождения внушалось, что законами так всё продумано и предусмотрено, и жизнеустройство Мира Абсолюта настолько совершенно, что что-то изменить или улучшить в нем – просто невозможно.

Получив однажды жильё, абсы почти никогда не имели возможности сменить его и проживали в нём весь трудовой возраст, из него же уезжали в дом старости. Но, тесно живя долгие годы в одном коридоре, за стеной друг у друга, бегая во дворе по одним спортивным дорожкам, сталкиваясь в пути на работу и с работы, стоя в многолюдных очередях в столовые, прачечные, на внутри дворовые спортивные площадки, посещая одни и те же магазины, познакомиться они не стремились.

Но в жизни мегаполисов периодически наступали моменты, когда все жители становились чрезвычайно общительными, – это время выборов. Абсы искренне верили, что их общество демократично, что, путём голосования, они влияют на жизнь мегаполиса, и, от того правильно ли они проголосуют, зависит многое, если не всё. Абсы любили выборы и постоянно кого-нибудь и куда-нибудь выбирали: в совет администрации, юристов всех рангов, тренеров секций всех видов спорта, старших по квадрату, по подъезду, по коридору, контролеров наблюдения за работой столовой и за уличным движением, в комитет квадрата, домовой комитет, в комитет подготовки к празднику и т. д. Кандидатов всегда бывало много. Их выдвигала администрация, коллективы и партии. Партии состояли из спортобществ и включали в себя спортсменов и их болельщиков. Партий-спортобществ было столько, сколько видов спорта, и лидер каждой из них, даже малочисленной, стремился стать депутатом.

Предвыборная кампания представляла собой шоу, где каждый кандидат стремился наобещать, обмануть и перетянуть электорат другого такого же кандидата-лицедея, доказать, что из множества других он самый достойный и при этом с благородной миной оболгать и уязвить соперников. Это было веками отработанное действо. И кандидаты, и те, кто их выдвинул, и агитаторы, и избиратели волновались, агитировали, убеждали. А больше всех суетились телевизионщики: выступления, встречи, опросы, оценки, прогнозы. Наконец, кульминация – голосование и напряженное ожидание результатов подсчёта голосов. И каждый раз оказывалось, что избран самый достойный, лучший из лучших. Телевидение долго трубило об этом – опять выступления, встречи, опросы, похвалы избраннику. У всех удовлетворение и чувство исполненного долга. Но вскоре избиратели уже не помнили, кого выбрали, а впереди маячили новые выборы.

Избранник же, забыв свои предвыборные обещания, всю энергию направлял на то, чтобы быть избранным на следующий срок. А для этого всего-то и нужно было: доказать высшую степень лояльности власти да чаще показываться на экранах телевидения. Ну, а если возникала необходимость навязать людям что-то для них вредное, – для оправдания придумать благородный предлог.

Глава вторая

Пошёл второй месяц гастролей в мегаполисах массовой касты. Маршрут труппы все время сдвигался на восток, но оставались неизменными облики городов-гигантов, и обычаи и нравы населяющих их людей. Разнился только климат; по гигантским коридорам улиц дул разный ветер: от холодного, пронизывающего до костей, северных широт, до сухого и знойного – южных.

Труппа направилась в мегаполис на севере Африки. Аэролёт низко летел над Средиземным морем, над безбрежным ультрамариновым мерцающим бликами водным пространством с млечно-белой пеной на гребнях бегущих к горизонту волн. Глядя в иллюминатор, Катя вспоминала поездку к морю вместе с Доктором. « Как хорошо и надёжно было рядом с ним... », грустила она.

Перелетев море, летели над безжизненной песчано-каменистой землей. Из книг она знала историю этого края, его древнейшую культуру, знала, что где-то здесь должны лежать развалины древних городов, покинутых людьми. Потомки забыли прежние обычаи и ничем не отличались от людей массовой касты. В одном из брошенных городов находилось музейное предприятие, но занято оно было не восстановлением, не реставрацией, а снятием и вывозом всего сохранившегося ценного.

Художник грезил руинами.

– Преступно находиться рядом и не увидеть то, что за тысячелетия создали люди, и что вскоре исчезнет совсем, – убеждал он.

Было решено, что предварительно он полетит первым и обо всём договорится. У Кати, плохо переносящей жару, от постоянного питья охлажденной воды пропал голос. Она не выступала, и упростила Художника взять её с собой.

Уложив дорожную сумку, зашла за Художником. Тот взял со стола и бережно положил в карман бинокль, повесил на плечо сумку. Увидев бинокль, она спросила:

– Что вы собираетесь рассматривать?

– Будем пролетать над древним городом, за считанные минуты до основания разрушенным землетрясением. Уцелел только один Храм. А в том Храме происходят странные явления – один день в году, весной, вспышками зарниц в нем играют огни. Что только с Храмом не делали: и поджигали, и взорвать пытались, а он так и стоит неповреждённый среди руин. Тогда город оградили, и теперь в него доступа нет. Только сверху и можно увидеть этот Храм, – ответил задумчиво.

Когда пошли на посадку, оказалось, что с ними летит и Ханума, сопровождавшая Художника в гастролях по городам массовой касты. Она, объяснил Художник, нужна ему, чтобы позировать на фоне восточных развалин. Девушка, действительно, была красива восточной красотой: чёрные блестящие глаза, сходящиеся на переносице брови, алый ротик, кольца чёрных кудрей на влажном лбу, белая кожа, лёгкие гибкие движения.

Насмотревшись на простирающиеся внизу песчаные барханы и безжизненные горы, девушки вскоре задремали, а Художник все время полета, не отрываясь, через бинокль смотрел в иллюминатор. Когда прилетели, Катя спросила, видел ли он Храм. Молчаливый и задумчивый, тот утвердительно кивнул.

Не сомневаясь, что будут приняты как высокие гости, Художник не стал заранее уведомлять администрацию об их прилёте. Однако, чем дальше от центра Мира Абсолюта, тем слабей давила железная рука закона, и тем больше было разгильдяйства. Прилетев, они не застали никого из руководителей. Музейное руководство принадлежало к элитной касте и проживало на берегу Средиземного моря в городке, севернее брошенного города. А рабочие – люди массовой касты – жили в посёлке из нескольких, одиноко возвышающихся среди песчаной пустыни, огромных корпусов общежитий со столовыми на первых этажах, с комнатами отдыха, кинозалами и спортзалами – на вторых, и спальными комнатами, начиная с третьих этажей и выше. Корпуса общежитий со всех сторон огибали затенённые широкими козырьками галереи, в которых, создавая прохладу, в бочках с землей росли выющиеся растения. Соединяя галереи, с верхних этажей и до самой земли спускались наружные межэтажные лестницы.

Художник вынужден был обратиться в администрацию общежитий. Он не искал для себя удобств, и Катя тоже согласилась, что переночевать один раз можно и в общежитии касты М. Катю и Хануму поместили в комнате на десять человек.

Направляясь в столовую, и, стараясь держаться ближе к стене, Катя шла по коридору, где, громко переговариваясь и смеясь, в обоих направлениях сновало множество людей разного пола и возраста. Широко распахнув дверь одной из комнат, в коридор, столкнувшись с Катей, быстро вышла невысокая девушка. Сделав несколько шагов, она остановилась, неуверенно окликнула:

– Катя?!

Катя обернулась, смотрела, не узнавая.

– Катя?! – изумленно повторила девушка, подходя и беря её за руку.

Эта была та девушка, которая когда-то звала её с собой тайно покинуть родной город, когда, после смерти Доктора, Кате было так тяжело и одиноко и, попав в больницу, она нашла в ней родственную несчастную душу.

Узнать девушку было трудно, ничто в ней не напоминало ту, убитую горем, готовую в любую минуту заплакать. Вид её был независимый, задорный, глаза смеялись, на лицо, по моде слоя М, густо нанесена косметика и сексуальные знаки.

Осторожно поозиравшись, девушка, не выпуская Катиной руки, вывела её в наружную галерею.

– Как ты попала сюда?! – округлив глаза, спросила шепотом, – И куда идешь?

– В столовую... – так же шепотом ответила Катя, потрясенная встречей с девушкой.

Вместе прошли в огромный столовый зал с множеством раздач, встали в очередь и, получив обед, устроились за столиком. Катя почти не ела: всё было невкусно, пересыщено ароматизаторами, а её знакомая ела с большим аппетитом и казалась всем очень довольной.

Потом они сидели в галерее, пока неожиданно, сразу, не наступила ночь, и из пустыни потянуло холодом. Девушка говорила, что она довольна, покинув касту Э, потому что ей там было одиноко и неудобно, среди «этих умников», ведь она и школу-то едва закончила. Никто её там не замечал, никому она не была нужна, а здесь она такая, как все. Здесь, главное, быть раскованной, уверенной в себе, ничего и никого не стесняться и никому не верить.

Когда расставались, девушка попросила не выдавать её.

– Ты смотри, не проговорись кому-нибудь обо мне...

– Не беспокойся. Но как же ты обходишься без печати касты М? – прошептала Катя.

– Вот потому я и не в городе... Здесь не проверяют. А зачем здесь проверять, – пожалала плечами.

– Что ты будешь делать, когда закончатся работы? – тревожась за неё, спросила Катя.

– Переведут куда-нибудь..., – беспечно махнула та рукой. – Здесь копать – не перекопать... О Храме среди руин слышала?

– Да.

– К нему хотят подступиться. Да только, болтают, если тронут – всех накроет.... Так им и надо! – в глазах промелькнуло ожесточение.

Мимо прошел босой, в одних трусах, парень. Отойдя, он оглянулся на девушек.

– Давай, Катя, прощаться, – прошептала опасливо. – Расходимся в разные стороны...

* * *

Катя вошла в тёмную комнату и, не включая света, подошла к отведенной ей кровати. Разбирая постель, на соседней койке услышала возню и мужской шепот. Стало неловко, она вышла в галерею и, не зная, что делать, присела на скамейку.

Ханума не спала, она ожидала Художника, хотя и понимала, что он не придёт – постесняется. Её уже немного разочаровали люди касты Э. До знакомства с ними, ей казалось что всё, что ценится людьми массовой касты – весёлость, яркость, лёгкость и необременительность в отношениях – в людях элитной касты должно быть в превосходной степени. А вместо этого Катя скромна, стеснительна и молчалива, даже не умеет раскрасить лицо, броско одеться и причесаться. Художник же ещё забавнее: стыдится при Кате любить её, Хануму, даже обнять при ней не решается.

– Ты что, – боишься её? – раздраженно спрашивала.

– Тебе не понять... – отвечал, как-то обидно.

Впервые у Ханумы был постоянный партнёр, да ещё какой! Добрый и щедрый. Она гордилась им, хвастала приятелям и всё крепче привязывалась душой.

Катя не возвращалась. Ханума встала, оделась, вышла в галерею. Прислонясь головой к решётке ограждения, и съёжившись от холода, Катя дремала. Девушки поболтали о том, о сём, а потом надумали по наружной лестнице спуститься в столовую, и согреться чаем. Ничто не предвещало перемены судьбы, того страшного, что произошло с ними через несколько минут.

В столовой на столах ножками вверх лежали стулья, сновали роботы-мойщики. Уже шла уборка, но чай им подали.

Зазвенел звонок.

– Девушки, поторопитесь! Скоро закроются двери, отключатся лифты, – крикнул им работник столовой.

Они быстро допили, вышли из столовой и заторопились к наружной лестнице и обнаружили, что проход вверх перекрыт. Быстро сбежали по ступенькам и бросились назад в столовую. Дверь в столовую оказалась запертой. Они стучали кулаками, били ногами, но никто не спешил им открывать. Ни души, тихо, только из комнаты отдыха на втором этаже доносится музыка.

Внезапно чьи-то сильные руки крепко обхватили сзади, заклеили рот, связали, подняли, бросили поперёк лошадиной спины и привязали. Держа лошадь с девушками за поводья, рядом скакал всадник. Сзади – ещё один.

Между службой столовой и работоторговцами был сговор: в случае, если кто-то из жильцов зазеваётся заблаговременно вернуться в корпус, минут на пять раньше положенного, перекрывать все входы-выходы. Укрывшись за ближними барханами, такого случая постоянно ждали похитители.

Возле каких-то развалин всадники спешили. Девушек стащили на землю, развязали ноги, завернули в войлочные бурнусы, по отдельности усадили на лошадей, крепко привязали к седлам и тронулись в путь. Все произошло молча, быстро. В кромешной тьме можно было разглядеть только белки глаз на бородатых лицах.

Ехали не спеша, шагом. Всадниками одолевала сонная истома. Ханума, впервые сидевшая верхом на лошади, стонала и плакала. Катя же, напряженно всматриваясь во всё вокруг, молчала; мысли её приобрели необыкновенную ясность, все силы и воля её были готовы

к сопротивлению. Что произошло, она не понимала, но чутко осознавала, что с ней случилось что-то страшное, как будто обрушилось небо.

Пышущий жаром песок к рассвету остыл, стало холодно. Но с раннего утра нещадно палило солнце; по телам струился пот, и мучила жажда. Ни кустика, ни деревца – только песок и камни с пробивающейся между ними чахлой травой.

Наконец показался пышно зеленеющий аул. Белые дома в окружении садов взбирались на гору. Слышался лай собак, бляние овец, истошные вопли ослов. По безлюдной кривой улочке доехали до открытых ворот. Въехали в обнесенный высоким забором двор. Сопровождаемые лающими собакам, проехали двор и спешили возле большого дома. Девушек завели в дом, втокнули в пустую комнату, где кроме потёртого ковра на полу да сваленных в углу подушек и одеял, больше ничего не было.

Ханума, рыдая, лежала на полу. Катя сидела рядом и смотрела на неё сухими глазами. Немного успокоившись, Ханума подняла голову, проговорила:

– Это всё из-за тебя... Чаю ей захотелось! – лицо исказила злобная гримаса.

– Успокойся. Нас найдут! – ответила холодно.

Она всё ещё надеялась, что произошло какое-то недоразумение, и Художник уже поднял всех на ноги и их ищут и, конечно же, найдут.

– Кто?! Кто нас будет искать?! Кому мы нужны?! – кричала в истерике Ханума.

Усталость и бессонная ночь лишили сил, свернувшись калачиком на полу, они уснули. Катя спала недолго. Разбудил лай собак и мужские голоса.

Через некоторое время загремел дверной засов, в комнату вошли двое. Одного Катя узнала – это был один из похитителей. Другой высокий, худощавый, до глаз заросший бородой; на поясе – кинжал, в руке – плеть. Стукнув рукоятью плети по плечу, дал понять, чтобы она встала. Тыча плетью в спину, разбудил Хануму. Девушки стояли, а он, обходя со всех сторон, рассматривал их. Лицо его было мрачным, взгляд, переходивший с одной на другую, жёстким.

– Якши... – одобрительно уставился на Хануму.

– Шайтан-девка! – произнёс недовольно, указав плёткой на Катю.

Хозяин, как бы виновато, развёл руками.

Мужчины ушли. Немного погодя, вошла одетая в шаровары с длинной блузой и до бровей повязанная платком пожилая женщина. Она принесла на подносе в двух мисках плов, сказала, что будет прислуживать им. Пока они ели, женщина, сидя рядом на полу, неумолчно говорила. Рассказала, что хозяин дома человек очень богатый, почти каждую ночь привозит рабов, а потом продает их, а тот, кто осматривал их – большой сардар-начальник.

– Ты ему понравилась, – сказала Хануме.

– А ты не понравилась: наши люди не любят таких, как ты – вы шайтаны и жгли нас бомбами когда-то давно. Плохо, девка, что ты попала сюда, – покачала головой.

– Меня увезут к этому волосатому?! – испугалась Ханума.

– Не знаю. О цене ещё не сговорились.

Потом еще приходили мужчины, рассматривали девушек, торгуясь, громко спорили с хозяином. А ночью со двора слышался шум: лай собак, ржание лошадей, людские голоса – опять кого-то привезли.

Через несколько дней, утром, прислуживавшая женщина сказала, что Хануму купил человек из далёкого аула. Человек этот не злой, богатый, увидит её и сделает наложницей, ведь она такая хорошенькая.

– А тебя, – обратилась к Кате, – никто не купил: кому нужна в доме шайтан-девка? Ты с караваном пойдешь на рынок.

Женщина ушла. Девушки обнялись. Ханума горестно плакала, Катя вытирала её слёзы, гладила её кудряшки, говорила что-то утешительное. Она уже в полной мере осознала, что произошедшее с ними – страшная правда и чувствовала, что за эти дни стала намного старше.

Вошёл хозяин, поманил ее:

– Иди за мной!

Ханума прижалась, не отпускала.

– Ты такая красивая, Ханума, тебя все будут любить, – успокаивала.

– Не забывай меня..., – рыдала Ханума.

На траве под тутовым деревом сидели люди со связанными руками. Было их пятнадцать человек, Катя стала шестнадцатой. Всех развязали и приказали обмотать головы лняными полотнищами так, чтобы оставить только щель для глаз. На плечи все надели котомки с пищей и водой – идти предстояло не один день. Сковали наручниками и соединили попарно таким образом, что у идущего впереди руки были сведены за спиной, у его напарника – спереди, а между собой наручники соединили цепями.

Напарником Кати оказался молодой крепкий негр, настороженно вглядывающийся во всё живыми, умными глазами. Он заметил её страх и отчаяние, подбадривая, улыбнулся ей, и Катя душой сразу потянулась к нему, а потом в пути мысленно благодарила, когда спотыкающуюся, выбивающуюся из сил, он за соединяющую их цепь тащил её за собой.

Двинулись в путь. Впереди шёл перекупщик рабов, ставший их новым хозяином; замыкал цепочку его помощник. У обоих на поясах висели кинжалы, из рук они не выпускали плётки. Перекупщик, на вид рыхловатый, на деле оказался очень крепким мужчиной с таящимся сумасшествием в глубине больших чёрных навывкате глаз; когда он с наслаждением, с отяжкой хлестал плетью отстающих, в уголках его рта появлялась пена, глаза лезли из орбит.

Ровная, жёлтая пустыня с редкими кустиками верблюжьей колючки, с чёрточками следов ящериц и белыми костями животных на песке. Днём испепеляющее злое солнце, в голове мысли только о спасительной воде; ночью – холод и сияние россыпей звёзд. Песок набивается в обувь и одежду, хрустит на зубах. Ни запахов, ни живых звуков, только каменные холмы, песок, и посвистывающий ветер.

По утрамбованной временем песчаной равнине, в ночной прохладе идти было легче. Хозяин и его напарник хорошо ориентировались в пустыне, хорошо знали дорогу и ко времени наступления нестерпимого зноя, приводили свой товар к оазисам. Оазис – небольшая лужица воды, одинокое дерево, да немного травы. Ногами, расчистив от помёта верблюдов и газелей площадку, устраивались на отдых. Их попарно расковывали и давали возможность поесть. Потом, пережидая зной, бессильно лежали в негустой тени дерева.

Всё чаще, поперёк движения, вставали высокие барханы. Песок стал глубоким и рыхлым.

– Держись, сестрёнка, – подбадривал негр и, не давая упасть, тащил за собой.

Когда добирались до вершины бархана, хотелось лечь и больше никогда не вставать. Они шли навстречу неисчислимым страданиям, рабству и знали об этом. Проще было лечь, и солнце, безжалостное и милосердное, выжгло бы из них воду, прекратило муку; но в душе каждого горит не задуваемый огонёк – жажда жизни. Она даёт силы переносить страдания, терпеть и дарит надежду. И эфемерная надежда побеждает все доводы разума.

К концу пути ноги у всех были изодраны колючками, и все были на пределе сил; даже Катин напарник на привалах лежал устало и неподвижно. Только хозяин был бодр, и удар его плётки не ослабевал. Больше всех доставалось Кате. Она была ему ненавистна за то, что она белая, за то, что она слабая, за то, что она женщина – к женщинам он питал отвращение. А самым нестерпимым было то, что эта женщина не плакала, а в ответ на удары, рассекающие кожу до крови, с презрением и ненавистью пристально смотрела ему в глаза.

Над местом привала высоко в небе летел грузовой аэролёт. Невольники тяжело вставали, поднимали вверх лица, махали скованными руками. В Катиной душе родилась безумная

надежда – их ищут! Художник сообщил об исчезновении, и их, конечно, ищут! Она из элитной касты, ей не дадут пропасть!

Развалившиеся под деревом, Хозяин и его напарник, посмеиваясь, наблюдали за рабами.

Аэролётчик через прибор наблюдения заметил возле оазиса группу людей. Увеличил изображение и чётко увидел измученные лица, скованные руки. Задержал экран на лице девушки, с мольбой о помощи в устремлённых к небу глазах. «Это, наверное, одна из тех, кого ищет малахольный художник», – подумал и отключил экран. Сообщать о гонимых на рынок невольниках он не стал. По неписаному закону сообщать об этом не следовало, если не хочешь потерять службу, а службой своей он дорожил.

Раньше ему не приходилось соприкасаться с людьми касты Э, но это не мешало их не любить, считать плохими специалистами за то, что те получали новые машины, а в касту М сдавали разбитые, изношенные, и, прежде чем сесть за управление, аэролёт приходилось долго приводить в надлежащее состояние. И вообще, по его мнению, в касте Э все люди изнеженные, неприспособленные, много о себе возомнившие, а Художник этому подтверждение. Чудак, он уже который день отирается в аэропорту и пристаёт ко всем аэролётчикам. Сам-то он, летая по этой трассе, насмотрелся на невольников. Люди касты Э не понимают, что человек, это тот же птенец: выпал из своего гнезда-касты – возврата туда нет. И правильно. В мире много лишних людей, не убудет. Он любил аэролёты и не любил людей.

Аэролёт скрылся за горизонтом. Когда через два часа тем же курсом проследовал другой аэролёт, стало понятно, что их путь пересёкся с аэролинией, и никто их не ищет, хотя найти было бы не трудно. Надежда на спасение угасла... Измученные и поникшие, с трудом передвигали ноги и, если в небе пролетал аэролёт, уже как будто не замечали его.

Часть пятая

Глава первая

Грузовой аэробус прибыл утром. В этот раз вместе с оборудованием привезли живой товар. Рабов доставили в оборудованном лавками узком отсеке, куда их набили так, что невозможно было повернуться.

Аэробус приземлился на бетонной взлётно-посадочной площадке за забором складских помещений, и прежде чем начать разгрузку оборудования, к отсеку с невольниками подкатили трап, открыли дверь. Оборванные, изможденные, измученные перелётом, с мокрыми от пота волосами и спинами, покачиваясь, невольники спускались по трапу. Внизу их встречали прилетевший на этом же аэролёте в пассажирском салоне работорговец, по заведенному порядку доставивший свой товар покупателю, и представитель администрации завода. Приказали построиться и пересчитали. Представитель администрации расписался в какой-то бумаге и передал её работорговцу. Собравшиеся возле аэролёта грузчики в ожидании, когда уведут невольников, чтобы начать разгрузку, угрюмо наблюдали за происходящим; многие из них тоже когда-то были рабами.

Прибывших отвели в складской ангар, оборудованный душем. Как только с лязгом закрыли металлическую дверь, они бессильно повалились на пол. Торги проводились на следующий день после доставки.

Утро Управляющего заводом было заполнено производственными заботами. Между делами иногда вспоминалось то неприятное, что предстоит во второй половине дня, и он, с досадой, отгонял мысль об этом. Когда вернулся с территории завода, рабочий день уже заканчивался. В приёмной секретарь напомнил:

– Вы не забыли о живом грузе?

– Помню. Пусть посыльный отведёт работорговца к ангару. И не забудьте предупредить врача.

Вошел в кабинет, из холодильника достал бутылку с напитком, наполнил стакан, подошёл к окну. С наслаждением, глотками пил ледяной напиток и с неприязненной усмешкой наблюдал, как к сидящему под пыльным деревом работорговцу подошёл посыльный, как он поспешно вскочил и с поклоном, приложив руку к сердцу, выслушал, что тот сказал, и, на ходу нахлобучивая баранью папаху, суетливо и услужливо заторопился. Потом бегом вернулся, поднял с земли забытую плётку и трусцой бросился догонять посыльного. Хорошая половина рабочих завода была куплена у этого работорговца; про его свирепость рассказывали жутковатые истории.

Прикрывающих наготу мешковиной невольников из ангара выводили по одному. Врач осматривал их на наличие увечий и травм, с помощью приборов-анализаторов определял степень работоспособности – от этого зависела цена. Как всегда, люди были худосочны, изнурены непосильным трудом и голодом: обычно, хозяева продавали раба только после того, как из него выжмут все силы. Этот завоз ничем не отличался от всех предыдущих, да к тому же среди рабов был негр, хотя в заявке специально оговаривалось, что негры не нужны; они плохо адаптируются в суровом, холодном для них климате.

Управляющий с раздражением рассматривал невольников, и думал о всё повышающемся плане и нехватке людей.

На площадку перед ангаром вышла последняя женщина. Когда сдёрнули прикрывающую её тело мешковину, все содрогнулись: на молодом изможденном теле не было живого места – сплошные кровотокающие и подживающие рубцы от плети.

Управляющий в гневе закричал на работорговца:

– Как смел ты привезти такой товар?! У нас тут что – лечебница?! В следующий раз с тобой не будет никаких сделок!

Женщина повернула к ним голову и с ненавистью смотрела на своего истязателя. Тот стоял, с притворным смирением потупив глаза перед большим сардаром. Конечно, он не боялся потерять клиента – спрос на рабов всегда велик, однако торг не закончен и нужно не продешевить. Собираясь что-то возразить, поднял глаза и наткнулся на взгляд женщины; в её ясных глазах было столько нечеловеческого презрения, что кровь ударила в голову, лицо исказила злоба, и, забыв, где находится, зашипел:

– Шайтан-девка! – и хлестнул плёткой по ненавистным глазам.

Женщина успела прикрыться рукой, плеть рассекла кожу, показалась кровь.

Торг был скомкан, весь товар продан за полцены, а женщина была продана за одну копейку. Чтобы унижить её, торговец сам назначил такую цену. Потом надолго к ней прилипло прозвище – «Копейка»

Прежде чем отправить на работы, вновь прибывших помещали в больницу и в течение одной-двух недель лечили, кормили, давали отдохнуть и окрепнуть. Уже все ходили по палатам, гуляли на улице, играли в домино и карты, вновь обретая интерес к жизни, радуясь её более счастливому повороту – так им казалось, только женщина не выходила из коридорного закутка, и, отвернув лицо к стене, неподвижно лежала на животе: на спине из-за ран лежать было больно. Подходила медсестра, обрабатывала раны и, уговаривая хоть немного поесть, долго стояла над ней, горестно покачивая головой. На голове женщины раны не затягивались, и доктор, с сожалением, велел остричь её густые русые волосы.

Тело болело, а душа её, как будто куда-то спряталась и затаилась, не в состоянии ни думать, ни страдать. Всех уже выписали, расселили по общежитиям, и только с женщиной врач не знал, что делать. Хотя тело её заживало, она по-прежнему не проявляла никакого интереса ни к чему, и целыми днями неподвижно лежала или сидела на койке, не выходя из коридорного закутка. Понимая, что рану душевную вылечит только время, врач назначил ей выписку.

Больничная сиделка привела её в женское общежитие. Общежития находились сразу за заводским забором и были тесно заселены, в больших комнатах плотно стояли двухъярусные кровати.

По случаю поселения там новенькой, в общежитии произошёл переполох: комендант вызвал старших по комнате, но никто не соглашался поселить новенькую у себя. Женщины горячо отстаивали жизненное пространство в своих комнатах, и никакие уговоры и обещания выдать новый комплект белья, заменить одеяла – не помогали. В конце концов, комендант призвал на помощь Бригадира, в бригаде которого на конвейере работало большинство женщин, и в чью бригаду уже определили новенькую. Как только Бригадир начал убеждать и уговаривать, поднялся страшный гвалт, крики.

– Вы сами были в её положении, но вас же не оставили на улице.

– Бригадир, да ты посмотри на неё! Как с такой жить? – запальчиво отвечали женщины. – Она же ненормальная. Одно слово – Копейка.

Жизнь в общежитиях бурлила; шум, веселье продолжались до рассвета. Жильцы мужского общежития задерживались до утра в женском, а женщины, зачастую, на работу отправлялись из стен мужского общежития. Новенькая не вписывалась в общую массу обитателей общежитий.

Бригадир решил посмотреть на ту, из-за которой разгорелся сыр-бор. Она сидела на лавке в сумрачном коридоре. Лицо бледное, под глазами синяки, на голове линиялая косынка, на коле-

нях собранный сердобольной медсестрой узелок и неподвижные руки в розовых шрамах. Посмотрела невидяще, отвела глаза и не шелохнулась.

– А, ладно... – решился Бригадир, – поднимайся. Пойдём, будешь жить у меня. Семь бед – один ответ!

Бригадиру было свойственно совершать поступки, за которые потом приходилось плачливаться.

Она безропотно поднялась и, поотстав, шла безмолвно и бездумно, как собачонка. Бригадир же шёл, и ясно представлял последствия своего порыва.

Семьи жили на территории завода. Из-за вибрации производственные корпуса через десять-пятнадцать лет эксплуатации изнашивались, давали трещины, их списывали, насколько возможно, отчищали от въевшихся вредных веществ и, подремонтировав, разгораживали на комнаты. Комнат не хватало. Нередко семейным парам приходилось ждать, когда начнёт разрушаться следующий производственный корпус. Бригадир с семьей занимал две полутёмные комнатки. Из-за стены близко расположенного действующего производственного корпуса, солнце заглядывало в них только утром и ненадолго.

Дома никого не было: жена ещё не вернулась с работы, дочь же, как обычно, играла с детьми где-то на территории завода. Женщина вошла и остановилась у порога.

– Располагайся, – как можно приветливой, пригласил Бригадир, – а мне нужно ещё сходить...

Она, все так же безмолвно, присела на стул, положила на колени узелок.

Он ушёл встретить жену и предупредить о приведенной жиличке. Объяснять не понадобилось, жена уже знала обо всём и кипела гневом:

– Ах, какой добрый, да хороший! Давно ли тебе, как бригадиру, разрешили вторую комнату, а уже в ней общежитие устроил! Голодранку привёл! Копейку! – бушевала она.

Он уговаривал жену, говорил, что это ненадолго, всё устроится. Но та не переставала сердиться, а придя домой, первым делом отняла у женщины стул, на котором та сидела. Держа в руке узелок, женщина стала у порога. Идти ей было некуда. В конце концов, муж рассердился, пригрозил, в другой раз, «поучить» жену, сам подвёл женщину к кровати и велел располагаться. Она сразу же легла, отвернулась к стене, и, неожиданно, крепко уснула. Когда сели ужинать, муж велел позвать женщину к столу. Жена подошла, тронула за плечо, но та не проснулась.

Утром женщина проснулась от того, что кто-то, легонько касаясь, водил рукой по лицу и пальцами пытался открыть ей глаза.

– У тебя есть глазки? Дай мне один глазик, – близко над ухом услышала детский голосок.

В испуге открыла глаза и вздрогнула от того, что увидела: рядом с ней сидела девочка лет пяти, её лицо, шея, уши были покрыты коростой, в коросте были и закрытые веки, а там, где они смыкались, засохла сукровица.

– Ты кто? – спросила женщина, с отвращением разглядывая лицо ребёнка.

– Я – хозяйка, – важно промолвила девочка и добавила: – это моя кровать.

– Мы спали вместе? – содрогнулась женщина.

– Да. Мама сказала, что ты будешь теперь спать со мной. Мама и папа ушли на работу, а мне велели тебя караулить.

Женщина огляделась: стол у окна, в которое заглянул солнечный луч, и в нём весело кружатся пылинки. Два самодельных стула, тумбочка со стоящим на ней телевизором допотопной конструкции, умывальник, ещё одна тумбочка, на ней самодельные игрушки, на столе простенькая ваза с сухой веткой, половик у порога. Широкая кровать, на которой лежит она, застелена ветхой, но аккуратной постелью. Убого, но опрятно.

- А я знаю, как тебя зовут – Копейка, так сказала мама, – засмеялась девочка.
- Твоя мама пошутила. Мое имя Катя. А тебя как зовут?
- Аннушка.

Девочка улыбнулась, короста возле рта потрескалась. Стало больно, она привычно прижала к этому месту ладошку.

* * *

Бригадир ушел на работу задолго до начала смены. В цех Катю привела Хозяйка. В гардеробной надели комбинезоны, брючины комбинезонов натянули на грубые рабочие ботинки, в карманы засунули рабочие перчатки, респираторы и наушники.

В громадном – высоком и длинном – производственном корпусе во всю длину тянулись четыре производственные линии, каждая со своими бункерами, вибраторами, транспортёрами. Измельченная руда из другого корпуса поступала в промежуточные бункеры-накопители, откуда транспортёром-вибратором, через рудопроводы распределялась по многочисленным небольшим бункерам-уловителям. На подаче руды в бункеры-уловители были установлены приборы контроля, фиксирующие наличие искомого вещества; при срабатывании от них сигнала, автоматически перекрывались заслонки подачи руды в бункер-уловитель и сброса из него руды в шлаковый транспортёр. Задача рабочего состояла в том, чтобы с помощью специального щупа найти в небольшом бункере кусочки с рудными вкраплениями. Женщины стояли возле каждого бункера-уловителя на близком расстоянии друг от друга.

На заводе перерабатывали старые рудные отвалы, из которых полезные компоненты когда-то были извлечены не полностью, но, когда иссякли месторождения, возникла нужда извлечь и эти остатки.

Следом за Хозяйкой, Катя вошла в производственное отделение, и испуганно остановилась.

- Ну, что стала? – оглянувшись, грубовато окликнула Хозяйка.

От сыплющейся во все бункеры руды стоял невообразимый грохот. Производственная пыль туманом висела в воздухе, оседала на оборудовании, на стенах, облепляла стекла окон, попадала в лёгкие, сушила кожу. У людей с чувствительной кожей лица постоянно были красными. Работали в респираторах и наушниках.

Вначале работа показалась не тяжелой, но к концу дня от постоянных наклонов над люком бункера и орудования щупом в его нутре, заполненном щебенкой, болели спина и плечи, от пыли слезились глаза, кожа рук и лица стала сухой и шершавой. Одно радовало – по работе не надо было ни с кем общаться.

* * *

Понемногу Катя проникалась заботами приютившей её семьи. Муж и жена, несмотря на различие характеров, жили очень дружно; конечно, тяжёлая жизнь накладывала печать на их взаимоотношения, но по всему было видно, как они преданы друг другу. Как и все рабочие завода из местных, они были русскими. В мире, где Катя жила прежде, русскими пугали детей. В школах и элитной, и массовой каст учили, что на окраинах Мира Абсолюта обитают русские и арабские народности – дикие, непросвещенные, генетически несовместимые с идеей Абсолюта, и потому обреченные на вымирание. Теперь же, Катя видела врожденную отзывчивость русских на чужое горе, их стремление к справедливости, сообразительность, стеснительность, и они ей всё больше нравились.

В обед и ужин выходного дня в столовой бесплатно выдавали спиртное, а в поселковом магазине спиртные напитки низкого качества были в продаже всегда, и стоили очень дешево. В общежитиях среди бывших невольников стоял пьяный дым с ссорами, драками, но Катя

заметила, что большинство русских – и семейные, что живут в заводе, и те, что живут в общежитиях – в рот не берут спиртного. Она спросила Бригадира: почему так? Тот ответил, что Божий Посланник запретил русским напиваться допьяна, а советовал лучше не пить спиртного вовсе.

– На отдаленных заводах и наши пьют, не просыхая, а у нас батюшка очень строг.

– Посланник Абсолюта? – уточнила.

– Посланник Иисуса Христа.

Так она впервые услышала про Иисуса Христа.

Все русские знали два языка – абсолюта и свой, русский. Между собой они разговаривали только по-русски, и Катя вскоре стала понимать, а потом и говорить на их языке.

– Катя, ну ты, совсем русская! – смеялась Хозяйка над её коверканием слов. – И имя у тебя наше.

Одним из первых русских слов, усвоенных Катей, было часто употребляемое «поделиться». В языке абсов слова, соответствующего этому, не было. Русские могли поделиться хлебом, одеждой, радостью и горестью. В первые дни работы все соседки по рабочему месту старались поделиться с ней приобретенными рабочими навыками. Детей с ранних лет приучали делиться с другими. Аннушка, если её угощали чем-то вкусным, обязательно делилась и с родителями, и с ней. Вначале Катя отказывалась, но Хозяйка объяснила, что так воспитывается добросердечие.

Девочка ходила за Катей, как нитка за иголкой. Смотреть на её обезображенное личико было больно. По Катиным медицинским познаниям, приобретенным в школе на уроках медицинской помощи, требовались лекарства, о существовании которых не слышал даже местный врач.

Старенький врач и медсестра были добрейшими людьми, но Аннушке ничем они помочь не могли, потому что в больнице почти не было лекарств; да и те, что имелись, были или подпорченными или просроченными. Врач и медсестра были из русских. Когда-то они прошли курс обучения в Городе, и теперь жили при заводской больнице.

Родители говорили, что родилась девочка здоровой, с хорошими чистыми глазками, но уже в грудном возрасте стала покрываться язвочками. Они думали, что всё пройдет – такое было почти у всех детей в заводе, – но не прошло, а делалось всё хуже. Врач лечил, но безрезультатно. Родители, похоже, уже смирились, они даже умывали девочку не каждый день, потому что ей было больно, она вырывалась и громко плакала. Было ясно, что причина болезни в условиях жизни, в производственной пыли, которая при малейшем дуновении ветра поднимается в воздух, проникает во все щели, набивается в одежду, в волосы, и на территории посёлка становится нечем дышать.

Катя решила не сдаваться и делать всё возможное. В первую очередь, решила она, необходимо, как учили, максимально соблюдать гигиену. Она набрала в заводской ветоши подходящие тряпки, отстирала их, и каждый вечер осторожно промывала язвы, расходуя выдаваемое по норме собственное мыло, купала Аннушку, а вечерами перетряхивала постель. Переодевать девочку каждый день в свежее не было возможности и, таясь, она стала обрабатывать детскую одежду на работе, в обеспыливающей камере.

* * *

Когда-то в этой местности были сплошные леса, текли речки, ручьи. Но построили завод, леса вырубил, речки пересохла и теперь куда не глянь – громадные горы руды и пыль, в безветрие мягким пухом лежащая на всём, и, туманом поднимающаяся при малейшем дуновении ветра, а из растительности – лишь редкая трава, да чахлые деревца возле административного здания и огромных корпусов общежитий. Хорошо знающие местность, говорили, что в пяти

километрах на старой вырубке выросла небольшая рощица, в ней забил ключ, а вода в нём очень чистая.

Выходные дни у рабочих были через девять дней на десятый. В один из таких дней Катя с Аннушкой, захватив ведро, отправились искать рощу и ключ. Когда они вышли за ворота завода, солнце стояло ещё низко, было прохладно и безветренно. Шли медленно. Солнце поднялось, стало жарко, но Аннушка, радуясь путешествию, была весела и неумолчно щебетала.

Завод остался позади, уже не слышался его гул, вдали виднелись только терриконы и заводские трубы, но вокруг по-прежнему всё было покрыто серо-ржавой пылью и валялись разбитые ящики, куски труб, поломанные бочки. Стряхнув пыль, они осторожно присаживались на них и отдыхали.

Когда впереди показались деревья, Катя невольно заторопилась, ускорила шаг, держа за руку семенящую девочку.

Ни дремучие леса предгорий, ни красивый ухоженный парк школы, в котором она выросла, не радовали её так, как обрадовала эта залитая солнцем ещё слабенькая и низкорослая рощица. Она обнимала и гладила стволы трепещущих осин и кривых берёзок, трогала кусты. А рядом слепая девочка всё время натывалась на что-нибудь, пугалась и спрашивала:

– Это что? А это?

Ключ они нашли быстро. Аннушка потянула за руку:

– Пойдём туда. Там что?

В обложенном камнями углублении, через песчаное дно струйкой пробивалась вода, а в ней весело танцевали песчинки.

Всласть напились чистой воды, а потом Катя умыла девочку, умылась сама, наполнила ведро и поставила на солнцепеке, чтобы в тёплой воде искупать ребенка. В тени деревьев пообедали. Утомленная Аннушка крепко уснула на густой чистой траве. Катя прилегла рядом. Перед её глазами вверх по травинке карабкался жучок. Маленький черненький жучок упорно поднимался по высоченной – до самого неба – травинке. Порывом ветерка травинку раскачало, но жучок, вцепившись, прильнул к ней, не свалился, дождался, когда перестало раскачивать, и продолжил восхождение. Шелест листьев, запахи трав и земли, ползущий жучок, лёгкий чистый ветерок – всё это перевернуло Кате душу, и она тихо заплакала. Плакала, пока сон не сморил и её.

Проснулась внезапно. Открыла глаза, и встретила с пристальным скорбным взглядом старческих глаз. Рядом с ней на траве сидела маленькая, сгорбленная в белом платочке старушка, у её ног лежали суковатая палка и ветхая сумка. Заметив, что Катя проснулась, бабушка заговорила, указывая на ключ:

– Жизнь, как эта вода: то в ямку падёт, то опять спокойно течёт...

Подошла Аннушка, до этого спокойно ползавшая по траве, где, запоминая, внимательно ощупывала и обнюхивала всё ей ещё незнакомое. Разглядывая покрытое коростой лицо девочки, старушка огорченно покачивала головой. Тяжело поднялась, за руку подвела Аннушку к ключу, стала с ладони брызгать ей в лицо, что-то нашёптывать и сплёвывать, а под конец перекрестила.

Подозвала Катю, велела сорвать листочек с растущей рядом осинки и на ладони правой руки держать над истоком ключа, а сама что-то зашептала, быстро и монотонно. Вдруг вода в ключе замутилась...

– Брось и смотри – это твоя судьба.

Катя бросила листок в ключ. Его сразу закружило, и он никак не мог пристать к берегу.

– Всё запомнила? – весело глядя, спросила бабушка.

Но видя, что Катя ничего не поняла, старушка пояснила:

– Всяко будет... А, жить будешь долго. Доченька, сорвавшийся листок на дерево не вернёшь...

Подняла суму и палку. Катя подала нищенке кусок хлеба, та взяла его, положила в суму, поклонилась и пошла, опираясь на палку. Катя растерянно смотрела ей вслед, а когда белый платочек перестал мелькать между деревьями, бросилась в след. Выбежав из рощицы, увидела её, быстро шагающую по едва приметной тропинке.

Пора было возвращаться. Когда подошли к ключу, чтобы попить на дорожку, вспорхнувший от ключа воробей, испугал Аннушку, она упала, заплакала. Кате пришлось долго объяснять, кто такая птичка и как она летает. Она поднимала девочку на руках и кружила, а та махала руками и смеялась.

В следующий выходной день пришли к ручью втроем – Катя, Аннушка и Хозяйка. И возле ручья обнаружили большой пучок травы, привязанный к берёзе.

– Это старушка Знатка, оставила лечебные травы, – догадалась Хозяйка.

Катя берегла каждую травинку, а, чтобы девочка не бегала в заводской пыли, её стали закрывать дома на весь день одну. Аннушка играла в птичку и всё время пела. А песен она знала много. Все русские любили и умели петь. Они пели, и на работе, и на отдыхе, и по дороге куда-нибудь. На рабочих местах, даже сквозь шум и грохот, слышалась песня. На площади возле общежитий иногда люди собирались специально для того, чтобы петь народные песни. Песни протяжные, напевные, поэтичные, раздолбные и грустные далеко разносились над этим поруганным краем.

Глава вторая

Прошли осень, зима, весна, на исходе было лето. Уже год Катя жила в заводе. Ежегодно заводским рабочим предоставлялся отпуск на три дня. На эти дни можно было получить разрешение и отлучиться с завода. Русские, при выпавшей возможности, ездили к своим родственникам в деревни. Везли им подарки, а, чтобы купить их, отказывали во всём себе.

После месяца постоянных примочек травяным настоем, здоровье девочки резко пошло на поправку: язвочки остались только возле рта, но на месте затянувшихся язвочек остались некрасивые рубцы, приоткрылись веки, однако глаза опять гноились и по-прежнему не видели. Нужно было лекарство. Купить его можно было только в аптеке мегаполиса. Рабочих завода туда допускали только по специальным пропускам, но, как правило, русским пропуск в город не давали.

На семейном совете было решено, что за лекарством поедет Катя, а заодно, посмотрит Город и немного развлечётся. Пропуск ей должны дать.

Стали готовиться к поездке. Хозяйка ни разу не была в Городе, но с детства жадно слушала рассказы о нём, и теперь отнеслась к сборам с таким волнением, словно ей самой предстояла поездка. У Кати было два платья, она их нашла в заводской ветоши, отстирала и подогнала по фигуре – так поступали все женщины. Катины платья Хозяйка забраковала. У неё самой было одно праздничное, она его очень берегла, но тут было, не жаль. Отпустили подол, ушили в талии. Но вот беда – обувь было нечего. Обувь по заводской пыли и щебёнке изнашивалась быстро, и ни у кого не нашлось приличной, чтобы подошло и по размеру. Хозяйка вся испереживалась, Катю же это мало беспокоило – поедет в том, что есть.

– Ну, как же так, Катя, ведь это – Город! Там знаешь, как всё красиво, и все какие нарядные! Если б только увидеть хоть одним глазочком... А ты за три дня всё-всё посмотри! – и наказывала: – как приедешь, сразу купи себе туфли и переобуйся – будешь не хуже городских.

В конце концов, Катя и сама загорелась желанием увидеть Город, окунуться в знакомый мир.

Ей повезло: как работнице, проработавшей весь год без замечаний, к пропуску, кроме талонов на бесплатное проживание и питание в ведомственной гостинице, приложили бесплатный билет на посещение концерта на площади Храма Абсолюта, талон в голотеатр на просмотр фильма и два талона на посещение парка.

Административных работников утром привозил на завод, а вечером возвращал в Город комфортабельный скоростной железнодорожный экспресс. Бело-голубой сигарообразный, с красивыми занавесями на окнах, за которыми видны облицованные под дуб стены и тёмно-зелёные бархатные мягкие кресла, жителям завода он казался посланцем Города-сказки, несбыточной мечты. А нарядно одетые люди, неторопливо выходящие из автоматически раздвинувшихся широких дверей экспресса, быстро и бесшумно подъехавшего к входу в административное здание, казались людьми из другого, невообразимо прекрасного мира.

Рабочим завода ездить в нём не разрешалось; в Город они добирались на грузовой платформе. Кроме Кати на платформе ехали мужчины-грузчики. Они постоянно ездили за грузами, но пропусков для выхода из территории складов в Город у них не было.

На подъезде к мегаполису, возле пропускного пункта перед поворотом к складам, Катя сошла с платформы, предъявила пропуск дядьке, с сонным видом сидящему в окошке пропускного пункта; тот неприятливо буркнул:

– Жди. Вас подвезут.

Прошла через турникет. За пропускным пунктом толпилась небольшая группа людей. Это были рабочие с других заводов, тоже отпущенные побывать в Городе. Подошла платформа, ничем не отличающаяся от той, на которой она приехала из завода. Минут за пять доехали до места посадки на движущуюся дорожку. Ехала, смотрела по сторонам и, как и ожидала, ничего для себя нового не видела. Всё те же прямоугольники безликих домов, стеной следующие друг за другом по обе стороны полностью заасфальтированных лишенных зелени улиц; одинаковые квадраты дворов; те же многочисленные на первых этажах конторы юристов, кабинеты дантистов и психотерапевтов. Города массовой касты строили по одному проекту.

* * *

Провизор сидел за столиком у окна и, скучая, наблюдал за улицей. Как всегда в это время, покупателей было мало. Заметил девушку ловко, почти не коснувшись замедленной дорожки, соскочившую на тротуар, и направившуюся к аптеке. Девушка была стройной, походка её легкой, утренний ветерок играл её волосами и подолом платья. Молодой человек быстро выдвинул ящик стола, вынул коробочку с тюбиками помад для нанесения на лицо знаков, подошёл к зеркалу на стене и под левым виском нарисовал себе красный кружок, хотя прекрасно знал, что заниматься уходом на работе запрещено. Улыбаясь во весь рот, стоя, встретил вошедшую.

Катя мельком глянула на белозубую, на показ, улыбку, на красную метку, и слегка насупилась.

– Пожалуйста, это лекарство, – с неприступным видом подала рецепт.

Но парню было скучно, и он продолжил ухаживание:

– Для вас за полцены! – улыбаясь, подмигнул.

Но тут заметил её рабочие башмаки и, без дальнейших разговоров, подал лекарство.

Лекарство куплено; пора было позаботиться о ночлеге, найти гостиницу, адрес которой указан в пропуске. Мимо проходила молодая женщина. Катя обратилась к ней с просьбой, объяснить, как туда доехать. Женщина остановилась, смерила её гневным взглядом, и, проворчав что-то, быстро зашагала прочь. Вспомнила, что обращение на улице к незнакомому лицу, означает какое-нибудь домогательство. Нужно было искать полицейского. Увидела его на перекрёстке. Страж порядка, крепкий, мускулистый и настороженный – сам вид его должен

вызывать трепет – расставив ноги, стоял на специальном возвышении и, покачиваясь с пятки на носок, лазерной дубинкой похлопывал себя по голенищу сапога.

Подошла, назвала адрес, спросила, как туда доехать. Он строго и неприязненно оглядел её, задержал взгляд на рабочих башмаках, все понял, поднял презрительный взгляд, протянул руку:

– Пропуск.

Протянула. Рассмотрел. Из пристегнутой к ремню сумки, вынул полицейский компьютер, набрал адрес; выползла бумажка с подробным описанием маршрута. Подал вместе с пропуском:

– Спускайся в метро. Если неграмотная, покажешь эту бумажку полицейскому, он скажет в какую сторону и до какой станции ехать, а там опять спросишь. Обращайся только к полицейским – не то заведут куда-нибудь.

Опять закачался с пятки на носок.

Гостиница находилась на окраине мегаполиса. Старое производственное здание было приспособлено под гостиницу. Открыла обитую дерматином дверь, вошла в полутёмный вестибюль, предъявила пропуск дежурной, сидящей за стойкой.

Дежурная встретила неожиданно приветливо, выдала полотенце, дала ключ от комнаты:

– Располагайся, но долго не засиживайся. Скоро время обеда, спустишься ко мне – отведу в столовую.

По металлической лестнице поднялась на верхний этаж, прошла по тускло освещенному коридору с дверьми по обе его стороны. Вошла в комнату, огляделась – бедно и неудобно: десять коек, вокруг большого стола посередине комнаты разномастные стулья, выгоревшие обои, пятно на потолке из-за протечки крыши, цементный пол. Умылась над раковиной у входа и спустилась в вестибюль.

Дежурная оставила записку: «Прошу подождать», и она отправилась в столовую. Обед ничем не отличался от стандартного обеда на заводе. Катя спросила, лучше ли обеды в Городе.

– Нет. Такие же. На каждый день меню везде одинаковое.

Разговорились. Миловидная женщина лет сорока постоянно улыбалась, и улыбка красила её лицо.

– Нравится вам здесь? – спросила Катя.

– Здесь не с кем поговорить.

Катя сказала, что ей надо сделать кое-какие покупки, а ещё хочется помыться и вечером пойти на концерт – у неё есть билет. Дежурная рассказала, как добраться до ближайшего магазина, и наказала поторопиться, если хочет принять душ – вечером горячую воду могут отключить. Посетовала, что заводские все разбежались, опять не явились на обед, остались голодными.

Когда вышла из метро, предъявила билет и через турникет прошла на площадь, до начала концерта оставалось ещё полчаса, но публика там уже толпилась группами. Удивило разнообразие раскраски лиц: на лбу три чёрные линии перечёркнуты красной; синяя или красная звёздочка на щеке; раскрашенные в два, три и даже четыре разных цвета губы; извилистые линии, стрелки, разноцветные кружочки, почти у всех красный кружочек под левым виском. Желая ей хорошо повеселиться, дежурная гостиницы, вынув из рабочего стола коробочку с помадами, предложила:

– Хочешь нанести знаки?

– Нет.

А теперь ловила на себе недоуменные взгляды: похоже, у неё одной на лице не было никакого знака.

Народу набилось доотказа, приходилось делать усилия, чтобы людская масса не затолкала в середину площади. Стемнело. Засветились светильники-древки флагов; от направленных на него прожекторов ярко засиял Храм Абсолюта. Из трансляторов загремел гимн. Людская масса запела. Затем минута тишины. За сценой на фоне Храма опустился прозрачный занавес, и Храм стал просматриваться как бы сквозь дымку.

На огромных экранах по сторонам площади воспроизводилось всё, что происходило на сцене. С каждым номером усиливались грохот музыки, мелькание света и накал эмоций зрителей.

– Ты, ты, ты, – тыча в публику и бесстыдно вертясь, пела почти обнажённая певица в черных туфлях, чёрных перчатках по локоть, с белыми перьями на голове. – Ты красив, здоров, ты весел – ты сейчас моя звезда, на сегодня я твоя.

– Ты меня хочешь, ты меня хочешь, я знаю, знаю, знаю – ты меня хочешь, – гремел подхваченный всеми припев.

Публика свистела, раскачивала воздетыми вверх руками.

Затем под музыку в танце на сцену попарно выплыли жеманные, женственные юноши, а вслед за ними мужчины, подчеркнута мужественные с накачанными мышцами рук, ног, плеч, торса. К мужчинам присоединились подобного же вида женщины: мужеподобные и удивительно женственные. Сцены ухаживания, ревности, смены партнёров, забавное фиглярство, эротические танцы. Глядя на восторженное неистовство публики, Катя недоумевала: как может такое нравиться, и почему подобное называют искусством, но, зажатая в толпе, уйти не могла.

Представление закончилось скандированием людской массы под дирижерство любимого публикой артиста: «Свобода, равенство, закон». Из трансляторов опять грянул гимн, публика подхватила его.

Ехала в метро и украдкой наблюдала за плотно набившимися в вагон людьми: почти все держатся попарно, взявшись за руки, за талию, за плечи. Рядом с ней двое мужчин – мускулистых, сильных, вполне мужественных – стоят, переплетя пальцы рук, и тесно касаясь друг друга. Две подружки обнимаются, шушукаются.

– Пупырышек мой... – слышит рядом томный шёпот.

Скосив глаза, видит рядом с собой немолодую полную женщину всю, в этом сезоне, модных бантиках: на не прикрывающей полный живот кофточке, в волосах, на подоле короткой юбочки. Ещё во время гастролей она заметила, что мода в касте М не признаёт возрастных различий. В жаркую погоду люди преддомстарового возраста не считают неловким, не забыв нанести на лица знаки, разгуливать по улицам в маечках, едва прикрывающих их дряблые телеса, и коротеньких шортиках. Обняв, соседка тесно прижимает к себе сидящего рядом подростка в школьной форме. Стараясь отодвинуться, Катя вжимается в металлическую стойку.

Во второй день отправилась в парк. На центральной аллее людей было так много, словно, они пришли не погулять, а вышли на демонстрацию. Шли медленной плотной толпой, наступая друг другу на пятки.

Ходить по траве запрещалось – об этом предупреждали повсюду развешанные таблички. Нашла свободное место на скамейке, где, порознь, отгородившись молчанием, тесно сидели отдыхающие. Не замечая проходящих мимо, не слыша шарканья их ног, долго сидела, наслаждаясь видом зелени, шёпотом листьев, и, тоскуя по безвозвратно утерянному, с печалью и нежностью вспоминала Доктора. Не в первый раз, думала, что, будь он жив, ничего плохого с нею не случилось бы никогда. Овладело отчаяние; никто в мире ей не поможет, выхода нет, она навек отринута. Даже, если попытаться не вернуться в завод, то негде спрятаться, и она будет арестована в первый же день, а закон «О запрете перемещения людей из одной касты общества в другую», – беспощаден.

Наконец тяжело поднялась и пошла из парка. При выходе заметила афишу. В залы Симпозиума приглашали на лекции с последующими диспутами. Темы лекций-диспутов:

«Пороков нет, есть индивидуальность».

«Любовь – пережиток, или болезнь?»

«Молодость и наслаждение».

Прочитала, презрительно усмехнулась.

Неподалёку от выхода из парка раскинулась распродажа сваленных в кучи поношенных вещей, привезённых из элитной касты. Облепив пестрые кучи, люди копались в них. Подумала, что неплохо бы подобрать тёплую кофточку, но денег мало. В куче детских игрушек выбрала недорогую, но в хорошем состоянии куклу для Аннушки. В другой куче подобрала дешёвенькие подарки и Бригадиру с Хозяйкой.

Побродила по городу, Вернулась в парк и до вечера вместе с толпами людей гуляла по его аллеям. Одинокая, потерянная, голодная.

Уже стемнело, когда поднялась из метро и пересела на движущуюся дорожку. На улицах засветились телевизионные экраны: наступило время обязательного просмотра. Вспыхнул экран над дорожкой, и немногочисленные пассажиры, как по команде, устали в него. Передача началась с показа веселого детского мультсериала про мальчишку Жано. После её просмотра детям положено было укладываться спать. Толстый, рассеянный и смешной Жано ест бутерброд: откусывает и поглядывает сколько осталось. Прибегает мышка. Жалобно глядя, она, протягивает одну лапку к Жано, а другой гладит себя по впалому животику. Жано протягивает, было, ей бутерброд, но каждый раз опять отправляет его себе в рот и немного откусывает. Наконец, когда остаётся крохотный кусочек, с улыбкой во весь рот отдаёт его мышке, а та, вместо того, чтобы сразу съесть, прижимает лапку к сердцу, кланяется и благодарит. Выскакивает кот, хватая мышку, кусочек бутерброда отлетает в сторону. Подробная сцена поедания мышки. Хлопающий глазами Жано. Мышка съедена. Кот поднимает кусочек бутерброда и с галантным поклоном возвращает его Жано. Тот съедает. Со словами: «смех от пуза» – кот гладит свой раздутый живот и хохочет. Оба, кот и Жано, гладят себя по животам и покатываются со смеху. Завтра весь Город подхватит – «смех от пуза».

Затем продолжение ежедневного сериала «Главный враг». Русский – некрасивый, медведеподобный, и хитрый маленький, с глазами-щёлками, всё время скалящий зубы китаец, проникают на завод с целью подкупить руководителя и овладеть секретом производства. Руководитель неподкупен. Включением сигнализации он вызывает бдительных стражей. Но враги прорываются – огонь, грохот взрывов – и улетают на аэролёте, обронив при этом своё оружие. Эксперты обнаруживают, что это оружие выпускают на одном из ближайших заводов. Как оно попало в руки врага? Конец три тысячи первой серии десятого варианта.

Затем хроника. Катя вздрогнула, ей показалось, что на экране завод, где она работает и живёт – грязный, разрушающийся, шумный. Голос диктора:

– Перед нами завод, где работают русские. Разве есть хоть какое-то сходство между заводами нашего Города и этим заводом? Русские ленивы, они не хотят и не умеют работать. Они недисциплинированы, безынициативны и не умеют руководить, поэтому руководство осуществляется специалистами массовой касты. В быту они грязны и неряшливы.

На экране в убогой комнате на сбитой из ящиков койке с тупым, унылым выражением лица сидит непричесанная женщина в серой одежде и в рабочих ботинках. Катя незаметно оглядела попутчиков – на их лицах презрительное отвращение. С горечью подумала: «Посмотреть бы на вас в таких жизненных обстоятельствах».

Передавая новости мегаполиса, телеведущая одинаковым бодро-веселым тоном сообщила об успехе концерта на площади Храма Абсолюта, и сколько людей после концерта покалечено в сутолоке метро.

Потом возник подъезжающий к платформе длинный состав электробуса. Из множества одновременно раздвинувшихся дверей выходят люди и широким потоком направляются в сторону находящегося на заднем плане завода. Лица белые, чёрные, смуглые, красивые, весёлые. Многоцветие лиц и одежды. Среди пассажиров движущейся дорожки оживление, возгласы узнавания.

Бравурная музыка. Во весь экран ярко вспыхивает звезда Абсолюта. Пассажиры поднимаются с надутого воздухом сидения: наступило время чтения новых указов и постановлений, время общения с отцами мегаполиса, а слушать их полагается стоя. На фоне Звезды Абсолюта лицо мэра Города, читающего указ о новом распорядке вывоза мусора. После чтения указа мэр улыбается во весь огромный экран, благодарит за трудовой день и желает всем полноценного отдыха.

Звучат фанфары, а затем гимн. Пассажиры поют стоя, подняв лица к светящейся во весь экран Звезде Абсолюта.

После исполнения гимна на движущейся дорожке стало тихо: сказывалась усталость после трудового дня. Если разговаривать – надо улыбаться, а людям было не до улыбок.

Тяжёлое испытание уготовила Кате судьба в последний день пребывания в Городе. Остался неиспользованным талон на просмотр голографического фильма. Чтобы не возвращаться в гостиницу, она утром взяла сумку с покупками, простилась с дежурной и поехала в Голотеатр. В обмен на талон, в кассе получила билет с указанием места и времени начала сеанса.

До начала сеанса успела немного погулять по центру Города. Возле входа во Дворец Симпозиумов на рекламные тумбы наклеивали афиши – ожидался приезд зверинца; а расположившаяся за складным столиком средних лет женщина бесплатно раздавала буклеты с изображением зверей. Буклеты были цветные, красочные.

Голографический театр – огромный кубовидный серый, с окрашенным в зелёный цвет полусферическим куполом, поражал своей монументальной громоздкостью. Со всех сторон он был окружен балконами с металлическими лестницами и перилами. Проходы между квадратными бетонными колоннами вели с балконов в галереи, а из галерей через многочисленные двери со всех сторон здания – входы в просмотровый зал, с амфитеатром спускающимися рядами сидений.

В потоке зрителей по широкой металлической лестнице поднялась на балкон и через галерею вошла в просмотровый зал. Несколько минут ушло на поиски указанного в билете места. Наконец села и, как требовалось, пристегнулась ремнём, надела наушники, нажала кнопку в подлокотнике.

Натурально и объемно возник горный пейзаж. Сердце дрогнуло, когда по крутому склону стал подниматься вагончик, а она, сидя у окна, рядом увидела отступающие вниз валуны и деревья. Летали птицы, рыжая белка перепрыгнула на другую ветку. Лес кончился, внизу остались темно-зелёные кроны сосен. За окном покрытые мохом камни. Потом – протяни руку и коснёшься – потянулась голубая ледяная стена. Всё знакомо: и фуникулер, и подъём к вершине, где находится спорткомплекс. Во все стороны широко открываются дали: изумрудно-зелёные луга, в чистом небе высоко парит орёл. На вершинах отдалённых величественных гор, лежат клочья облаков.

Затем полёт над покрытыми снегом и ледниками сизыми вершинами гор. Внизу горные хребты, голубеет небольшое озеро, серо-черные дороги образуют крутые петли. Восторг сменяется глубокой грустью: где-то здесь погиб тот, лучше которого она так и не встретила в своей жизни.

Аэролёт разворачивается в сторону долины и за сиреновой дымкой вдали виднеются поросшие лесом холмы. Ей чудится, что она летит к родному городу, и вот-вот увидит его,

а за ближайшим холмом и родная школа – этот замкнутый бесконечно дорогой мирок. Слезы застилают глаза, а ей кажется, что это запотело стекло иллюминатора, и она протягивает руку, чтобы протереть. Сердце гулко бьется, стучит в висках. Но аэролёт разворачивается, влетает в ущелье и летит вдоль стоящих плотно, плечом к плечу, остроконечных и с пологими вершинами горных великанов.

Фильм закончился. Медленно загорелся свет. Публика неторопливо покинула зал, а она, склоняясь, продолжала сидеть; из её глаз текли слёзы. Подошла служащая, неприязненно сказала:

– Выйдите на воздух!

Ничего вокруг не замечая, она брела по улице, потом ехала в метро, потом на движущейся дорожке. Сойдя в нужном месте, стала поджидать платформу. Платформы всё не было, а время уходило. Она в нетерпении и беспокойстве ходила, непрерывно вглядываясь в сторону, откуда та должна была появиться. Наконец, не выдержала, переобулась в заводские башмаки, и быстро пошла по железнодорожной колее.

Дядька на пропускном пункте, принимая её пропуск, поторопил:

– Поспеши: вон, уже твои едут.

Из складских ворот выехала груженная платформа и, повернув, остановилась.

Выскочила за дверь и побежала. Не добежала метров двадцать, когда платформа поехала. Был подъём, и тяжелогруженная платформа медленно набирала скорость. Со страхом, что останется одна в пустынном месте, отступаясь, бежала по рельсовому пути; сумка колотила по спине. Между нею и платформой оставались какие-то метры, но она никак не могла их одолеть.

Груз занял почти всю платформу, и только в конце её было оставлено место для людей. Грузчики ехали стоя.

– Давай, давай! Ещё поднажми! – кричали.

Свесившись, тянули руки, пытались схватить её.

– Держите меня! – крикнул один.

Сбросив куртку, он низко перевесился за борт, и стал размахивать ею. Чтобы не вывалился, его самого держали за ремень брюк.

– Хватай! – кричали все.

Рукава куртки били по голове, по плечам. Наконец, поймала, вцепилась. Когда втащили на платформу, долго не могла прийти в себя и отдышаться. Текло из носа, рта; перегнувшись за борт платформы, плевала и кашляла, а сзади крепко держали сильные руки парня.

Приехали. Сошла с платформы и остановилась. Подошёл парень.

– Спасибо тебе...

Он улыбнулся и, торопясь на разгрузку платформы, сразу попрощался. Посмотрела вслед: ростом выше среднего, широкоплеч, русоголов.

Прошла мимо штабелей ржавых труб и контейнеров, миновала общежития и прошла в ворота завода. Вошла в грязный тамбур жилого корпуса и остановилась. Мысль острая, пронзительная, что ей уже никогда не выбраться отсюда, лишила сил. В отчаянии она долго стояла в полумраке тамбура. Пластиковые доски прогибались, под ними хлопала грязная вода. Наконец, преодолела себя и открыла дверь комнаты.

Все были дома и с нетерпением поджидали её. Хозяйка бросилась с расспросами, а рядом в радостном нетерпении получить подарок, теребила подол платья Аннушка. Отвечала с усилием. Вручила подарки. Когда сели ужинать, есть не стала, легла на кровать. Несмотря ни на что, теплившаяся в душе уверенность, что когда-нибудь она, каким-то образом, всё-таки вернётся в прежний, такой счастливый родной мир, умерла...

Глава третья

На смену отчаянию пришло холодное, абсолютное безразличие. Не осталось никаких желаний, никаких ощущений, никаких чувств – ни страдания, ни страха, ни привязанности к кому бы то ни было. Мысли в голове вялые, обрывочные. По утрам с трудом поднималась, механически приводила себя в порядок, неохотно завтракала и шла на работу. Вернувшись с работы, почти сразу ложилась. Лежала, отвернувшись к стене, а в душе навязчиво всё время звучали и звучали обрывки мелодий реквиема, исполняемого когда-то хором с её участием – мелодии боли, отчаяния, мольбы и протеста, торжества и глумления смерти, безутешной скорби, и сводящие с ума, как судьба, неотвратимые звуки труб. Внутренний ужас и пустота завладевали её душой.

Аннушка забиралась к ней на кровать, возилась с куклой, что-то шептала, пела тоненьким голоском. Но она ничего не замечала.

Глядя ночами в тёмный потолок, она с необычайной ясностью осознавала всю безысходность своего положения. Томило предчувствие грядущих бед. Возникла страшная последняя мысль; инстинктивно она отталкивала её...

С непрекращающимися морозящими холодными дождями прошла осень. Потом белый снег покрыл землю, прикрыл грязь и неухоженность, на какое-то время сделал белой и чистой заводскую территорию с её зданиями и трубопроводами. Порывы ветра гнали колючую позёмку, а по ночам в узких проходах между производственными корпусами, нагоняя на людей тоску, заунывно и жалостно завывал ветер....

Наступили святки. С шумом приходили весёлые ряженые, пели, плясали, ставили целые спектакли по старинным русским сказкам, казалось, навсегда забытым, но заново возродившимся в народной памяти. К ним прибавились сказки про когда-то счастливую и справедливую жизнь. Ряженые ребяташки со смехом тянули репку, а репкой был Бригадир.

Катя смотрела на них и с усилием улыбалась. Она похудела, побледнела, осунулась, на висках заблестела седина, в светлых глазах застыла невыразимая беззащитность. Её уговаривали развлечься, звали петь песни. Бригадир говорил:

– Иван, тот, что помог тебе на платформу забраться, меня уже несколько раз спрашивал: почему Катя не ходит на каток.

Начались оттепели, над окнами повисали сверкающие на солнце сосульки. Когда припекло, сосульки с тихим нежным звоном падали на землю и разбивались на мелкие кусочки.

Однажды, в сумеречный рассветный час, она без сна лежала с открытыми глазами, и неожиданно возле двери комнаты увидела неподвижно стоящего человека. Это был мужчина с седыми волосами до плеч. Его, устремленный на неё взгляд, был полон жалости и любви. Без страха она, не отрываясь, смотрела ему в лицо, и в груди у неё теплело. Облик стал размываться, пропадать, а затем в воздухе поплыло и растаяло лазорево-сиреневое облачко. Потрясённая, она ещё какое-то время лежала неподвижно, как зачарованная. Очнувшись, села. Рядом с ней, свернувшись от холода калачиком, посапывала во сне слепая девочка. В сумерках долго всматривалась в её страшные в коросте глаза и шрамы. Подумала: «„Что моя беда, в сравнении с бедой этого ребёнка?“» Старательно укрыла Аннушку одеялом.

Она никому не рассказала о своём видении, но с того утра в душе её перестали звучать сводящие с ума мелодии реквиема, стал проявляться интерес к жизни окружающих людей, с прежним упорством она принялась лечить Аннушку.

Однажды, занимаясь уборкой, Хозяйка в тумбочке обнаружила буклет, привезенный Катей для Аннушки; он пылился там, так и не тронутый. Стала рассматривать:

– Какие-то диковинные звери здесь нарисованы.... Есть ли такие где? Вот этот – с хвостом вместо носа – разве такое может быть?

– Это слон, – Катя взяла буклет из ее руки и прочитала все, что там было написано о слонах.

Хозяйка застыла, не сводя с не глаз.

– Катя, так ты грамотная?! – проговорила, чуть ли не испуганно.

* * *

Рабочие завода в административный корпус доступа не имели. Для необходимых контактов административных работников с рабочими, на первом этаже здания, в торцевой его части, выделили пару кабинетов, поставили там старые столы и стулья, отделили от общего коридора запираемой дверью, а на входе с улицы посадили вахтера.

Кате было приказано явиться в один из этих кабинетов к Управляющему. Охранник у ворот высокого забора, огораживающего административный корпус, сверился со списком вызванных на это время и пропустил. Она прошла по асфальтированной дорожке, поднялась по ступенькам, позвонила, назвалась в видеофон, сказала, что её вызвал Управляющий. Управляющего на месте не оказалось, вахтер, не открывая двери, через видеофон приказал:

– Жди на улице. Придет Управляющий – позову.

Управляющий рассматривал Катю, сидящую на стуле по другую сторону стола. Вспомнил избитую невольницу, купленную за копейку – так это она. Спросил, правда ли, что она грамотная? Может ли пользоваться кибером? Почему не живет в общежитии? Выслушав, сказал, что в завод ей пока ходить не нужно, будет помогать администрации. А что она умеет – он посмотрит.

Ей выделили маленькую комнату с зарешеченным окном, бывшую кладовую. Вынесли из нее поломанные приборы, принесли стол и два стула. Для начала поручили подсчитать недельную выработку всех бригад. Она легко и быстро справилась с заданием. Работа отвлекла от тяжелых дум.

Постепенно её нагружали всё больше. Многие бездельники, не упускали возможности сваливать рутинную работу на нее. Через месяц Управляющий вызвал её и сказал, что ею доволен, но ей нельзя проживать вместе с рабочими, а отдельную комнату он предоставить не может. Предложил жить в административном корпусе, там же, где работает.

В комнатку принесли старый диван, выдали комплект постельного белья, и Катя сделалась добровольной затворницей. Выходила только в столовую, куда, чтобы долго не стоять в очереди, приходила перед закрытием. Утром через перегораживающую коридор дверь с запором ей приносили задание. Сама она за эту дверь доступа не имела. По ночам вахтер не дежурил, и она оставалась одна во всем большом трехэтажном здании. Работала допоздна и вскоре в работе некоторых отделов стала разбираться не хуже специалистов. Управляющий все чаще давал ей задание перепроверить сведения, полученные от своих специалистов.

В первый же день появления её в административном корпусе, она познакомилась с Молодым человеком. Он принёс ей задание, рассказал, что нужно делать. Отдел учёта, в котором он работал, находился на первом этаже, сразу за запертой коридорной дверью, и каждый день он находил повод зайти к ней. Катя очень нуждалась в общении с людьми, близкими по уровню развития. После неумеренного потребления несколькими поколениями алкоголя, русские стали тупыми, заторможенными и одновременно вспыльчивыми. Они не имели понятия, что такое школа, книга, город, парк, кинотеатр, музей и множество других, обычных для всех людей вещей. А телевизионные передачи в заводе велись только по одной программе, предназначенной для показа в русских селах и в заводах; и сюжеты в них были только на местные темы. Передачи эти восхваляли покорность и рабскую преданность всему, что касалось Мира Абсолюта и всячески унижали национальное и человеческое достоинство русских.

Катя оживлялась и радовалась, когда к ней заходил Молодой человек. Он был высокого роста, атлетически сложен, чёрные волнистые волосы, тёмные глаза, смуглая кожа. Он знал, что красив, и держался уверенно, в обществе молоденьких девушек любил покрасоваться, пустить пыль в глаза эрудицией, хотя кроме пустых знаний, вроде городских телевизионных сплетен, других у него не было. Но девушки и сами были воспитаны телевидением. В него влюблялись, по нему страдали. В молодости внутренняя пустота и даже отрицательные качества легко маскируются внешней красотой и живостью.

В школе он обучался по упрощённой программе. Будучи младшим клерком, он с годами мог стать старшим клерком, и это для него было бы вершиной. На заводе не хватало служащих, и за три года работы не раз была возможность продвинуться по службе, но он был ленив и инициативен.

Свою работу он охотно перекладывал на Катю. По утрам, широко распахнув дверь её кабинета, он, пританцовывая, подходил к столу, за которым она работала, и, раскланявшись, подавал папку с очередным заданием. Она улыбалась, но если бы он знал, как умеет плясать она... Уходить не спешил, усаживался на стул и принимался рассказывать, о том, как весело провёл время в выходные дни, о своих друзьях, о девушках. Видя перед собой внимательную слушательницу, хвастал, привирал, и сам себе казался интересным, даже значительным. А она, радуясь, что находится не одна, выполняла его работу и слушала в пол-уха. Он уже считал, что, подобно другим девушкам, она влюблена в него. Как-то раз, сидя рядом и объясняя, что нужно делать, он, как бы невзначай, положил руку ей на колено. Она спокойно сняла руку, посмотрела холодно. В другой раз, указав на тяжёлую папку с бумагами, спокойно сказала:

– Ударю.

Понял, что, хотя и улыбается, но не шутит. Этого он не ожидал. Её такое отношение вначале озадачило, а потом рассердило: «Чем он плох? Ну и пусть сидит одна, старуха», – думал с досадой. В Катином возрасте девушки в мегаполисе, зачастую, уже не по разу сменили сексуального партнера. Несколько дней он не появлялся. Однако работу нужно было выполнять. Один день он добросовестно потрудился, но стало скучно. Похвалил себя, что в прошлый раз не нагрубил Кате, опять собрал бумаги и явился, как ни в чём не бывало. И опять она работала, а он болтал.

Однажды она попросила его рассказать про школу. Он задумался, погрузился. Рассказывать не хотелось, но она настаивала.

– Сначала расскажи ты про свою.

Она рассказывала про хорошо оснащенные приборами просторные школьные классы, про Дворец Муз, про стадион с бассейном, про спальные корпуса с комнатами на два-три человека, про школьные праздники. Смеясь, он, перебил:

– Думал, только я умею складно врать! У тебя не хуже получается. Хоть комиксы рисуй на тему: «О чём мечтают школьники».

Спохватившись, она поспешно потребовала:

– Теперь твой черед.

Вначале спокойно, посмеиваясь, но, всё более ожесточаясь, он стал рассказывать о больших классах со старыми исписанными столами, о больших спальнях, в которых, после ухода воспитателей, дети делали всё, что им заблагорассудится: друг у друга отнимали подушки, одеяла или, вообще, заставляли спать на голом полу, обливали сонных водой или лили воду на матрац, а потом смеялись – «описался», о любимом занятии детей высмеивать, травить слабого, о том, что самым обидным у них было прозвище – «умник», об играх безжалостных, злых. Молодой человек горячился, раскраснелся, было видно, что вспоминать ему тяжело, больно, но остановиться не мог.

– Однажды несколько старших школьников пробрались ночью в спальню к маленьким. Подняли сонных, выстроили, заставили открывать рты и плевали туда. А потом..., а потом... – он едва не плакал.

– Прости... Я и подумать не могла, что может быть такое..., – коснулась его руки.

– А у вас разве было не так? – зло усмехнулся. – Ты что, с луны свалилась?

Встал и быстро вышел.

Часть шестая

Глава первая

Молодой человек не знал своего отца; тот ушёл из семьи, когда ему не было и двух лет, и больше ни разу не появился в его жизни. Однако, согласно обязательству, которое возлагали на себя родители при получении разрешения на рождение ребёнка, от него исправно поступали средства на содержание и обучение сына в школе второй категории. Только поэтому они с матерью знали, что отец жив.

Существовали школы первой и второй категорий. Обучение в них велось по единой программе, но они сильно отличались по условиям проживания детей. Школ первой категории было мало, и чтобы устроить ребёнка туда, родители должны были перед поступлением его в подготовительный класс оплатить всю разницу в стоимости обучения между школами первой и второй категорий за все годы обучения, а это редко кому было под силу.

Красивая и жизнерадостная мать любила и баловала его, когда он был маленьким, но по мере того, как он рос – а рос он быстро, всегда был самым высоким в классе, – она всё более отдалялась, как будто тяготилась, что у неё такой большой сын. Чем старше он становился, тем реже мать забирала его из школы, и, начиная со средних классов, он уже неотлучно жил в школе и зимой, и летом. И таких как он, было большинство; за время учёбы они привыкали обходиться без дома, без родителей, переставали скучать по ним, привыкали жить своей обособленной школьной жизнью, так же, как до этого когда-то жили в школах их родители. А жизнь эта была непростой. Постоянно нужно было быть начеку, ожидая щелчка, тычка, щипка, подзатыльника, пинка. Между сверстниками всё время происходили стычки: в умывалке за то, кто первый будет умываться, в столовой с теми, кто лезет без очереди, в спальне с теми, кто подменил подушку или матрац.

Поселившись в школе, дети быстро отучались от непосредственности поведения и выражения душевных порывов, делались скрытными, осторожными, хитрыми, лицемерными, недобрыми. Всегдашняя суতোлка, условия воспитания и быта превращали их в безликих, одинаковых. Со старшими учениками малыши держались настороженно; этого требовали учителя, да и сами они боялись своих старших товарищей.

После первого года обучения, по окончании подготовительного класса, всех детей посредством тестов проверяли на коэффициент интеллекта. Его ай-кью давал право направить на обучение как в класс по усложнённой, так и в класс по упрощённой программе. Всегда, в каждом наборе школьников, были такие дети – не тупые, но ещё не проявившие себя. Директора школ извлекали из этого выгоду: тех, чьи родители делали подношения, отправляли в классы по усложнённой программе, а детей, чьих родителей не волновало, как будут обучать их ребёнка, – в классы по упрощённой. Его мать в дни тестирования детей даже не появилась в школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.